

НИКОЛАЙ
ГУМИДЕВ

Annotation

Собрание сочинений одного из виднейших представителей «серебряного века» русской изящной словесности Н.С. Гумилева (1886–1921) выходит впервые на его родине спустя семьдесят лет с момента трагической гибели поэта. В первый том настоящего издания входят практически все поэтические произведения Гумилева, сопровождаемые подробными комментариями, проясняющими в необходимых случаях сложнейший историко-философский подтекст его лирики и небольших эпических произведений.

- [Николай Степанович Гумилев](#)
 - [Путь конквистадоров](#)
 - [«Я конквистадор в панцире железном...»](#)
 - [Мечи и поцелуи](#)
 - [«С тобой я буду до зари...»](#)
 - [Песнь Заратустры](#)
 - [Credo](#)
 - [Грёза ночная и тёмная](#)
 - [Песня о певце и короле](#)
 - [Рассказ девушки](#)
 - [Поэмы](#)
 - [Дева Солнца](#)
 - [Осенняя песня](#)
 - [Сказка о королях](#)
 - [Высоты и бездны](#)
 - [«Когда из темной бездны жизни...»](#)
 - [Людам настоящего](#)
 - [Людам будущего](#)
 - [Пророки](#)
 - [Русалка](#)
 - [На мотивы Грига](#)
 - [Осень \(«По узкой тропинке...»\)](#)
 - [«Иногда я бываю печален...»](#)
 - [«По стенам опустевшего дома...»](#)

○ Романтические цветы

- Сонет («Как конквистадор в панцире железном...»)
- Баллада («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»)
- Оссиан
- Крыса
- Рассвет
- Смерть («Нежной, бледной, в пепельной одежде...»)
- В небесах
- Думы
- Крест («Так долго лгала мне за картою карта...»)
- Маскарад
- После победы
- Выбор
- Умный дьявол
- Отказ
- Воспоминание
- Мечты
- Перчатка
- Мне снилось
- Сада-Якко
- Самоубийство
- Принцесса
- Пещера сна
- Влюбленная в дьявола
- Любовники
- Заклинание
- Гиена
- Корабль
- Ягуар
- Ужас
- За гробом
- Невеста льва
- Сады души
- Зараза
- Орел Синдбада
- Жираф

- [Носорог](#)
- [Озеро Чад](#)
- [Помпей у пиратов](#)
- [Основатели](#)
- [Манлий](#)
- [Игры](#)
- [Императору.](#)
- [Каракалла](#)
- [«Мореплаватель Павзаний...»](#)
- [Неоромантическая сказка](#)
- [Жемчуга](#)
 - [Волшебная скрипка](#)
 - [Потомки Каина](#)
 - [Камень](#)
 - [Одержимый](#)
 - [Поединок](#)
 - [Портрет мужчины](#)
 - [Лесной пожар](#)
 - [Царица](#)
 - [Товарищ](#)
 - [В библиотеке](#)
 - [В пути](#)
 - [Семирамида](#)
 - [Старый конквистадор](#)
 - [Варвары](#)
 - [Воин Агамемнона](#)
 - [Андрогин](#)
 - [Орел](#)
 - [Покорность](#)
 - [Рыцарь с цепью](#)
 - [Христос](#)
 - [Маркиз де Карабас](#)
 - [Путешествие в Китай](#)
 - [Завещание](#)
 - [Озера](#)
 - [Свидание](#)
 - [«Ты помнишь дворец великанов...»](#)

- [Старина](#)
- [«Он поклялся в строгом храме...»](#)
- [Ворота рая](#)
- [Заводи](#)
- [Кенгуру](#)
- [Маэстро](#)
- [Дон-Жуан](#)
- [Попугай](#)
- [Читатель книг](#)
- [«У меня не живут цветы...»](#)
- [Это было не раз](#)
- [Молитва](#)
- [«Рощи пальм и заросли алоэ...»](#)
- [Вечер \(«Еще один ненужный день...»\)](#)
- [Беатриче](#)
 - [«Музы, рыдать перестаньте...»](#)
 - [«В моих садах — цветы, в твоих — печаль...»](#)
 - [«Пощади, не довольно ли жалящей боли...»](#)
 - [«Я не буду тебя проклипать...»](#)
- [Возвращение Одиссея](#)
 - [У берега](#)
 - [Избиение женихов](#)
 - [Одиссей у Лаэрта](#)
- [Капитаны](#)
 - [«На полярных морях и на южных...»](#)
 - [«Вы все, паладины Зеленого Храма...»](#)
 - [«Только глянет сквозь утесы...»](#)
 - [«Но в мире есть иные области...»](#)
- [Сон Адама](#)
- [Чужое небо](#)
 - [I](#)
 - [Ангел-хранитель](#)
 - [Две розы](#)
 - [Девушке](#)
 - [На море](#)
 - [Сомнение](#)
 - [Сон. Утренняя болтовня](#)

- [Отрывок \(«Христос сказал: убогие блаженны...»\)](#)
- [Тот другой](#)
- [Вечное](#)
- [Константинополь](#)
- [Современность](#)
- [Сонет \(«Я верно болен: на сердце туман...»\)](#)
- [Однажды вечером](#)
- [Она](#)
- [Жизнь](#)
- [Из логова змиева](#)
- [II](#)
 - [«Я верил, я думал...»](#)
 - [Ослепительное](#)
 - [Родос](#)
 - [Паломник](#)
 - [Жестокой](#)
 - [Любовь \(«Надменный, как юноша, лирик...»\)](#)
 - [Баллада \(«Влюбленные, чья грусть, как облака...»\)](#)
 - [Укротитель зверей](#)
 - [Отравленный](#)
 - [У камина](#)
 - [Маргарита](#)
 - [Оборванец](#)
 - [Туркестанские генералы](#)
 - [Абиссинские песни](#)
 - [Военная](#)
 - [Пять быков](#)
 - [Невольничья](#)
 - [Занзибарские девушки](#)
- [III. Из Теофиля Готье](#)
 - [На берегу моря](#)
 - [Искусство](#)
 - [Анакреонтическая песенка](#)
 - [Рондолла](#)
 - [Гиппопотам](#)
- [Поэмы](#)
 - [Блудный сын](#)

- Открытие Америки
- Дон-Жуан в Египте
- Колчан
 - Памяти Анненского
 - Война
 - Венеция
 - Старые усадьбы
 - Фра Беато Анджелико
 - Разговор («Когда зеленый луч, последний на закате...»)
 - Рим
 - Пятистопные ямбы
 - Пиза
 - Юдифь
 - На острове
 - Возвращение
 - Леонард
 - Птица
 - Канцона («Словно ветер страны счастливой...»)
 - Канцона («Об Адонисе с лунной красотой...»)
 - Персей. Скульптура Кановы
 - Солнце духа
 - Средневековье
 - Падуанский собор
 - Отъезжающему.
 - Снова море
 - Африканская ночь
 - Наступление
 - Смерть («Есть так много жизней достойных...»)
 - Видение
 - «Я вежлив с жизнью современной...»
 - «Какая странная нега...»
 - «Я не прожил, я протомился...»
 - Счастье
 - Восьмистишье
 - Дождь
 - Вечер («Как этот ветер грузен, не крылат...»)
 - Генуя

- [Китайская девушка](#)
- [Рай](#)
- [Ислам](#)
- [Болонья](#)
- [Сказка](#)
- [Неаполь](#)
- [Старая дева](#)
- [Почтовый чиновник](#)
- [Больной](#)
- [Ода д'Аннуцио](#)
- [Костёр](#)
 - [Деревья](#)
 - [Андрей Рублев](#)
 - [Осень \(«Оранжево-красное небо...»\)](#)
 - [Детство](#)
 - [Городок](#)
 - [Ледоход](#)
 - [Природа \(«Так вот и вся она, природа...»\)](#)
 - [Я и Вы](#)
 - [Змей](#)
 - [Мужик](#)
 - [Рабочий](#)
 - [Швеция](#)
 - [Норвежские горы](#)
 - [На Северном море](#)
 - [Стокгольм](#)
 - [Творчество](#)
 - [Утешение](#)
 - [Прапамять](#)
 - [Канцона \(«В скольких земных океанах я плыл...»\)](#)
 - [Канцона \(«Храм Твой, Господи, в небесах...»\)](#)
 - [Канцона \(«Как тихо стало в природе...»\)](#)
 - [Самофракийская победа](#)
 - [Роза](#)
 - [Телефон](#)
 - [Юг](#)
 - [Рассыпающая звезды](#)

- [О тебе](#)
- [Сон](#)
- [Эзбекие](#)
- [Фарфоровый павильон](#)
 - [Китай](#)
 - [Фарфоровый павильон](#)
 - [Луна на море](#)
 - [Отражение гор](#)
 - [Природа \(«Спокойно маленькое озеро...»\)](#)
 - [Дорога](#)
 - [Три жены мандарина](#)
 - [Счастье](#)
 - [Соединение](#)
 - [Странник](#)
 - [Дом](#)
 - [Индокитай](#)
 - [Аннам](#)
 - [Девушки](#)
 - [Детская песенка](#)
 - [Лаос](#)
 - [Кха](#)
 - [Мик. Африканская поэма](#)
- [Шатёр](#)
 - [Вступление](#)
 - [Красное море](#)
 - [Египет](#)
 - [Сахара](#)
 - [Суэцкий канал](#)
 - [Судан](#)
 - [Абиссиния](#)
 - [Галла](#)
 - [Сомалийский полуостров](#)
 - [Либерия](#)
 - [Мадагаскар](#)
 - [Замбези](#)
 - [Дамара](#)
 - [Экваториальный лес](#)

- [Дагомея](#)
- [Нигер](#)
- [Огненный столп](#)
 - [Память](#) («Только змеи сбрасывают кожи...»)
 - [Лес](#)
 - [Слово](#)
 - [Душа и тело](#)
 - [Канцона](#) («Закричал громогласно...»)
 - [Канцона](#) («И совсем не в мире мы, а где-то...»)
 - [Подражанье персидскому](#)
 - [Персидская миниатюра](#)
 - [Шестое чувство](#)
 - [Слонёнок](#)
 - [Заблудившийся трамвай](#)
 - [Ольга](#)
 - [У цыган](#)
 - [Пьяный дервиш](#)
 - [Леопард](#)
 - [Молитва мастеров](#)
 - [Перстень](#)
 - [Дева-птица](#)
 - [Мои читатели](#)
 - [Звездный ужас](#)
- [Стихотворения из первых изданий книг «Романтические цветы» и «Жемчуга»](#)
 - [Романтические цветы](#)
 - [Ахилл и Одиссей](#)
 - [«Нас было пять... мы были капитаны...»](#)
 - [«Одинокое-незрячее солнце смотрело на страны...»](#)
 - [Жемчуга](#)
 - [Одиночество](#)
 - [В пустыне](#)
 - [Адам](#)
 - [Театр](#)
 - [Правый путь](#)
 - [Колдунья](#)
 - [Охота](#)

- Уходящей
 - Северный раджа
- Стихотворения, не включенные в прижизненные сборники
 - «Я в лес бежал из городов...»
 - Альпийский стрелок
 - «Я вечернею порою над заснувшею рекою...»
 - Посвящение к сборнику «Горы и ущелья»
 - «У скалистого ущелья...»
 - Молодой францисканец
 - «Вам, кавказские ущелья...»
 - «На сердце песни, на сердце слезы...»
 - «В шумном вихре юности цветущей...»
 - «Злобный гений, царь сомнений...»
 - «Много в жизни моей я трудов испытал...»
 - «Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»
 - «Во мраке безрадостном ночи...»
 - «Я песни слагаю во славу твою...»
 - «Был праздник веселый и шумный...»
 - Разговор («Я властительный и чудный...»)
 - Огонь
 - Лето
 - «Он воздвигнул свой храм на горе...»
 - «Сегодня у берега нашего бросил...»
 - «Мне надо мучиться и мучить...»
 - «Солнце бросило для нас...»
 - Франция («О Франция, ты призрак сна...»)
 - «Зачарованный викинг, я шел по земле...»
 - «Слушай веления мудрых...»
 - «Царь, упившийся кипрским вином...»
 - «За часом час бежит и падает во тьму...»
 - «За стенами старого аббатства...»
 - «На камине свеча догорала, мигая...»
 - «На горах розовеют снега...»
 - «Неслышный, мелкий падал дождь...»
 - «Как труп, бессилён небосклон...»
 - Renvoi
 - «На льдах тоскующего полюса...»

- [Колокол](#)
- [«Моя душа осаждена...»](#)
- [Больная земля](#)
- [После смерти](#)
- [Поэту](#)
- [«Под рукой уверенной поэта...»](#)
- [На пиру](#)
- [Анна Комнена](#)
- [Воспоминанье](#)
- [«Тебе бродить по солнечным лугам...»](#)
- [Судный день](#)
- [«Нежданно пал на наши рощи иней...»](#)
- [«Она говорила: Любимый, любимый...»](#)
- [«Нет тебя тревожней и капризней...»](#)
- [«Аддис-Абеба, город роз...»](#)
- [Тоска по морю](#)
- [«Все ясно для тихого взора...»](#)
- [Рождество в Абиссинии](#)
- [«Когда я был влюблен...»](#)
- [«Вечерний медленный паук...»](#)
- [«Какою музыкой мой слух взволнован?...»](#)
- [Неизвестность](#)
- [В саду](#)
- [Лиловый цветок](#)
- [Освобождение](#)
- [Акrostих \(«Ангел лег у края небосклона...»\)](#)
- [«Да! Мир хорош, как старец у порога...»](#)
- [Вилла Боргезе](#)
- [Флоренция](#)
- [Тразименское озеро](#)
- [На палатине](#)
- [«Скоро полночь, свеча догорела...»](#)
- [«Когда вступила в спальню Дездемона...»](#)
- [«Мое прекрасное убежище...»](#)
- [«Этот город воды, колоннад и мостов...»](#)
- [«Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно...»](#)
- [«Пролетела стрела...»](#)

- [Сестре милосердия](#)
- [Ответ сестры милосердия](#)
- [Новорожденному](#)
- [Любовь \(«Она не однажды всплывала...»\)](#)
- [«Священные плывут и тают ночи...»](#)
- [«Когда, изнемогши от муки...»](#)
- [Конквистадор](#)
- [Всадник](#)
- [Второй год](#)
- [«Перед ночью северной, короткой...»](#)
- [«Взгляните: вот гусары смерти!..»](#)
- [Канцона \(«Бывает в жизни человека...»\)](#)
- [«Ты говорил слова пустые...»](#)
- [В Бретани](#)
- [Предзнаменование](#)
- [Сирень](#)
- [Любовь \(«Много есть людей, что, полюбив...»\)](#)
- [«Мы в аллеях светлых пролетали...»](#)
- [Позор](#)
- [«Мой альбом, где страсть сквозит без меры...»](#)
- [Портрет](#)
- [Ночь](#)
- [«Об озерах, о павлинах белых...»](#)
- [«Однообразные мелькают...»](#)
- [«Отвечай мне, картонажный мастер...»](#)
- [Богатое сердце](#)
- [Синяя звезда](#)
- [«В этот мой благословенный вечер...»](#)
- [«Еще не раз Вы вспомните меня...»](#)
- [«Так долго сердце боролось...»](#)
- [Предложение](#)
- [Прощанье](#)
- [«Нежно-небывалая отрада...»](#)
- [Прощенье](#)
- [Уста солнца](#)
- [Девочка](#)
- [Новая встреча](#)

- [Отрывок из пьесы](#)
- [Хокку](#)
- [Пропавший день](#)
- [Предупреждение](#)
- [Гончарова и Ларионов](#)
- [Два Адама](#)
- [«Я, что мог быть лучшей из поэм...»](#)
- [Ангел боли](#)
- [Песенка](#)
- [Купанье](#)
- [Рыцарь счастья](#)
- [Загробное мщенье](#)
- [Франция \(«Франция, на лик твой просветленный...»\)](#)
- [«Среди бесчисленных светил...»](#)
- [Приглашение в путешествие](#)
- [«Они спустились до реки...»](#)
- [Два сна](#)
- [Евангелическая церковь](#)
- [Мой час](#)
- [Естество](#)
- [К ***](#)
- [Сентиментальное путешествие](#)
- [Индюк](#)
- [«Нет, ничего не изменилось...»](#)
- [«Поэт ленив, хоть лебединый...»](#)
- [«Ветла чернела. На вершине...»](#)
- [«С тобой мы связаны одною цепью...»](#)
- [«После стольких лет...»](#)
- [«На далекой звезде Венере...»](#)
- [«Я сам над собой насмеялся...»](#)
- [Алжир и Тунис](#)
- [Поэма начала. Книга первая. Дракон](#)
 - [Песнь первая](#)
 - [Песнь вторая](#)
- [Альбомные стихи, надписи на книгах, экспромты, отрывки](#)
 - [Искатели жемчуга](#)
 - [Наталье Владимировне Анненской](#)

- [Ва<лентину> Кривичу](#)
- [«Микель-Анджело, великий скульптор...»](#)
- [«Вы пленены игрой цветов и линий...»](#)
- [Акrostих Кате Кардовской](#)
- [Акrostих \(«Мощь и нега...»\)](#)
- [«Гляжу на Ваше платье синее...»](#)
- [Акrostих \(«О, самой нежной из кузин...»\)](#)
- [Акrostих \(«Можно увидеть на этой картинке...»\)](#)
- [Мыльные пузыри](#)
- [Встреча](#)
- [В четыре руки](#)
- [Прогулка](#)
- [На кровати, превращенной в тахту](#)
- [Куранты любви](#)
- [Медиумические явления](#)
- [В вашей спальне](#)
- [О признаниях](#)
- [Память \(«Как я скажу, что тебя буду помнить всегда...»\)](#)
- [Страница из Олиного дневника](#)
- [Борьба](#)
- [Райский сад](#)
- [Ключ в лесу](#)
- [Опять прогулка](#)
- [Ева или Лилит](#)
- [Слова на музыку Давыдова](#)
- [Остров Любви](#)
- [«Пальмы, три слона и два жирафа...»](#)
- [11 июля 1911 г.](#)
- [Четыре лошади](#)
- [«Огромный мир открыт и манит...»](#)
- [«Я до сих пор не позабыл...»](#)
- [«Хиромант, большой бездельник...»](#)
- [Открытие летнего сезона](#)
- [Обед в Бежецке](#)
- [Надпись на книге](#)
- [«Фидлер, мой первый учитель...»](#)
- [«На Дуксе ли, на Бенце ль я...»](#)

- [«Мы с тобой повсюду рыскали...»](#)
 - [Крест \(«Корней Иванович Чуковский, вот...»\)](#)
 - [«Какое счастье в Ваш альбом...»](#)
 - [«На вечере Верхарена...»](#)
 - [Акростих восьмерка](#)
 - [«Мне на ваших картинах ярких...»](#)
 - [Надпись на переводе «Эмалей и Камей»](#)
 - [Мадригал полковой даме](#)
 - [Надпись на «Колчане»](#)
 - [«Ты, жаворонок в горней высоте...»](#)
 - [Надпись на книге «Колчан»](#)
 - [Командиру 5-го Александрийского полка](#)
 - [«Что я прочел? Вам скучно, Лери...»](#)
 - [«Вы дали мне альбом открытый...»](#)
 - [«За службу верную мою...»](#)
 - [«Вдали от бранного огня...»](#)
 - [В день рожденья Мика](#)
 - [«Уже подумал о побеге я...»](#)
 - [Михаилу Леонидовичу Лозинскому](#)
 - [«Если плохо мужикам...»](#)
 - [«Не Царское Село — к несчастью...»](#)
 - [«Левин, Левин, ты суров...»](#)
 - [«Чуковский, ты не прав, обрушась на поленья...»](#)
 - [«О дева Роза, я в оковах...»](#)
 - [«У ворот Иерусалима...»](#)
 - [Леопарди](#)
 - [Николаю Александровичу Энгельгардту](#)
 - [«Низкорослый, большелобый...»](#)
 - [«Желтое поле...»](#)
 - [«Три лестницы, ведущие на небо...»](#)
 - [Отрывки 1920–1921 гг](#)
 - [«Я не знаю этой жизни ах, она сложней...»](#)
 - [Комментарии](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Николай Степанович Гумилев
Сочинения в трех томах
Том 1. Стихотворения

Путь конквистадоров

«Я конквистадор в панцире железном...»

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

Мечи и поцелуи

«С тобой я буду до зари...»

С тобой я буду до зари,
На утро я уйду
Искать, где спрятались цари,
Лобзавшие звезду.

У тех царей лазурный сон
Заткал лучистый взор;
Они — заснувший небосклон
Над мраморностью гор.

Сверкают в золоте лучей
Их мантий багрецы,
И на седилах их кудрей
Алмазные венцы.

И их мечи вокруг лежат
В камнях дорогих,
Их чутко гномы сторожат
И не уйдут от них.

Но я прийду с мечом своим.
Владеет им не гном!
Я буду вихрем грозовым,
И громом и огнем!

Я тайны выпытаю их,
Все тайны дивных снов,
И заключу в короткий стих,
В оправу звонких слов.

Промчится день, зажжет закат,

Природа будет храм,
И я прийду, прийду назад,
К отворенным дверям.

С тобою встретим мы зарю,
На утро я уйду,
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

Песнь Заратустры

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятья,
Сын голубой высоты.

Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскресающей силы
Властно царит на земле.

Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;
Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.

Жаркое сердце поэта
Блещет, как звонкая сталь.
Горе, не знающим света!
Горе, обнявшим печаль!

Credo

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,

Когда победно отблистаю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час большого дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу большого знания
Зачем, откуда я иду.
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду,

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий

Над царством вечной пустоты.

Грёза ночная и тёмная

На небе сходились тяжелые, грозные тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана,
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечем короля океана, Сварана.

И волны шептали сибиллы седой заклинанья,
Шатались деревья от песен могучего вала,
И встретил Сваран исступленный в грозе ликования
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Друг друга сжимая в объятьях, сверкая доспехом,
Они начинают безумную, дикую пляску,
И ветер приветствует битву рыдающим смехом,
И море грохочет свою вековечную сказку.

Когда я устану от ласковых, нежных объятий,
Когда я устану от мыслей и слов повседневных —
Я слышу, как воздух трепещет от гнева проклятий,
Я вижу на холме героев, могучих и гневных.

Песня о певце и короле

Мой замок стоит на утесе крутом
В далеких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном,
С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон,
Он держит коварную речь,
Но чувствует, что меч для него припасен,
Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире златой,
Горел мой алмазный венец —
И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивою арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,
И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидал над мрачной бездной,
Как мрамор белый, женский труп.

Влачились змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох.

И смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке.

Едва звенели колокольца,

Не отдаваясь в горах,
Дешевые сверкали кольца
На узких, сморщенных руках.

Он хохотал, смешной, беззубый,
Скача по сумрачным холмам,
И прижимал больные губы
К холодным, девичьим губам.

И я ушел, унес вопросы,
Смущая ими божество,
Но выше этого утеса
Не видел в мире ничего».

Я долее слушать безумца не мог,
Я поднял сверкающий меч,
Певцу подарил я кровавый цветок
В награду за дерзкую речь.

Цветок зазял на высокой груди,
Красиво горящий багрец...
«Безумный певец, ты мне страшен, уйди».
Но мертвенно бледен певец.

Порвались струны, протяжно звеня,
Как арфу его я разбил
За то, что он плакать заставил меня,
Властителя гордых могил.

Как прежде в туманах не видно луча,
Как прежде скитается тролль,
Он бедный не знает, бояся меча,
Что властный рыдает король.

По прежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король и убитый певец

И дикая песня его.

Рассказ девушки

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони!

Я отдыхала у ворот
Под тенью милой, старой ели,
А надо мною пламенели
Снега неведомых высот.

И в этот миг с далеких гор
Ко мне спустился странник дивный,
В меня вперил он взор призывный,
Могучей негой полный взор.

И пел красивый чародей:
«Пойдем со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей.

Их очи дивно глубоки,
Они прекрасны и воздушны,
И духи неба так послушны
Прикосновеньям их руки.

Мы в их обители войдем
При звуках светлого напева
И там ты будешь королевой,
Как я могучим королем.

О, пусть ужасен голос бурь,
И страшны лики темных впадин,

Но горный воздух так прохладен
И так пленительна лазурь».

И эта песня жгла мечты,
Дарила волею мгновенья
И наряжала сновиденья
В такие яркие цветы.

Но тих был взгляд моих очей,
И сердце, ждущее спокойно,
Могло ль прельститься цепью стройной,
Светло-чарующих речей.

И дивный странник отошел,
Померкнул в солнечном сияньи,
Но внятно — тяжкое рыданье
Мне повторял смущенный дол.

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони.

Поэмы

Дева Солнца

I

Могучий царь суров и гневен,
Его лицо мрачно, как ночь,
Толпа испуганных царевен
Бежит в немом смятеньи прочь.

Вокруг него сверкает золото,
Алмазы, пурпур и багрец,
И краски алого заката
Румянят мраморный дворец.

Он держит речь в высокой зале
Толпе разряженных льстецов,
В его глазах сверканье стали,
А в речи гул морских валов.

Он говорит: «Еще ребенком
В плуши окрестных деревень
Я пеньем радостным и звонким
Встречал веселый, юный день.

Я пел и солнцу и лазури,
Я плакал в ужасе глухом,
Когда безрадостные бури
Царили в небе голубом.

Явилась юность — праздник мира,
В моей груди кипела кровь
И в блеске солнечного пира

Я увидал мою любовь.

Она во сне ко мне слетала,
И наклонялася ко мне,
И речи дивные шептала
О золотом, лазурном дне.

Она вперед меня манила,
Роняла белые цветы,
Она мне двери отворила
К восторгам сладостной мечты.

И чтобы стать ее достойным,
Вкусить божественной любви,
Я поднял меч к великим войнам,
Я плавал в злате и крови.

Я стал властителем вселенной,
Я Божий бич, я Божий глас,
Я царь жестокий и надменный,
Но лишь для вас, о лишь для вас.

А для нее я тот же страстный
Любовник вечно молодой,
Я тихий гимн луны, согласной
С бесстрастно блещущей звездой.

Рабы, найдите Деву Солнца
И приведите мне, царю,
И все дворцы, и все червонцы,
И земли все я вам дарю».

Он замолчал и все мнутятся,
И отплывают корабли,
И слуги верные несутся,
Спешат во все концы земли.

И солнц и лун прошло так много,
Печальный царь томяся ждет,
Он жадно смотрит на дорогу,
Склонясь у каменных ворот.

Однажды солнце догорало
И тихо теплились лучи,
Как песни вышнего хорала,
Как рати ангельской мечи.

Гонец примчался запыленный,
За ним сейчас еще другой,
И царь, горящий и влюбленный,
С надеждой смотрит пред собой.

Как звуки райского напева,
Он ловит быстрые слова,
«Она живет, святая дева...
О ней уже гремит молва...»

Она пришла к твоим владеньям,
Она теперь у этих стен,
Ее народ встречает пеньем
И преклонением колен.»

И царь навстречу деве мчится,
Охвачен страстною мечтой,
Но вьется траурная птица
Над венценосной головой.

Он видит деву, блеск огнистый
В его очах пред ней потух,
Пред ней, такой невинной, чистой,
Стыдливо-трепетной, как дух.

Лазурных глаз не потупляя,
Она идет, сомкнув уста,
Как дева пламенного рая,
Как солнца юная мечта.

Одежды легкие, простые
Покрыли матовость плечей,
И нежит кудри золотые
Венок из солнечных лучей.

Она идет стопой воздушной,
Глаза безмерно глубоки,
Она вплетает простодушно
В венок степные васильки.

Она не внемлет гласу бури,
Она покинула дворцы,
Пред ней рассыпались в лазури
Степных закатов багрецы.

Ее душа мечтой согрета,
Лазурность манит впереди,
И волны ласкового света
В ее колышутся груди.

Она идет перед народом,
Она скрывается вдали,
Так солнце клонит лик свой к водам,
Забыв о горестях земли.

И гордый царь опять остался
Безмолвно-бледен и один,
И кто-то весело смеялся,
Бездонной радостью глубин.

Но глянул царь орлиным оком,

И издал он могучий глас,
И кровь пролилася потоком,
И смерть как буря пронеслась.

Он как гроза, он гордо губит
В палящем зареве мечты,
За то, что он безмерно любит
Безумно-белые цветы.

Но дремлет мир в молчаньи строгом,
Он знает правду, знает сны,
И Смерть, и Кровь даны нам Богом
Для оттененья Белизны.

Осенняя песня

Осенней неги поцелуй
Горел в лесах звездою алой,
И песнь прозрачно-звонких струй
Казалась тихой и усталой.

С деревьев падал лист сухой,
То бледно-желтый, то багряный,
Печально плача над землей
Среди росистого тумана.

И солнце пышное вдали
Мечтало снами изобилья
И целовало лик земли
В истоме сладкого бессилья.

А вечерами в небесах
Горели алые одежды
И, обогранные, в слезах,
Рыдали Голуби Надежды.

Летя в безмирной красоте,
Сердца к далекому манили
И создали в высоте,
Венки воздушно-белых лилий.

И осень та была полна
Словами жгучего напева,
Как плодоносная жена,
Как прародительница Ева.

* * *

В лесу, где часто по кустам
Резвились юные дриады,
Стоял безмолвно-строгий храм,
Маня покоем колоннады.

И белый мрамор говорил
О царстве Вечного Молчанья
И о полете гордых крыл,
Неверно-тяжких, как рыданье.

А над высоким алтарем
В часы полуночных видений
Сходились, тихие, вдвоем
Две золотые девы-тени.

В объятьях ночи голубой,
Как розы радости мгновенны,
Они шептались меж собой
О тайнах Бога и вселенной.

Но миг, и шепот замолкал,
Как звуки тихого аккорда,
И белый мрамор вновь сверкал

Один, задумчиво и гордо.

И иногда, когда с небес
Слетит вечерняя прохлада,
Покинув луг, цветы и лес,
Шалила юная дриада.

Входила тихо, вся дрожа,
Залита сумраком багряным,
Свой белый пальчик приложит
К устам душистым и румяным.

На пол, горячий от луча,
Бросала пурпурную розу
И убегала, хохоча,
Любя свою земную грезу.

Её влечет её стезя
Лесного, радостного пенья,
А в этом храме быть нельзя
Детям греха и наслажденья.

И долго роза на полу
Горела пурпурным сияньем
И наполняла полумглу
Сребристо-горестным рыданьем.

Когда же мир, восстав от сна,
Сверкал улыбкою кристалла,
Она, печальна и одна,
В безмолвном храме умирала.

* * *

Когда ж вечерняя заря
На темном небе угасает
И на ступени алтаря
Последний алый луч бросает,

Пред ним склоняется одна,
Одна, желавшая напева
Или печальная жена,
Или обманутая дева.

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?
Они эмалью голубой
От нас закрытые скрижали.

Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья,
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленье?

И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И страстно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в очах огонь пожара?
Она для нас больной кошмар,
Иль правда, горестней кошмара.

Зачем, в отчаяньи мечты,
Она склонилась на ступени?

Что надо ей от высоты
И от воздушно-белой тени?

Не знаем! Мрак ночной глубок,
Мечта — пожар, мгновенья — стоны;
Когда ж забрезжится восток
Лучами жизни обновленной?

* * *

Едва трепещет тишина,
Смеясь эфирным синим волнам,
Глядит печальная жена
В молчаньи строгом и безмолвном.

Небес далеких синева
Твердит неясные упреки,
В ее душе зажглись слова
И манят огненные строки.

Они звенят, они поют
Так заклинательно и строго:
«Душе измученной приют
В чертогах Радостного Бога;

Но Дня Великого покров
Не для твоих бессильных крылий,
Ты вся пока во власти снов,
Во власти тягостных усилий.

Ночная, темная пора
Тебе дарит свою усладу,
И в ней живет твоя сестра —
Беспечно-юная дриада.

И ты еще так любишь смех
Земного, алого покрова
И ты вплетаешь яркий грех
В гирлянды неба голубого.

Но если ты желаешь Дня
И любишь лучшую отраду,
Отдай объятиям огня
Твою сестру, твою дриаду.

И пусть она сгорит в тебе
Могучим, радостным гореньем,
Молясь всевидящей судьбе,
Её покорствуя веленьям.

И будет твой услышан зов,
Мольба не явится бесплодной,
Уйдя от радости лесов,
Ты будешь божески-свободной».

И душу те слова зажгли,
Горели огненные стрелы
И алый свет и свет земли
Предстал, как свет воздушно-белый

* * *

Песня Дриады

Я люблю тебя, принц огня,
Так восторженно, так маняще,
Ты зовешь, ты зовешь меня
Из лесной, полуночной чащи.

Хоть в ней сны золотых цветов

И рассказы подруг приветных,
Но ты знаешь так много слов,
Слов любовных и беззаветных.

Как горит твой алый камзол,
Как сверкают милые очи,
Я покину родимый дол,
Я уйду от лобзаний ночи.

Так давно я ищу тебя
И ко мне ты стремишься тоже,
Золотая звезда, любя,
Из лучей нам постелет ложе.

Ты возьмешь в объятия меня
И тебя, тебя обниму я,
Я люблю тебя, принц огня,
Я хочу и жду поцелуя.

* * *

Цветы поют свой гимн лесной,
Детям и ласточкам знакомый,
И под развесистой сосной
Танцуют маленькие гномы.

Горит янтарная смола,
Лесной дворец светло пылает
И голубая полумгла
Вокруг, как бабочка, порхает.

Жених, как радостный костер,
Горит могучий и прекрасный,
Его сверкает гордый взор,
Его камзол пылает красный.

Цветы пурпурные звенят:
«Давайте места, больше места,
Она идет, краса дриад,
Стыдливо-белая невеста».

Она, прекрасна и тиха,
Не внемля радостному пенью,
Идет в объятия жениха
В любовно-трепетном томленьи.

От взора ласковых цветов
Их скрыла алая завеса,
Довольно песен, грез и снов
Среди лазоревого леса.

Он совершен, великий брак,
Безумный крик всемирных оргий!
Пускай леса оденет мрак,
В них было счастье и восторги.

* * *

Да, много, много было снов
И струн восторженно звенящих
Среди таинственных лесов,
В их голубых, веселых чащах.

Теперь открылись миры
Жене божественно-надменной,
Взамен угаснувшей сестры
Она узнала сон вселенной.

И, в солнца ткань облечена,
Она великая святыня,

Она не бледная жена,
Но венценосная богиня.

В эфире радостном блестя,
Катятся волны мировые,
А в храме Белое Дитя
Творит святую литургию.

И Белый Всадник кинул клик,
Скача порывисто-безумно,
Что миг настал, великий миг,
Восторг предмирный и бездумный.

Уж звон копыт затих вдали,
Но вечно — радостно мгновенье!
...И нет дриады, сна земли,
Пред ярким часом пробужденья.

Сказка о королях

«Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над миражами земли.

В вечных песнях, в вечном танце
Мы воздвигнем новый храм.
Пусть пьянящие багрянцы
Точно окна будут нам.

Окна в Вечность, в лучезарность,
К берегам Святой Реки,
А за нами пусть Кошмарность
Создает свои венки.

Пусть терзают иглы терний

Лишь усталое чело,
Только солнце в час вечерний
Наши кудри греть могло.

Ночью пасмурной и мглистой
Сердца чуткого не мучь;
Грозовой, иль золотистой
Будь же тучей между туч.»

* * *

Так сказал один влюбленный
В песни солнца, в счастье мира,
Лучезарный, как колонны
Просветленного эфира,

Словом вещим, многодумным
Пытку сердца успокоив,
Но смеялись над безумным
Стены старые покоев.

Сумрак комнат издевался,
Бледно-серый и угрюмый,
Но другой король поднялся
С новым словом, с новой думой.

Его голос был так страстен,
Столько снов жило во взоре,
Он был трепетен и властен,
Как стихающее море.

Он сказал: «Индийских тканей
Не постигнуты узоры,
В них несдержанность желаний,
Нам неведомые взоры.

Бледный лотус под луною
На болоте, мглой одетом,
Дышет тайною одною
С нашим цветом, с белым цветом.

И в безумствах теокалли
Что-то слышится иное.
Жизнь без счастья, без печали
И без бледного покоя.

Кто узнает, что томится
За пределом наших знаний
И, как бледная царица,
Ждет мучений и лобзаний».

* * *

Мрачный всадник примчался на черном коне,
Он закутан был в бархатный плащ
Его взор был ужасен, как город в огне,
И как молния ночью, блестящ.

Его кудри как змеи вились по плечам,
Его голос был песней огня и земли,
Он балладу пропел молодым королям,
И балладе внимали, смутясь, короли.

* * *

«Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер

И роскошных долин молодое лицо.

Принесли мне вина — струевого огня
Фея гор и властительно — пурпурный Гном,
Я увидел, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

И я понял восторг создаваемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания — безумье и снег...
Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.

Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взорах сплетались ответ и вопрос,
И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня
И Отчаянье было названье ему».

* * *

Голос тягостной печали,
Песней горя и земли,
Прозвучал в высоком зале,
Где стояли короли.

И холодные колонны

Неподвижностью своей
Оттеняли взор смущенный,
Вид угрюмых королей.

Но они вскричали вместе,
Облегчив больную грудь:
«Путь к Неведомой Невесте
Наш единый верный путь.

Полны влагой наши чаши,
Так осушим их до дна,
Дева Мира будет нашей,
Нашей быть она должна!

Сдернем с радостной скрижали
Серый, мертвенный покров,
И раскрывшиеся дали
Нам расскажут правду снов.

Это верная дорога,
Мир иль наш, или ничей,
Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей».

* * *

По дороге их владений
Раздается звук трубы,
Голос царских наслаждений,
Голос славы и борьбы.

Их мечи из лучшей стали,
Их щиты, как серебро,
И у каждого в забрале
Лебединое перо.

Все, надеждою крылаты,
Покидают отчий дом,
Провожает их горбатый,
Старый, верный мажордом.

Верны сладостной приманке,
Они едут на закат,
И смущаясь поселянки
Долго им вослед глядят,

Видя только панцырь белый,
Звонкий, словно лепет струй,
И рукою загорелой
Посылают поцелуй.

* * *

По обрывам пройдет только смелый...
Они встретили Деву Земли,
Но она их любить не хотела,
Хоть и были они короли.

Хоть безумно они умоляли,
Но она их любить не могла,
Голубеющим счастьем печали
Молодых королей прокляла.

И больные, плакучие ивы
Их окутали тенью своей,
В той стране, безнадежно-счастливой,
Без восторгов и снов и лучей.

И венки им сплетали русалки
Из фиалок и лилий морских,

И, смеясь, надевали фиалки
На склоненные головы их.

Ни один не вернулся из битвы...
Развалился прадедовский дом,
Где так часто святыя молитвы
Повторял их горбун мажордом.

* * *

Краски алого заката
Гасли в сумрачном лесу,
Где измученный горбатый
За слезой ронял слезу.

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехалася сова:

«Горе! Умерли русалки,
Удалились короли,
Я, беспомощный и жалкий,
Стал властителем земли.

Прежде я беспечно прыгал,
Царский я любил чертог,
А теперь сосновых игол
На меня надет венок.

А теперь в моем чертоге
Так пустынно ввечеру;
Страшно в мире... страшно, боги...
Помогите... я умру...»

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехался сова.

Высоты и бездны

«Когда из темной бездны жизни...»

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

Людям настоящего

Для чего мы не означим
Наших дум горячей дрожью,
Наполняем воздух плачем,
Снами, смешанными с ложью.

Для того-ль, чтоб бесполезно,
Без блаженства, без печали
Между Временем и Бездной

Начертить свои спирали.

Для того-ли, чтоб во мраке,
Полном снов и избылья,
Бросить тягостные знаки
Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме
Сонмы радостных видений,
Быть тяжелыми камнями
Для грядущих поколений.

Людям будущего

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
Любовь и Жизнь — одно.
Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь,
Вы слейте в радостном полете
Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,
Что все они рабы земли
И что они, созданья пыли,
Родились и умрут в пыли.
Но ваша светлая беспечность
Зажглась безумным пеньем лир,
Невестой вашей будет Вечность,
А храмом — мир.

Все люди верили глубоко,
Что надо жить, любить шутя,
И что жена — дитя порока,
Стократ нечистое дитя.

Но вам бегущие годы
Несли иной нездешний звук
И вы возьмете на Вершины
Своих подруг.

Пророки

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной,
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как он, пророки —
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи темных башен

Те речи слушают, смеясь.

Русалка

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

На мотивы Грига

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага

Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны,
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремленье иного просит,
Иных жемчужин, иных камней.

Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты проходишь мечтой бездумной,
Звеня восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

Осень («По узкой тропинке...»)

По узкой тропинке
Я шел, упоенный мечтою своей,
И в каждой былинке
Горело сияние чьих-то очей.

Сплетались травы
И медленно пели и млели цветы,

Дыханьем отравы
Зеленой, осенней светло залиты.

И в счастье обмана
Последних холодных и властных лучей
Звенел хохот Пана
И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,
С кристаллами слез о лазурной весне,
Вкусили отраду,
Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену,
Сегодня я Пана ликующий брат,
А завтра одену
Из снежных цветов прихотливый наряд.

И грусть ледяная
Расскажет утихшим волненьем в крови
О счастье без рая,
Глазах без улыбки и снах без любви.

«Иногда я бываю печален...»

Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий, в груде развалин
Старых храмов, грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста,
Не навек-ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною, неясно,

Где-то там в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной.
В темных безднах беззвучно сгори...
...И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари.»

«По стенам опустевшего дома...»

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

По стенам, по столам, по буфетам
Все могли-бы их видеть воочью,
Их, оставленных ласковым светом,
Окруженных безрадостной ночью.

Их больные и слабые тельца
Трепетали в тоске и истоме,
С той поры, как не стало владельца
В этом прежде смеявшемся доме.

Сумрак комнат покинутых душ,
Тишина с каждым мигом печальней,
Их владелец был ими ж задушен
В темноте готической спальни.

Унесли погребальные свечи,
Отшумели прощальные тризны,
И остались лишь смутные речи,
Да рыдания, полны укоризны.

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

Романтические цветы

Сонет («Как конквиста́дор в панцире железном...»)

Как конквиста́дор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

Баллада («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»)

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня
Понестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания — безумье и снег,
Но коней я ударил свистящим бичем,
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,
И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.

Оссиан

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечем короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспенённое море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных.

Крыса

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кроватке
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живет он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кроватке,
Девочка с огромными глазами.

— Мама, мама! — Но у мамы гости,
В кухне хохот няни Василисы,
И горят от радости и злости,
Словно уголечки, глазки крысы.

Страшно ждать, но встать еще страшнее.
Где он, где он, ангел светлокрылый?
— Милый ангел, приходи скорее,
Защити от крысы и помилуй!

Рассвет

Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди властительного Змея.

Как он дивно светел, дивно страшен!
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

Молчаливо ждали у преддверья,
Только ангел шевельнул крылами,
И посыпались из рая перья
Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,
Словно снег над неокрепшей нивой!
И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво.

Что нам в бледном утреннем обмане?
И Павлин, и Змей — чужие людям.
Вот они растаяли в тумане,
И мы больше видеть их не будем.

Мы дрожим, как маленькие дети,
Нас пугают времени налеты,
Мы пойдем молиться на рассвете
В ласковые мраморные гроты.

Смерть («Нежной, бледной, в пепельной одежде...»)

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганьи мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь.

Как у вечно-жаждущей Астреи,
Взоры были дивно глубоки,
И неслась по жилам кровь быстрее,
И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю.
Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю.

В небесах

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала Медведица-ночь.
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь!

Зааркань и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на Медведицу-ночь
Богатырскому Псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется Пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К медведям с незапамятных пор.

Никуда ей тогда не спастись,
И издохнет она наконец,
Чтобы в небе спокойно паслись
Козерог, и Овен, и Телец.

Думы

Зачем они ко мне собрались, думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий?
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами
Смотрел на уплывающих к победам,
За то, что я горячими губами
Касался губ, которым грех неведом,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки,

За все теперь настало время мести.
Обманный, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во тьме, меня задушат.

Крест («Так долго лгала мне за картою карта...»)

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумьи. в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

— Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста! —

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

Маскарад

В глухих коридорах и в залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостинных
Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютня, где струны
Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался,
И я танцевал с куртизанкой Содома,
О чем-то грустил я, чему-то смеялся,
И что-то казалось мне странно-знакомо.

Молил я подругу: «Сними эту маску,
Ужели во мне не узнала ты брата?
Ты так мне напомнила древнюю сказку,
Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно-чужою
И лишь для меня бесконечно-знакома,
И верь, от людей и от масок я скрою,
Что знаю тебя я, царица Содома».

Под маской мне слышался смех ее юный,
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою
Темнело лицо проплывающей ночи,
Она от меня ускользнула змеею,

И сдернула маску, и плюнула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый, вкрадчивый шепот: «Воскресни,
Воскресни для жизни, для боли и счастья!»

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица, ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

После победы

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И все шепчет, и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко-стреляющий лук?
Иль не знаете вы: завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега.
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?

Выбор

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Умный дьявол

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
— Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману»...
Но помни, — молвил умный Дьявол, —
Он на заре пошел ко дну.

Отказ

Царица — иль, может быть, только печальный ребенок, —
Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем,
И стан ее стройный и гибкий казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца,
Они предлагали свои плянцевитые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо»...
Царица — иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

Воспоминание

Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.

Мечты

За покинутым, бедным жилищем,
Где чернеют остатки забора,
Старый ворон с оборванным нищим
О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней
Говорил, трепеща от волненья,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом
Он не помнил тоски их жилища
И был лебедем нежным и белым,
Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо,
Ночь тяжелая с неба спустилась,
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась.

Перчатка

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня — моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И ее до новой встречи не сниму.

Мне снилось

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали — довольно?
Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Сада-Якко

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца.

Самоубийство

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно помочила
В нем кораллы нежных губок

И живая тень румянца
Заменялась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалека набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Словно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

Принцесса

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стала тихо тишиной виденья,
Пламенем мелькающим лампадка
Освещала только часть строенья.

Неужели это только тряпки,
Жалкие, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо,
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?

...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

Пещера сна

Там, где похоронен старый маг,
Где зияет в мраморе пещера,
Мы услышим робкий, тайный шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет скучный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Сохраним мы нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.

Синий блеск нам взор заморозит,
Фея Маб свои расскажет сказки,
И спугнет, блуждая, Вечный Жид
Бабочек оранжевой окраски.

Но когда воздушный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер — блуждающею тенью.

Фея Маб на лунном лепестке
Улетит к далекому чертогу,
И, угрюмо посох сжав в руке
Вечный Жид отправится в дорогу.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя —

Золотисто-огненное солнце.

Влюбленная в дьявола

Что за бледный и красивый рыцарь
Проскакал на вороном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцаньи свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в дом,
И зачем был так странно долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще так молода,
Но я все же плачу, и рыдаю,
И мечтаю всегда.

Любовники

Любовь их душ родилась возле моря,
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно-радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... страннее и суровой
Едва ль была людская красота,
Спокойный взгляд, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких, трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Средь них одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка.

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет,
Ее уста не говорили «нет»,
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных рощ
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

Заклинание

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила

Для него алеющий цветок.

Гиена

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы,
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками.
Неправда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такую же гиеной,
Она, как я, любила запах крови».

По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи

За длинные, безжалостные плети.

Корабль

— Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно-мерцающем взоре? —
Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее
Не видали над бездной морской.
Колыхались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно-блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной, предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетаая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница

В затуманенном взоре твоём.

Ягуар

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я сверкал на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце — пламя грозного пожара,
В мускулах — безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

Но неожиданно в темном перелеске
Я увидел нежный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

«Призрак Счастья, Белая Невеста»...
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: «Ни с места!»
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Набежавшим яростным собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими и легкими шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,

Звезды говорили с жемчугами.

Ужас

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шёпот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

За гробом

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера, —
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно грянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни.
Со стеклянным, выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это все. И это будет вечно.

Невеста льва

Жрец решил. Народ, согласный
С ним, зарезал мать мою:
Лев пустынный, бог прекрасный,
Ждет меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь
От грозящего врага?
Я надела алый пояс,
Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:
«Солнце-зверь, я заждалась,
Приходи терзать добычу
Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Пасть и не подняться вновь,
Дай услышать страшный запах,
Темный, пьяный, как любовь».

Как куренья, пахнут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

Сады души

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И — кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб, белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки — розоватый жемчуг юга,
Сокровище немислимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Переплетясь в молитвенном экстазе.

У ног ее — две черные пантеры
С отливом металлическим на шкуре.
Взлетев от роз таинственной пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пускай сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

Зараза

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос гортанный и резкий,
Меж снастей видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их тонкие тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи.
Они всех выше,
И им виднее.

Аисты — воздушные маги,
Им многое тайное понятно:
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

Орел Синдбада

Следом за Синдбадом-Мореходом
В чуждых странах я собирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью, —
В сердце гибель загорелась снами.
Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, окутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенным взором,
Отлетая, распускает крылья.

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Носорог

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топот? Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь.
Но, в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.

Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далеко уведут,
И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

Озеро Чад

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются страшным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем;
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал мне, что едва ли
И во Франции видали
Обольстительней меня,
И как только день растает,
Для двоих он оседлает
Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком,
Пробегал лесные чащи,

Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам
И достался смертным мукам;
Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груди
Шкур звериных и шелковых тканей,
Уносила я птицей на север,
Я ломала мой редкостный веер,
Упиваясь восторгом заране.
Раздвигала я гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце,
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, Смеясь, владеют мною.
Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

Помпей у пиратов

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенной злобой боязни
Говорят, то храбрясь, то бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами,
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов. Это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живее!
Где вино? Высыхает мой кубок».

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые, длинные ногти.

И оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

Основатели

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был дик и нем.
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце» — ответил Рем.

Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш древний почет».
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, глянем вперед».

«Здесь будет цирк, — промолвил Ромул, —
Здесь будет дом наш, открытый всем».
«Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы» — ответил Рем.

Манлий

Манлий сброшен. Слава Рима,
Власть все та же, что была,
И навеки нерушима,
Как Тарпейская скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Для чего ж в полдневной хмаре,
Озаряемый лучом,
Возникает хмурый Марий
С окровавленным мечом?

Игры

Консул добр: на арене кровавой
Третий день не кончаются игры,
И совсем обезумели тигры,
Дышут древнею злобой удавы.

А слоны, а медведи! Такими
Опьянелыми кровью бойцами,
Туром, бьющим повсюду рогами,
Любовались едва ли и в Риме.

И тогда лишь был отдан им пленный,
Весь израненный, вождь аламанов,
Заклинатель ветров и туманов
И убийца с глазами гиены.

Как хотели мы этого часа!
Ждали битвы, мы знали — он смелый.
Бейте, звери, горячее тело,
Рвите, звери, кровавое мясо!

Но, прижавшись к перилам дубовым,
Вдруг завыл он, спокойный и хмурый,
И согласным ответили ревом
И медведи, и волки, и туры.

Распластались покорно удавы,
И упали слоны на колени,
Ожидая его повелений,
Поднимали свой хобот кровавый.

Консул, консул и вечные боги,
Мы такого еще не видали!
Ведь голодные тигры лизали

Колдуну запыленные ноги.

Императору

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне! Я не трибун, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи
Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки, и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О император, я верный твой раб.

Каракалла

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы стал ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях!

Образы властительные Рима,
Юлий, Цезарь, Август и Помпей, —
Это тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Кончен ряд железных сновидений,
Тихи гробы сумрачных отцов,
И ласкает бюыстрый Тибр ступени
Гордо розовеющих дворцов.

Жадность снов в тебе неутолима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Если тени упадают ниц,
Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,

Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в твоих садах, ночное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты, стрелою снов пронзенный,
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет, с Нила привезенный,
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи —
Тихие, пустынные сады,
С темных пальм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки, как тени,
С крыльями жемчужной белизны.

Тайное свершается в природе:
Молода, светла и влюблена,
Легкой поступью к тебе нисходит,
В облако закутавшись, луна.

Да, от лунных песен ночью летней
Неземная в этом мире тишь,
Но еще страшнее и запретней
Ты в ответ слова ей говоришь.

А потом в твоём зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-звонкими стихами
Пробуждаешь юную зарю.

«Мореплаватель Павзаний...»

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привёз и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

В золотом, невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.

Суетились у галеры
Бородатые скитальцы.
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряном понтоне.

Неоромантическая сказка

Над высокою горою
Поднимались башни замка,
Окруженного рекою,
Как причудливою рамкой.

Жили в нем согласной парой
Принц, на днях еще из детской,
С ним всезнающий, и старый,
И напыщенный дворецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий
И кричит, прогнав дремоту:

«За пределами Веледа
Есть заклятые дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы».

Принц не слушает и мчится,
Белый панцырь так и блещет,
Сокол, царственная птица,

На руке его трепещет.

Вдруг... жилище людоеда —
Скал угрюмые уступы,
И, трофеей его победы,
Полусъеденные трупы.

И, как сны необычайны,
Пестрокожие удавы...
Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не пытается он вынуть
Меч испытанный из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Вызывает носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в лесистом мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел нечаян
В этот дом глухих рыданий,
И испуганный хозяин
Очутился на аркане.

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

Жемчуга

Волшебная скрипка

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,
—

Тотчас бешеные волки в кровожадном исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни
сокровищ!

Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

Потомки Каина

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Камень

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы мог увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,

И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленье,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

Одержимый

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чуя роковое.

Чрез дымный луг и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьем наперевес
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.

В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом,
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам:

Мне сразу в очи хлынет мгла...
На полном, бешеном галопе
Я буду выбит из седла
И покачусь в ночные топи.

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о *сoup de grâce*
Я возоплю пред неизвестным.

Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной

Пройдет неведомое мимо...

И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «Вот странный паладин
С душой, измученной нездешним».

Поединок

В твоём гербе — невинность лилий,
В моём — багряные цветы.
И близок бой, рога завыли,
Сверкнули золотом щиты.

Я вызван был на поединок
Под звуки бубнов и литавр,
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду, — угрюмый мавр.

Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копьё не знает равных
В пределах моря и земли.

Вот мы схватились и застыли
И войско с трепетом глядит,
Кто побеждает: я ли, ты ли,
Иль гибкость стали, иль гранит,

Я пал, и молнии победней
Сверкнул и в тело впился нож.
Тебе восторг — мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,
Толпа поет тебе хвалы,
Но ты воротись обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.

И над равниной дымно-белой
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый

И снова склонишься над ним:

«Люблю! Ты слышишь, милый, милый?
Открой глаза, ответь мне — да.
За то, что я тебя убила,
Твоей я стану навсегда».

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк.

Портрет мужчины

Картина в Лувре работы неизвестного

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом.
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным уладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он — на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать... плакать больше он не может.

Лесной пожар

Ветер гонит тучу дыма,
Словно грузного коня.
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня.

Только в редкие просветы
Темно-бурых тополей
Видно розовые светы
Обезумевших полей.

Ярко вспыхивает маис,
С острым запахом смолы,
И, шипя и разгораясь,
В пламя падают стволы.

Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев.

Вон несется слон-пустынник,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.

С вепрем стиснутый бок-о-бок,
Легкий волк, душа ловить,
Зубы белы, взор не робок —
Только время не для битв.

А за ними в дымных пущах
Льется новая волна
Опаленных и ревущих...

Как назвать их имена?

Словно там, под сводом ада,
Дьявол щелкает бичом,
Чтобы грешников громада
Вышла бешеным смерчом.

Все страшней в ночи бессонной,
Все быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обогранный,
Первым гибнет человек.

Царица

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,

И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

Товарищ

Что-то подходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждою ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик.

Старый товарищ, древний ловчий,
Снова встаешь ты с ночного дна,
Тигра смелее, барса ловчее,
Сильнее грузного слона.

Помню, все помню; как забуду
Рыжие кудри, крепость рук,
Меч твой, вносивший гибель всюду,
Из рога турьего твой лук?

Помню и волка; с нами в мире
Вместе бродил он, вместе спал,
Вечером я играл на лире,
А он тихонько подвывал.

Что же случилось? Чьею властью
Вытоптан был наш дикий сад?
Раненый коршун, темной страстью
Товарищ дивный был объят.

Спутано помню — кровь повсюду,
Душу гнетущий мертвый страх,
Ночь, и героев павших груду,
И труп товарища в волнах.

Что же теперь, сквозь ряд столетий,
Выступил ты из смертных чаш, —
В смуглых ладонях лук и сети,

И на плечах багряный плащ?

Сладостной верю я надежде,
Лгать не умеют сердцу сны,
Скоро пройду с тобой, как прежде,
В полях неведомой страны.

В библиотеке

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп,
И мысли холодно-жестоки.

И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепьи ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик но слышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь

Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О, пожелтевшие листы,
Шагреновые переплеты!

В пути

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести, наконец
Неотцветающий сад.

Семирамида

Для первых властителей завиден мой жребий,
И боги не так горды.
Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мои сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые, нежные мхи,
Рабы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.

Всё манит и радует, всё ясно и близко,
Всё таит восторг тишины,
Но каждую полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей,
Мне хочется броситься из этого сада
С высоты семисот локтей.

Старый конквистадор

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

Варвары

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица, нагою.

Трубили герольды. По ветру стремились знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья.
Роскошные груды восточных шелков и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была — как пантера суровых безлюдий,
С глазами — провалами темного, дикого счастья.
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На смуглых руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны серебряной лютни:
«Спешите, герои, несущие луки и пращи!
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще!

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в бедное тело вопьются свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью
И будут красней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие, грубые люди,
Мечтала, любуясь на зарево ваших становищ.
Идите ж, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд протрубит — не щадите заветных сокровищ».

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновьей,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,

Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых тущобах веселые щебеты птичьи,
И царственно-синие женские взоры... и струны,
Которыми скалды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернул он на север.

Воин Агамемнона

Смутную душу мою тяготит
Странный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Все, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Все отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега — в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, — вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид
Дротик, упавший в траву.
Умер водитель народов, Атрид, —
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя!

Андрогин

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо.
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самое,
Ты тело даешь для Великого Бога,
Изысканно-нежное тело свое.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими,
Должны мы исполнить старинный обет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?!
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странным и светлым с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

И воздух — как роза, и мы — как виденья,
То близок к отчизне своей пилигрим...
И верь! Не коснется до нас наслажденье
Бичом оскорбительно-жгучим своим.

Орел

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры

Его великолепная могила.

Покорность

Только усталый достоин молиться богам,
Только влюблённый — ступать по весенним лугам!

На небе звезды, и тихая грусть на земле,
Тихое «пусть» прозвучало и тает во мгле.

Это — покорность! Приди и склонись надо мной,
Бледная дева под траурно-черной фатой!

Край мой печален, затерян в болотной глуши,
Нету прекраснее края для скорбной души.

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

Что я: влюблён или просто смертельно устал?
Так хорошо, что мой взор, наконец, отблистал!

Тихо смотрю, как степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, как плачет болотная выпь.

Рыцарь с цепью

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конквистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену,
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая над рубинами цветов,
И, ревнивая, разбила сталь мучительных оков.

Я опять иду по скалам, пью студеные струи,
Под дыханьем океана раны зажили мои.

Но, вступая, обновленный, в неизвестную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И, чтоб помнить каждый подвиг, — и возвышенность, и
степь, —
Я к серебряному шлему прикую стальную цепь.

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отраднo будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

Маркиз де Карабас

Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля.
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую плыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.

Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочьи яйца,
Им испеченные в песке.

Когда же роща тьму призовет,
Туман уронит капли рос
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос:

«Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличный маркизов.

И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежат вам по наследью.

Зачем же спите вы в норе,

Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!»

Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердьясь, вычесывает блох.

На утро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.

Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
...И в каждой травке, в каждой ветке
Я мой встречаю маркизат.

Путешествие в Китай

Воздух над нами чист и звонок,
В житницу вол отвез зерно,
Отданный повару пал ягненок,
В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце ploжет,
Что мы пытаем бытие?
Лучшая девушка дать не может
Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом кабаду,
Душу исполнит нам жгучей страстью
Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы,
Нас испугает медный лев.
Что нам пригрезится в ночь у пальмы,
Как опьянят нас соки дерев?

Праздником будут те недели,
Что проведем на корабле...
Ты ли не опытен в пьяном деле,
Вечно румяный, мэтр Раблэ?

Грузный, как бочки вин токайских,
Мудрость свою прикрой плащом,
Ты будешь пугалом дев китайских,

Бедра обвив зеленым плющом.

Будь капитаном. Просим! Просим!

Вместо весла вручаем жердь...

Только в Китае мы якорь бросим,

Хоть на пути и встретим смерть!

Завещание

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей, мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет,
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю

Упоительной жизнью огня.

Озера

Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора,
Но каждую ночью так ясно мне снятся
Большие, ночные озера.

На траурно-черных волнах неньюфары,
Как думы мои, молчаливы,
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы.

Луна освещает изгибы дороги,
И видит пустынное поле,
Как я задыхаюсь в тяжелой тревоге
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Как в сумрачной драме развязка:
Печальная девушка, белая птица
Иль странная, нежная сказка.

И новое солнце заблещет в тумане,
И будут стрекозами тени,
И гордые лебеди древних сказаний
На белые выйдут ступени.

Но мне не припомнить. Я, слабый, бескрылый,
Смотрю на ночные озера
И слышу, как волны лепечут без силы
Слова рокового укора.

Проснусь, и как прежде уверены губы,
Далеко и чуждо ночное,
И так по-земному прекрасны и грубы

Минуты труда и покоя.

Свидание

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ.
Не так ли полная луна
Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя,
С тревогой древнею встречать
Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,
И снова день и мрак,
Но, обожженная луной,

Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но, как луна, всегда светла
Полночная любовь.

«Ты помнишь дворец великанов...»

Ты помнишь дворец великанов,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы,
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?

Теперь, о скажи, не бледнея,
Теперь мы с тобою не те,
Быть может, сильнее и смелее,
Но только чужие мечте.

У нас, как точеные, руки,
Красивы у нас имена,
Но мертвой, томительной скуке
Душа навсегда отдана.

И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

Старина

Вот парк с пустынными опушками
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзаж.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

... Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин,
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

«Он поклялся в строгом храме...»

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в Моем не клялся храме, —
Прозвучала речь Мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

Ворота рая

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле — нищий, словно гость непрощенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

Заводи

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводы
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
...И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отратно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю Тебя, Господи.

Кенгуру

Утро девушки

Сон меня сегодня не развежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал,
И смешно, смешно ко мне запрыгал,
И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью;
Что ж нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложатся,
Словно тени листьев поутру.
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

Маэстро

В красном фраке с галунами,
Надушенный, встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И метались в гулкой зале,
И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вокруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

Дон-Жуан

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда среди оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

Попугай

Я — попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг — реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще, —

Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

Читатель книг

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознания,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижимый как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

«У меня не живут цветы...»

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой, и завянут,
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истома,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

Это было не раз

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи — окрашены кровью.

Молитва

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

«Рощи пальм и заросли алоэ...»

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно-голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

Вечер («Еще один ненужный день...»)

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди, ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловещих птиц — мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина,
Блестит луна — твоё запястье,
И мне во сне опять дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

Беатриче

«Музы, рыдать перестаньте...»

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну Отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

«В моих садах — цветы, в твоих — печаль...»

В моих садах — цветы, в твоих — печаль.
Приди ко мне, прекрасною печалью
Заворожи, как дымчатой вуалью,
Моих садов мучительную даль.

Ты — лепесток иранских белых роз,
Войди сюда, в сады моих томлений,
Чтоб не было порывистых движений,
Чтоб музыка была пластичных поз,

Чтоб пронеслось с уступа на уступ
Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор мэнад, а хор девичий
Пел красоту твоих печальных губ.

«Пощади, не довольно ли жалящей боли...»

Пощади, не довольно ли жалящей боли,
Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
Я оставил соблазн роковых своеволий,
Усмиранный, покорный, я твой навсегда.

Слишком долго мы были затеряны в безднах,
Волны-звери, подняв свой мерцающий горб,
Нас крутили и били в объятьях железных
И бросали на скалы, где пряталась скорбь.

Но теперь, словно белые кони от битвы,
Улетают клочки грозовых облаков.
Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов.

«Я не буду тебя проклинять...»

Я не буду тебя проклинять,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уводящие руки.

Все свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

Возвращение Одиссея

У берега

Сердце — улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь с водоворотами
И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
В буре бешеной измучаю,
Но домчусь к родному острову
С грозовой сизой тучею.

Я войду в дома просторные,
Сердце встречами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные с Палладою.

Так! Но кто, подобный коршуну,
Над моей душою носится,
Словно манит к року горшему,
С новой кручи в бездну броситься?

В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой над водною пустынею:
«Нет, союза не нарушу я
С необорною богинею».

Избиение женихов

Только над городом месяц двурогий
Остро прорезал вечернюю мглу,
Встал Одиссей на высоком пороге,
В грудь Антиноя он бросил стрелу.

Чаша упала из рук Антиноя,
Очи окутал кровавый туман,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшего юноши греческих стран.

Схвачены ужасом, встали другие,
Робко хватаясь за щит и за меч.
Тщетно! Уверены стрелы стальные,
Злобно-насмешлива царская речь:

«Что же, князя знаменитой Итаки,
Что не спешите вы встретить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлеть у его алтаря?»

Вы истребляли под грохот тимпанов
Все, что мне было богами дано,
Тучных быков, круторогих баранов,
С кипрских холмов золотое вино.

Льстивые речи шептать Пенелопе,
Ночью ласкать похотливых рабынь —
Слаще, чем биться под музыку копий,
Плавать над ужасом водных пустынь!

Что обо мне говорить вы могли бы?
— Он никогда не вернется домой,
Труп его съели безглазые рыбы
В самой бездонной пучине морской. —

Как? Вы хотите платить за обиды?
Ваши дворцы предлагаете мне?
Я бы не принял и всей Атлантиды,
Всех городов, погребенных на дне!

Звонко поют окрыленные стрелы,
Мерно блестит угрожающий меч,
Все вы, князья, и трусливый и смелый,
Белою грудой готовитесь лечь.

Вот Евримах, низкорослый и тучный,
Бледен... бледнее он мраморных стен,
В ужасе бьется, как овод докучный,
Юною девой захваченный в плен.

Вот Антином... разъяренные взгляды...
Сам он громаден и грузен, как слон,
Был бы он первым героем Эллады,
Если бы с нами отплыл в Илион.

Падают, падают тигры и лани
И никогда не поднимутся вновь.
Что это? Брошены красные ткани,
Или, дымясь, растекается кровь?

Ну, собирайся со мною в дорогу,
Юноша светлый, мой сын Телемах!
Надо служить беспощадному богу,
Богу Тревоги на черных путях.

Снова полюбим влекущую даль мы
И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
И опененный, клопочущий Понт.

Пусть незапятнано ложе царицы, —
Грешные к ней прикасались мечты.

Чайки белей и невинней зарницы
Темной и страшной ее красоты».

Одиссей у Лаэрта

Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.

Лица морщинистого черт
В уме не стерли вихри жизни.
Тебя приветствую, Лаэрт,
В твоей задумчивой отчизне.

Смотрю: украсили сады
Холмов утесистые скаты.
Какие спелые плоды,
Как сладок запах свежей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
И бедной хижине, и полю.

И сладко мне, и больно мне
Сидеть с тобой на козьей шкуре,
Я верю — боги в тишине,
А не в смятении и не в буре.

Но что мне розовых харит
Неисчислимые услады?!
Над морем встал алмазный щит
Богини воинов, Паллады.

Старик, спеша отсюда прочь,

Последний раз тебя целую
И снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозовую.

Но в час, как Зевсовой рукой
Мой черный жребий будет вынут,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничь опрокинут,

Припомню я не день войны,
Не праздник в пламени и дыме,
Не ласки знойные жены,
Увы, делимые с другими, —

Тебя, твой миртовый венец,
Глаза, безоблачнее неба,
И с нежным именем «отец»
Сойду в обители Эреба.

Капитаны

«На полярных морях и на южных...»

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглою на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,

Этот острый, уверенный взгляд
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

«Вы все, паладины Зеленого Храма...»

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена,
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется — в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

«Только глянет сквозь утесы...»

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несетя запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости
Амулет зажать в полу,
Вы проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лет,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

«Но в мире есть иные области...»

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,

Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но железною,
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

Сон Адама

От плясок и песен усталый Адам.
Заснул, неразумный, у Древа Познания.
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращой и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге — блаженство и боль материнства,
И заступ — ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот,
Их взоры не блещут, и смех их случаен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мед,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...

Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врзается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхвований на пышные мхи
К нему для объятий нисходят сильфиды,
К услугам его, отомщать за обиды —
И звездные духи, и духи стихий,
И к солнечным скалам из грозной пучины
Влекут его челн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры —
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розовой,
И нежный овал молодого лица, —
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей, и лучистей.

Устанет и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новые мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцаньи ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд,
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева — святая, с печалью очей,
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он, наконец, беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,

На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!»

И, медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета.
И страшно Адаму, и больно от света,
И рвет ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился.

Направо — сверкает и пенится Тигр,
Налево — зеленые воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»

Чужое небо

I

Ангел-хранитель

Он мне шепчет: «Своевольный,
Что ты так уныл?
Иль о жизни прежней, вольной,
Тайно загрустил?»

Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожой твоей?

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор?

Ты волен предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыд».

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру.

Две розы

Перед воротами Эдема
Две розы пышно расцвели,
Но роза — страстности эмблема,

А страстность — детище земли.

Одна так нежно розовеет,
Как дева, милым смущена,
Другая, пурпурная, рдеет,
Огнем любви обожжена.

А обе на Пороге Знанья...
Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?!

Девушке

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

На море

Закат. Как змеи, волны гнутся,
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов.

И только издали добредший
Бурун, поверивший во мглу,
Внесется, буйный сумасшедший,
На плянцевитую скалу

И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клок...
Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мгли
И, от натянутых веревок,
Бодрящим запахом смолы.

Сомнение

Вот я один в вечерний тихий час,
Я буду думать лишь о вас, о вас,

Возьмусь за книгу, но прочту: «она»,
И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжет... нет, мне не спать, а ждать.

И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну,

Вон там, у клумб, вы мне сказали «да»,
О это «да» со мною навсегда.

И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет,

Что ваше «да», ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

Сон. Утренняя болтовня

Вы сегодня так красивы,
Что вы видели во сне?
— Берег, ивы
При луне. —

А еще? К ночному склону
Не приходят, не любя.
— Дездемону
И себя. —

Вы глядите так несмело:
Кто там был за купой ив?
— Был Отелло,
Он красив. —

Был ли он вас двух достоин?
Был ли он как лунный свет?
— Да, он воин
И поэт.

О какой же пел он ныне
Неоткрытой красоте?
— О пустыне
И мечте.

И вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?

— Дездемона,
Но не я. —

Отрывок («Христос сказал: убогие блаженны...»)

Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвёздные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...»
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живём и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гёте
И Байрон — площадным шутком... о ужас!

Тот другой

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд, —
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во стократ.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине, —
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «мы пришли».

Константинополь

Еще близ порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулом и над Босфором
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камыша,
Старух гадалщиц, и их гаданья,
И все, что не любил паша.

Отец печален, но понимает
И шепчет мужу: «что ж, пора?»
Но глаз упрямых не поднимает,
Мечтает младшая сестра:

— Так много, много в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных, томных и молчаливых...
Какое счастье быть среди них!

Современность

Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идет по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Сонет («Я верно болен: на сердце туман...»)

Я верно болен: на сердце туман,
Мне скучно все, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены —
Вот океан весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит,

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там... Ах, да! я был убит.

Однажды вечером

В узких вазах томленье умирающих лилий.
Запад был меднокрасный. Вечер был голубой.

О Леконте де Лиле мы с тобой говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: не тот!
Но тогда нам сверкнули все слова, все истома,
Как кочевницы звезды, что восходят раз в год.

Так певучи и странны, в наших душах воскресли
Рифмы древнего солнца, мир нежданно-большой,
И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

Она

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцаньи
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий
И смел, и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреде.

Она светла в часы томлений

И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

Жизнь

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы,
В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая заря,
Иль в темнице стать свободным, как свободны одни орлы,
Иль найти покой нежданный в дымной хижине дикаря!
Да, я понял. Символ жизни — не поэт, что творит слова,
И не воин с твердым сердцем, не работник, ведущий плуг,
— С иронической усмешкой царь-ребенок на шкуре льва,
Забывающий игрушки между белых усталых рук.

Из логова змиева

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал — своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;

Снеси-ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.

Молчит — только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую
Над очастью, Богом заклятою.

II

«Я верил, я думал...»

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора.
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны — поэт, чародей,
Властитель вселенной — тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

Ослепительное

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,

Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,
И одинокий кипарис,
И благосклонного Гуссейна,
И медленный его рассказ,
В часы, когда не видит глаз
Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад,
Вступает с демонами в ссору,
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет.
Но нет; не прибыль их влечет
В нагих степях, над бездной водной;
О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездою путеводной?

Ты уводила моряков
В пещеры джинов и волков,
Хранящих древнюю обиду,
И на висячие мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пир к Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим,
Я плыл, покорный пилигрим,
За жизнью благодной и мирной,
Чтоб повстречал меня Гуссейн
В садах, где розы и бассейн,

На берегу за старой Смирной.

Когда же... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте, —
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать о Леванте.

Родос

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля.

Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий,
Посреди кипарисов и роз,
Говорить о Небесной Невесте,
Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя — тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзять облака;

В каждом взгляде тоска без просвета,
В каждом вздохе томительный крик, —
Высыхать в глубине кабинета
Перед пыльными грудями книг.

Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы,
Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти Души горящие — где?»

Паломник

Ахмет-Оглы берет свою клюку
И покидает город многолюдный.
Вот он идет по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
— Ахмет, Ахмет, тебе ли, старику,
Пускаться в путь неведомый и чудный?
Твое добро враги возьмут сполна,
Тебе изменит глупая жена. —

«Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: — Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про все, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,

Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина» —

— Ахмет-Оглы, ты лжёшь! Один пророк
Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный,
Послом от мира горя и тревог
Он улетал к обители нетленной,
Но он был юн, прекрасен и высок,
И конь его был конь благословенный,
А ты... мы не слышали о после
Плешивом, на задерганном осле. —

Не слушает, упрям старик суровый,
Идет, кряхтит, и злость в его смешке,
На нем халат изодранный, а новый,
Лиловый, шитый золотом, в мешке;
Подмышкой посох кованный, дубовый,
Удобный даже старческой руке,
Чалма лежит как требуют шииты,
И десять лир в сандалиии защиты.

Вчера шакалы выли под горой,
И чья-то тень текла неуловимо,
Сегодня усмехались меж собой
Три оборванца, проходивших мимо.
Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной
Смиренного не тронут пилигрима,
И в ночь его, должно быть от луны,
Слетают удивительные сны.

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы,
И Красное пылающее Море
Пред ним свои расстелет багрецы,

Волшебство синих и зеленых мелей...
И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный,
В одном из тех восточных городов,
Где вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзин
Поет стихи про гурию долин.

Он упадет, но дух его бессонный
Аллах не даром дивно окрылил,
Его, как мальчик страстный и влюбленный,
В свои объятия примет Азраил
И поведет тропюю, разрешенной
Для демонов, пророков и светил.
Все, что свершить возможно человеку,
Он совершил — и он увидит Мекку.

Жестокой

Пленительная, злая, неужели
Для вас смешно святое слово: друг?
Вам хочется на вашем лунном теле
Следить касанья только женских рук,

Прикосновенья губ стыдливо-страстных
И взгляды глаз не требующих, да?
Ужели до сих пор в мечтах неясных
Вас детский смех не мучил никогда?

Любовь мужчины — пламень Прометея
И требует и, требуя, дарит,
Пред ней душа, волнуясь и слабея,

Как красный куст горит и говорит.

«Я вас люблю, забудьте сны!» — В молчаньи
Она, чуть дрогнув, веки подняла,
И я услышал звонких лир бряцанье
И громовые клетоты орла.

Орел Сафо у белого утеса
Торжественно парил, и красота
Безтенных виноградников Лесбоса
Замкнула богохульные уста.

Любовь («Надменный, как юноша, лирик...»)

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучая, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнул,
Едва проронив: не люблю.

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной,
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим.
Не смею вернуться в свой дом

И все говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.

Баллада («Влюбленные, чья грусть, как облака...»)

Влюбленные, чья грусть, как облака,
И неясные задумчивые лэди,
Какой дорогой вас ведет тоска,
К какой еще неслыханной победе
Над чарой вам назначенных наследий?
Где вашей вечной грусти и слезам
Целительный предложится бальзам?
Где сердце запылает, не сгорая?
В какой пустыне явится глазам,
Блеснет сиянье розового рая?

Вот я нашел, и песнь моя легка,
Как память о давно прошедшем бреде,
Могучая взяла меня рука,
Уже слетел к дрожащей Андромеде
Персей в кольчуге из горящей меди.
Пускай вдали пылает лживый храм,
Где я теням молился и словам,
Привет тебе, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая.

В моей стране спокойная река,
В полях и рощах много сладкой снеди,
Там аист ловит змей у тростника,
И в полдень, пьяны запахом камеди,
Кувыркаются рыжие медведи.
И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,

Блеснет сиянье розового рая.

Посылка

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

Укротитель зверей

Снова заученно-смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям,
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней... не все ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движеньями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь

Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате,
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

Отравленный

«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью и выпью с улыбкой
Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат,
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «дорогая,
Видал я удивительный сон,
Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду, далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...

И мне сладко — не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня».

У камина

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался вглубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из под песка,
Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,

Погребенный здесь в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

Маргарита

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет её ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зелёном плюще,
Ей приносит так много серёг и колец
Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть.
Пусть звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всём, не знать ничего...
Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабудь свой позор,
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!
Уж на что Риголетто был горбат и хитер,
И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!

Его нет... Его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом плаще
Ты найдешь... и ты будешь убит.

Оборванец

Я пойду по гулким шпалам,
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,
Подтруню над ним,
В теплый час, когда по лугу
Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной
Он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
Вот и говоришь».

Туркестанские генералы

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана». —
И сразу сердце защемит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

Абиссинские песни

Военная

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

Первый флаг забился над Харраром,
Это город раса Маконена,
Вслед за ним проснулся древний Аксум
И в Тигрэ заухали гиены.

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,
Вы, перерывающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.

От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов —
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,

Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

Пять быков

Я служил пять лет у богача,
Я стерег в полях его коней,
И за то мне подарил богач
Пять быков, приученных к ярму.

Одного из них зарезал лев,
Я нашел в траве его следы,
Надо лучше охранять крааль,
Надо на ночь зажигать костер.

А второй взбесился и бежал,
Звонкою ужаленный осой,
Я блуждал по зарослям пять дней,
Но нигде не мог его найти.

Двум другим подсыпал мой сосед
В пойло ядовитой белены,
И они валялись на земле
С высунутым синим языком.

Заколот последнего я сам,
Чтобы было, чем попить
В час, когда пылал соседский дом
И вопил в нем связанный сосед.

Невольничья

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он не догадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

Занзибарские девушки

Раз услышал бедный абиссинец,
Что далеко, на севере, в Каире
Занзибарские девушки пляшут
И любовь продают за деньги.

А ему давно надоели
Жирные женщины Габеша,
Хитрые и злые сомалийки
И грязные поденщицы Каффы.

И отправился бедный абиссинец
На своем единственном муле
Через горы, леса и степи
Далеко, далеко на север.

На него нападали воры,
Он убил четверых и скрылся,
А в густых лесах Сенаара
Слон-отшельник растоптал его мула.

Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошел до Каира
И вспомнил, что у него нет денег,
И пошел назад той же дорогой.

III. Из Теофиля Готье

На берегу моря

Уронила луна из ручек
— Так рассеянна до сих пор —
Веер самых розовых тучек
На морской голубой ковер.

Наклонилась... достать мечтает
Серебристой тонкой рукой,
Но напрасно! Он уплывает,
Уносимый быстрой волной.

Я б достать его взялся... смело,
Луна, я б прыгнул в поток,
Если б ты спуститься хотела
Иль подняться к тебе я мог.

Искусство

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней —
Стих, мрамор иль металл.

О светлая подруга,
Стеснения гони,
Но туго
Котурны затяни.

Прочь легкие приемы,
Башмак по всем ногам,
Знакомый

И нищим, и богам.

Скульптор, не мни покорной
И вялой глины ком,
Упорно
Мечтая о другом.

С паросским иль каррарским
Борись обломком ты,
Как с царским
Жилищем красоты.

Прекрасная темница!
Сквозь бронзу Сиракуз
Глядится
Надменный облик муз.

Рукою нежной брата
Очерчивай уклон
Агата —
И выйдет Аполлон.

Художник! Акварели
Тебе не будет жаль!
В купели
Расплавь свою эмаль.

Твори сирен зеленых
С усмешкой на губах,
Склоненных
Чудовищ на гербах.

В трехъярусном сиянья
Мадонну и Христа,
Пыланье
Латинского креста.

Все прах. — Одно, ликуя,
Искусство не умрет.
Статуя
Переживет народ.

И на простой медали,
Открытой средь камней,
Видали
Неведомых царей.

И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь.

Чеканить, гнуть, бороться, —
И зыбкий сон мечты
Вольется
В бессмертные черты.

Анакреонтическая песенка

Ты хочешь чтоб была я смелой?
Так не пугай, поэт, тогда
Моей любви, голубки белой
На небе розовом стыда.

Идет голубка по аллее
И в каждом чудится ей враг,
Моя любовь еще нежнее,
Бежит, коль к ней направить шаг.

Немой, как статуя Гермеса,
Остановись, и вздрогнет бук, —
Смотри, к тебе из чащи леса
Уже летит крылатый друг.

И ты почувствуешь дыханье
Какой-то ласковой волны
И легких, легких крыл дрожанье
В сверканьи сладком белизны.

И на плечо твое голубка
Слетит, уже приручена,
Чтобы из розового кубка
Вкусил ты сладкого вина.

Рондолла

Ребенок с видом герцогини,
Голубка сокола страшней, —
Меня не любишь ты, но ныне
Я буду у твоих дверей.

И там стоять я буду, струны
Щипля и в дерево стуча,
Пока внезапно лоб твой юный
Не озарит в окне свеча.

Я запрещу другим гитарам
Поблизости меня звенеть.
Твой переулок — мне: недаром
Я говорю другим: «не сметь».

И я отрежу оба уха
Нахалу, если только он
Куплет свой звонко или глухо
Придет запеть под твой балкон.

Мой нож шевелится как пьяный.
Ну что ж? Кто любит красный цвет?
Кто хочет краски на кафтаны,

Гранатов алых для манжет?

Ах, крови в жилах слишком скучно,
Не вечно ж ей томиться там,
А ночь темна, а ночь беззвучна:
Спешите, трусы, по домам.

Вперед, задиры! Вы без страха,
И нет для вас запретных мест,
На ваших лбах моя наваха
Запечатлеет рваный крест.

Пускай идут, один иль десять,
Рыча, как бешеные псы, —
Я в честь твою хочу повесить
Себе на пояс их носы.

И чрез канаву, что обычно
Марает шелк чулок твоих,
Я мост устрою — и отличный
Из тел красавцев молодых.

Ах, если саван мне обещан
Из двух простынь твоих, — войну
Я подниму средь адских трещин,
Я нападу на Сатану.

Глухая дверь, окно слепое,
Ты можешь слышать голос мой:
Так бык пронзенный, землю роя,
Ревет, а вокруг собачий вой.

О, хоть бы гвоздь был в этой дверце,
Чтоб муки прекратить мои...
К чему мне жить, скрывая в сердце
Томленье злобы и любви?

Гиппопотам

Гиппопотам с огромным брюхом
Живет в Яванских тростниках,
Где в каждой яме стонут глухо
Чудовища, как в страшных снах.

Свистит боа, скользя над кручей,
Тигр угрожающе рычит,
И буйвол фыркает могучий,
А он пасется или спит.

Ни стрел, ни острых ассагаев, —
Он не боится ничего,
И пули меткие сипаев
Скользят по панцырю его.

И я в родне гиппопотама:
Одет в броню моих святынь,
Иду торжественно и прямо
Без страха посреди пустынь.

Поэмы

Блудный сын

1

Нет дома подобного этому дому!
В нем книги и ладан, цветы и молитвы!
Но, видишь, отец, я томлюсь по иному,
Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос
И гул изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам,
Надменность и кротость — два взмаха кадила,
И Петр не унижится пред Иоанном,
И лев перед агнцем, как в сне Даниила.

Позволь, да твое приумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
Свирепых огнем научу поцелую.

Весь мир для меня открывается внове,
И я буду князем во имя Господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

2

Как розов за портиком край небосклона!
Как веселы в пламенном Тибре галеры!
Пускай приведут мне танцовщиц Сидона
И Тира, и Смирны... во имя Венеры.

Цветов и вина, дорогих благовоний...
Я праздную день мой в веселой столице!
Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?..
А вот они, вот они, *salve amice*.

Идите скорей, ваше ложе готово,
И розы прекрасны, как женские щеки;
Вы помните верно отцовское слово,
Я послан сюда был исправить пороки...

Но в мире, которым владеет превратность,
Постигнув философов римских науку,
Я вижу один лишь порок — неопрятность,
Одну добродетель — изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен,
Коль ты недоволен моим сиракузским!
Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен
Тот раб косоглазый и с черепом узким?

Я падаль сволок к тростникам отдаленным
И пойло для мулов поставил в их стойла;
Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже:
Хозяин, твои я целую колена,

Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от соленого пота,
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины,
Как красное золото, полднем бездонным,
Их рвут, их бросают в большие корзины
Красивые девушки с пеньем влюбленным.

И с думой о сыне там бодрствует ночи
Старик величавый с седой бородою,
Он грустен... пойду и скажу ему: «Отче,
Я грешен пред Господом и пред тобою».

И в горечи сердце находит усладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоем
Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды,
Вот дом — это дедов моих пепелище,
Он, кажется, вырос за долгие годы,
Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонко грохочет посуда,

Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... догадался... идет мне навстречу...
И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

Открытие Америки

Песнь первая

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «все покинь!» —
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движении,
Косным, нам дано преображенье,
В нем и мы — не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!

И струится, и поет по венам

Радостно бушующая кровь;
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пущей в пущи,
Краб ползет на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине, —
Голодом и Страстью всемогущей
Все больны, — летящий и бегущий,
Плавающий в черной глубине.

Веселы, нежданны и кровавы
Радости, печали и забавы
Дикой и пленительной земли;
Но всего прекрасней жажда славы,
Для нее роятся короли,
В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!
Скорбь о высшем в голосе твоём:
Хочешь, мы с тобою уплывем
В страны нарда, золота, коралла
В первой каравелле Адмирала?

Видишь? город... веянье знамен...
Светит солнце, яркое, как в детстве,
С колоколен раздается звон,
Провозвестник радости, не бедствий,
И над портом, словно тяжкий стон,
Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!
— «В келье разбирает чертежи
С нашим старым приором Хуаном.

В этих прежних картах столько лжи,
А шутить не должно с океаном
Даже самым смелым капитанам».

Сыплется в узорное окно
Золото и пурпур повечерий,
Словно в зачарованной пещере,
Сон и явь сливаются в одно,
Время тихо, как веретено
Феи-сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор,
Старый приор в праздничном убранстве,
А за ними поднимает взор
Та, чей дух — крылатый метеор,
Та, чей мир в святом непостоянстве,
Чье названье Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз:
«Путь на юг? Там был уже Диас!»...
— Да, но кто слышал его рассказ?.. —
«... У страны Великого Могола
Острова»... — Но где же? Море голо.
Путь на юг... — «Сеньор! А Марко Поло?»

Вот взвился над старой башней флаг,
Постучали в дверь — условный знак, —
Но друзья не слышат. В жарком споре —
Что для них отлив, растущий в море!..
Столько не разобрано бумаг,
Столько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Как ребенка, к славе увела

От его рабочего стола.

Песнь вторая

Двадцать дней как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь;
Двадцать дней как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь,
И как самый бодрый, самый смелый
Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем
К дивным странам, заповедным кущам,
Не дерзал подумать о грядущем;
В мыслях было пусто и темно;
Хмуρο измеряли лотом дно,
Парусов — чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплытья
Высчитали звездные события,
Их слова гласили: «все обман».
Ветер слева вспенил океан,
И пугали ужасом наитья
Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
Столько станц гремело и баллад...

Все прошло как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы — тяжкие труды

И под вечер — призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим —
Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала
С топором пошел на адмирала,
А потом забился в дальний трюм
И рыдал... Команда не внимала,
И несчастный помутневший ум
Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты
И шептались — а хотелось выть:
«Если долго вслед за солнцем плыть,
То беды кровавой не избыть:
Солнце в бездне моется проклятой,
Солнцу ненавистен соглядатай!»

Но Колумб забыл бунтовщиков,
Он молчит о лени их и пьянстве,
Целый день на мостике готов,
Как влюбленный, грезить о пространстве,
В шуме волн он слышит сладкий зов,
Уверенья Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки:
Так над кручей злобные быки
Топчутся, их гонит пастырь горный,
В их сердцах отчаянье тоски,
В их мозгу гнездится ужас черный,
Взор свиреп... и все ж они покорны!

Но не в город, и не под копьё
Смуглым и жестоким пикадорам,
Адмирал холодным гонит взором
Стадо оробелое свое,
А туда, в иное бытие,

К новым, лучшим травам и озерам.

Если светел мудрый астролог,
Увидав безвестную комету;
Если, новый отыскав цветок,
Мальчик под собой не чует ног;
Если выше счастья нет поэту,
Чем придать нежданный блеск сонету;

Если как подарок нам дана
Мыслей неоткрытых глубина,
Своего не знающая дна,
Старше солнц и вечно молодая...
Если смертный видит отсвет рая,
Только неустанно открывая:

— То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных,
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам,
Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком.

Эти воды Богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещаья,
В море ветви, травы и цветы,
В небе птицы странной красоты.

Песнь третья

— «Берег, берег!..» И чинивший знамя
Замер, прикусив зубами нить,
А державший голову руками

Сразу не посмел их опустить.
Вольный ветер веял парусами,
Каравеллы продолжали плыть.

Кто он был, тот первый, светлоокий,
Что, завидев с палубы высокой
В диком море остров одинокий,
Закричал, как коршуны кричат?
Старый кормщик, рыцарь иль пират,
Ныне он Колумбу — младший брат!

Что один исчислил по таблицам,
Чертежам и выцветшим страницам,
Ночью угадал по вещим снам, —
То увидел в яркий полдень сам
Тот, другой, подобный зорким птицам,
Только птицам, Муза, им и нам.

Словно дети прыгают матросы,
Я так счастлив... нет, я не могу...
Вон журавль смешной и длинноносый
Полетел на белые утесы,
В синем небе описав дугу.
Вот и берег... мы на берегу.

Престарелый, в полном облаченьи,
Патер совершил богослуженье,
Он молил: — «О Боже, не покинь
Грешных нас»... — кругом звучало пенье,
Медленная, медная латынь
Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны
Нам не раз мерещились в бреду...
Так же на змеистые лианы
С криками взбегали обезьяны;
Цвел волчец; как грешники в аду,

Звонко верещали какаду...

Так же сладко лился в наши груди
Аромат невиданных цветов,
Каждый шаг был так же странно нов,
Те же выходили из кустов,
Улыбаясь и крича о чуде,
Красные, как медь, нагие люди.

Ах! не грезил с нами лишь один,
Лишь один хранил в душе тревогу,
Хоть сперва, склонясь, как паладин
Набожный, и он молился Богу,
Хоть теперь целует прах долин,
Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага,
В левом ухе медная серьга
И на смуглой шее нить коралла,
Но уста (их тайна так строга),
Взор, где мысль гореть не перестала,
Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек,
По морю прошедший, как по суше,
Словно шашки,двигающий души
От родных селений, мирных нег
К диким устьям безымянных рек...
Что он шепчет!.. Муза, слушай, слушай!

— «Мой высокий подвиг я свершил,
Но томится дух, как в темном склепе.
О Великий Боже, Боже Сил,
Если я награду заслужил,
Вместо славы и великолепий,
Дай позор мне, Вышний, дай мне цепи!

— Крепкий мех так горд своим вином,
Но когда вина не стало в нем,
Пусть хозяин бросит жалкий ком!
Раковина я, но без жемчужин,
Я поток, который был запружен, —
Спущенный, теперь уже не нужен». —

Да! Пробудит в черни площадной
Только смех бессмысленно тупой,
Злость в монахах, ненависть в дворянстве
Гений, обвиненный в шарлатанстве!
Как любовник, для игры иной
Он покинут Музой Дальних странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом.
Как струна, натянутая туго,
Сердце билось быстро и упруго,
Как сквозь сон я слышал, что подруга
Мне шепнула: «Не скорби о том,
Кто Колумбом назван... Отойдем!»

Дон-Жуан в Египте

Одноактная пьеса в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дон Жуан.

Лепорелло.

Американец.

Американка (его дочь).

Место действия — внутренность древнего храма на берегу Нила.

Время действия — наши дни.

Дон Жуан (*выходя из глубокой расселины между плит*)

Как странно! Где я? Что за бред?
Ага! Я ставлю три червонца,
Что наконец я вижу свет
Земного ласкового солнца.
Но что же делалось с тех пор,
Как я смеялся с донной Анной
И грозный мертвый командор
Мне руку сжал с улыбкой странной?
Да! Мы слетели в глубину,
Как две подстреленные птицы,
И я увидел сатану
Сквозь обагрённые зарницы.
Мой командор лежал как пень,
Его схватили, жгли, терзали,
Но ловко я укрылся в тень
И выждал срок в подземной зале.
Когда ж загрезил сатана
С больной усмешкой, с томным взором,
Я подниматься стал со дна
По лестницам и коридорам.

Потел от серного огня,
Дрожал во льдах, и мчались годы,
И духи ада от меня
Бросались в темные проходы.
Ну, добрый, старый дон Жуан,
Теперь по опыту ты видишь,
Что прав был древний шарлатан,
Сказавший: Знай, иди и выйдешь!

(Поворачивается к выходу)

Теперь на волю! Через вал
Я вижу парус чьей-то лодки;
Я так давно не целовал
Румянца ни одной красотки.
Есть лодка, есть и человек,
А у него сестра, невеста...
Привет, земля, любовных нег
Очаровательное место!

(Входят Лепорелло в костюме туриста, за ним Американец и Американка)

Ба, Лепорелло!

Лепорелло

Господин!
Вы здесь! Какая цепь событий!
Как счастлив я!..

Дон Жуан

Ты не один?

Лепорелло (*тихо*)

Ах да, пожалуйста, молчите.

Дон Жуан

Молчать? Зачем?

Лепорелло (*тихо*)

Я объясню Вам всё...

(*обнимая его, громко*)

Ах, друг мой!

Дон Жуан

Прочь, невежа!

Лепорелло

Ты гонишь?

Дон Жуан

Ясно, что гоню.

Лепорелло (*Американцу и Американке*)

Все тот же он, манеры те же.

Дон Жуан

Манеры? Хам!

Лепорелло (*продолжая его обнимать, тихо*)

Молчите! О!
Не бейте...

(*громко*)

Ха, ха, ха, не страшно!

(*К Американцу и Американке*)

Не изменила жизнь его,
Всё тот же милый, бесшабашный!

Американец (*тихо Лепорелло*)

Но кто он? Как его зовут?

Дон Жуан

Скажи, они дружны с тобою?

Американка (*тихо ему же, указывая на дон Жуана*)

Как он красив! Зачем он тут?

Лепорелло *(тихо, то тем, то другим)*

Сейчас, сейчас, я всё устрою.

(Громко, становясь в позу)

Я был его секретарем,
Мы с ним скитались по Мадриду
И по Севилье, но потом
Я потерял его из виду.
О, праздной молодости дни!
Они бегут, они неверны,
Так, гаснут вечером огни
В окне приветливой таверны.

Дон Жуан

Ну не для всех.

Лепорелло *(примиряюще)*

Да, для меня.
Я стал студентом Саламанки
И позабыл день ото дня
Вино и женские приманки.
Пил воду, ел засохший хлеб,
Спал на соломенном матраце,
Бывало, месяцами слеп
От едкой пыли диссертаций.
Мне повезло не так как тем,
Каким-нибудь там дон-Жуанам!
Сперва профессором, затем
Я вскоре избран был деканом.

Американец *(почтительно)*

Мы знаем, да.

Лепорелло

К студентам строг
И враг беспочвенных утопий,
Я, господа, египтолог,
Известнейший во всей Европе.

Американка

Так говорилось на балах
В Чикаго.

Дон Жуан

Стоило трудиться!

Лепорелло

И вот, когда я на ногах,
Я наконец могу жениться.

(Представляя Американку)

Мисс Покэр, грации пример,
Она моя невеста, благо
Вот мистер Покэр, миллионер,
Торговец свиньями в Чикаго.

(Представляя дон Жуана)

Друзья мои, вот дон Жуан,
Друг юности моей беспечной,
Он иногда бывает пьян,
И малый грубый... но сердечный.

Американец

Что ж, мистер дон Жуан, вы нас,
Сойдись, полюбите наверно...
Скажите мне, который час
На ваших, у меня неверны.

(Указывая на Американку)

Моя единственная дочь,
Мать умерла, она на воле,
Но с нею я; она точь в точь
Моя скончавшаяся Полли.
Теперь уехал я на юг,
Но все не позабыть утраты!
Скажите мне, мой юный друг,
Ужель еще вы не женаты?

Дон Жуан *(подходя к Американке)*

Сеньора!

Американка *(поправляя его)*

Мисс.

Дон Жуан *(настаивая)*

Сеньора!

Американка *(по-прежнему)*

Мисс!

Я не желаю быть сеньорой!

Дон Жуан

Сойдемте три ступеньки вниз.

Американка

Вы дон Жуан? Ну, тот, который?..

Дон Жуан

Да, тот, который!

Американка

И с тех пор

Вы в мире в первый раз явились?

Дон Жуан

Да, в первый... старый командор

Вцепился крепко... Вы мне снились.

Американка

Не верю вам.

Дон Жуан (*мечтательно*)

Земля во мгле;
Задумчивое устье Нила,
И я плыву на корабле,
Где вы сидите у ветрила.
Иль чуть заметный свет зари,
Застывший город, звон фонтана,
И вы мне шепчете: — Смотри,
Вот здесь могила Дон Жуана.

Лепорелло (*подозрительно*)

О чем здесь речь?

Дон Жуан

О том, что ты
Давно оставил.

Американка

Не мешайте.

Американец (*рассматривая памятник*)

Какие странные листы!

(*Лепорелло отходит к нему*)

Американка

Как верить вам? Но продолжайте.

Дон Жуан

Я лгу? Не верите вы мне?
Но знаю я, что ваши плечи,
— Я целовал их уж во сне —
Нежны, как восковые свечи.
А эта грудь! Её хранят
Теперь завистливые ткани,
На ней есть синих жилок ряд
Капризных, милых очертаний.
Поверьте! Мне б хотелось лгать
И быть холодным, быть коварным,
Но только б, только б не страдать
Пред вашим взглядом лучезарным.

Американка

И мне так родственен ваш вид:
Я всё бывала на Моцарте
И любовалась на Мадрид
По старенькой учебной карте.

Американец (*Лепорелло, указывая на саркофаг*)

Скажите, мой ученый друг,
Кто здесь положен?

Лепорелло

Сети третий.

(Про себя, глядя на Дон Жуана и Американку)

Они, ну прямо вон из рук!

Американец

Как вы его назвали?

Лепорелло

Сети.

Американец

Гм, гм!

Лепорелло *(хочет отойти)*

Сейчас!

Американец

Скажите, как
Вы знаете его название?

Лепорелло

Ах, Боже мой, а этот знак!
Забавно было бы незнание.

Американец

Да, да, еще бы! Ну, а тот,
На пьедестале с мордой пса?

Лепорелло

А это сын Луны, бог Тот
И, кажется, времен Хеопса.
Конечно! Сделан лоб горбом,
А темя плоским и покатым,
Таких не делали потом,
Хотя б при Псамметихе пятом.
А вот четвертый Псамметих,
На Сети первого похожий...
А вот ещё...

(отходит с Американцем)

Дон Жуан *(Американке)*

Он ваш жених?

Американка

Кто?

Дон Жуан

Лепорелло.

Американка

Ну так что же?
С приданым я, он знаменит,
Как самый знающий ученый,

Он никого не удивит,
Причесанный и прирученный.
Пусть для него я молода,
Но сила, юность и отвага
Не посещают никогда
Салонов нашего Чикаго.

Дон Жуан

Но он лакей, всегда лакей,
В сукне ливрейного кафтана
И в гордой мантии своей,
В пурпурной мантии декана.
Страшась чего-нибудь не знать,
Грызясь за почести с другими,
Как пес, он должен защищать
Годами созданное имя.
К природе глух и к жизни слеп,
Моль библиотек позабытых,
Он заключит вас в темный склеп
Крикливых слов и чувств изжитых.
Нет, есть огонь у вас в крови,
Вы перемените причуду...

Американка

Не говорите о любви!

Дон Жуан

Не говорить? Нет, буду, буду!
Таких, как вы, на свете нет,
Вы — ангел неги и печали...

Американка

Не говорите так, нет, нет.

(Пауза)

Ну вот, уж вы и замолчали?

Дон Жуан *(схватывая ее за руку)*

Я вас люблю!

Лепорелло *(Американцу, косясь на Дон Жуана)*

Пройдем сюда.

Я вам скажу про Дон Жуана;

Мне кажется, на путь труда

Он вступит поздно или рано.

Охотно водится с ним знать,

Как свой он принят в высшем свете,

Ну, почему б ему не стать

Адьюнктом в университете?

Но он едва ль не слишком жив,

Чтоб быть в святилище науки.

Так, мысль о высшем отложив,

Дадим ему мы дело в руки.

Быть может, пригодится он,

Как управляющий в саваннах.

Всегда верхом, вооружен,

В разъездах, в стычках беспрестанных,

Окажется полезен вам

И может сделать положение.

Ему я это передам —

И как прямое предложение.

(Американец бормочет что-то несвязное)
Дон Жуан *(Американке)*

Я вас люблю! Уйдём! Уйдём!
Вы знаете ль, как пахнут розы,
Когда их нюхают вдвоем
И в небесах поют стрекозы,
Вы знаете ль, как странен луг,
Как призрачен туман молочный,
Когда в него вас вводит друг
Для наслаждений, в час урочный.
Победоносная любовь
Нас коронует без короны
И превращает в пламя кровь
И в песню лепет иступленный.
Мой конь — удача из удач,
Он белоснежный, величавый,
Когда пускается он вскачь,
То гул копыт зовется славой.
Я был в аду, я сатане
Смотрел в лицо, и вновь я в мире,
И стало только слаще мне,
Мои глаза открылись шире.
И вот теперь я встретил вас,
Единственную во вселенной,
Чтоб стали вы — о, сладкий час! —
Моей царицею и пленной.
Я опьянен, я вас люблю,
Так только боги были пьяны.
Как будет сладко кораблю
Нас уносить в иные страны.
Идём, идём!

Американка

Я не хочу...
Нет, я хочу! О, милый, милый!

Дон Жуан (*обнимая ее*)

Тебя я счастьем научу
И над твоей умру могилой.

(Уходят)

Лепорелло (*оглядываясь*)

Но где мисс Покэр, где Жуан?

Американец

Наверное в соседней зале.

Лепорелло (*хватаясь за голову*)

Ах, я разиня, ах, болван,
Все прозевал, они бежали.

Американец

Куда?

Лепорелло

Да верно, на лужок
Иль на тенистую опушку.
Тю-тю! Теперь уж пастушок

Ласкает милую пастушку.

Американец

Да вы с ума сошли!

Лепорелло

Ничуть!

Американец

Идём.

Лепорелло

А шпаги не хотите ль?
Ведь дон Жуан не кто-нибудь,
Он сам севильский соблазнитель.

Американец

Но я их видел здесь, минут
Ну пять тому назад, не боле...

(закрывает лицо руками)

Когда настанет Страшный Суд,
Что я моей отвечу Полли?
Идём, идём скорей.

Лепорелло

Ей-ей,
Я твердо помню: Лепорелло,
Желаешь спи, желаешь пей,
А не в свое не суйся дело.
И был я счастлив, сыт и пьян,
И умирать казалось рано...
О, как хотел бы я, декан,
Опять служить у Дон Жуана!

Колчан

Памяти Анненского

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространства безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллея.

Там вечером и страшно и красиво,
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,

Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музы,
Последней — Царского Села.

Война

М. М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

Венеция

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашной,
Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол
Там, где огни на лагуне
— Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы крылат.

А на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу, голубинога хора
Вздых, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг... никого, ничего?

Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали

Венецианских зеркал.

Старые усадьбы

Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси,
— Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу
Неясный гул, невнятный крик,
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,
Звонят вовсе колокола,
Бегут, — то значит, по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкою,
Идет в гостиную сосед.
Поникнув русою головкою,
С ним дочка — восемнадцать лет.

— «Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка». —
И ясный взор ее туманится,

Дрожа, сжимается рука.

— «Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придется погодить». —
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам — золотоглавые,
Святые, белые скиты,
А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо.

Фра Беато Анджелико

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство

На Фьезоле, среди тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, — совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, —
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,

Идут стада по улицам предместий;

Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество
Наверно снятся женщинам бесплодным;

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым:
И здесь есть свет, и там — иные светы.

А краски, краски — яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Разговор («Когда зеленый луч, последний на закате...»)

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдьи площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам ни птицам
Не позавидует она в тиши аллей.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

— «Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет „La p'tite Tonkinoise“».

— «Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, миря их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».

— «Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато
И просто разубрал Всевышний небеса». —

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

— «Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом,
Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.

Ты можешь выбирать между Невой и Нилом
Отдохновению благоприятный дом».

— «Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после станешь ты растением или зверем...
Знай, иначе помочь тебе я не могу». —

И все идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И все спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.

Рим

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе.

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть.
Они не люди, волчата,
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство покоя
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И лик Мадонн вдохновенный,
И храм святого Петра,
Покуда здесь неизменно
Зияет твоя нора,

Покуда жесткие травы
Растут из дряхлых камней
И смотрит месяц кровавый

Железных римских ночей?!

И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывных,
Косматых звериных лап.

Пятистопные ямбы

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг. Могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел! Как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат!

Но проходили месяцы; обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,
Презренья к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но Дух Земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... И ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль!
Взлетели кости, звонкие, как сталь,

Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
«Я верила, любила слишком много,
А уйду, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога;
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя». —

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.

Я не скорблю. Так было надо. Правый
Перед собой, не знаю я обид.
Ни тайнами, ни радостью, ни славой
Мгновенный мир меня не обольстит,
И женский взор, то нежный, то лукавый,
Лишь изредка, во сне, меня томит.

Лишь изредка надмено и упрямо
Во мне кричит ветшающий Адам,
Но тот, кто видел лилию Хирама,
Тот не грустит по сказочным садам,
А набожно возводит стены храма,
Угодного земле и небесам.

Нас много здесь собралось с молотками,
И вместе нам работать веселей;
Одна любовь сковала нас цепями,
Что адаманта тверже и светлей,
И машет белоснежными крылами
Каких-то небывалых лебедей.

Нас много, но одни во власти ночи,
А колыбель других еще пуста,
О тех скорбит, а о других пророчит
Земных зелёных вёсен красота,
Я ж — Прошлого увидевшего очи,
Грядущего разверстые уста.

Всё выше храм торжественный и дивный,
В нём дышит ладан и поёт орган;
Сияют нимбы; облак переливный
Свечей и солнца — радужный туман;
И слышен голос Мастера призывный
Нам, каменщикам всех времен и стран.

Пиза

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый Каррары!

Все спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривого пизанской башней.

Юдифь

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствоваться не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И все же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль может быть, в дыму кадилниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана.

На острове

Над этим островом какие выси,
Какой туман!
И Апокалипсис был здесь написан,
И умер Пан!
А есть другие: с пальмами, с лугами,
Где весел жнец,
И где позванивают бубенцами
Стада овец.
И скрипку, дивно выгнутую, в руки,
Едва дыша,
Я взял и слушал, как бежала в звуки
Её душа.
Ах, это только чары, что судьбою
Я побежден,
Что ночью звездный дождь над головою,
И стон, и звон.
Я вольный, снова верящий удачам,
Я — тот, я в том.
Целую девушку с лицом горячим
И с жадным ртом.
Прерывных слов, объятий перемены
Томят и жгут,
А милые нас обступили стены
И стерегут.
Как содрогается она — в улыбке
Какой вопрос!
Увы, иль это только стоны скрипки
Под взором звезд.

Возвращение

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно на утро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый.
О, как я безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай,
Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай». —

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,

О вечном, и воздух вокруг светлел.

Леонард

Три года чума и голод
Разоряли большую страну,
И народ сказал Леонарду:
— Спаси нас, ты добр и мудр. —

Старинных, заветных свитков
Все тайны знал Леонард.
В одно короткое лето
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король,
Народ сказал Леонарду:
— Отныне король наш ты. —

Была Леонарду знакома
Война, искусство царей,
Поэты победные оды
Не успевали писать.

Когда же страна усмирилась
И пахарь взялся за плуг,
Народ сказал Леонарду:
— Ты молод, возьми жену. —

Спокойный, ясный и грустный,
В ответ молчал Леонард,
А ночью скрылся из замка,
Куда — не узнал никто.

Лишь мальчик пастух, дремавший
В ту ночь в угрюмых горах,
Говорил, что явственно слышал

Согласный гул голосов.

Как будто орел, парящий,
Овен, человек и лев
Вопияли, пели, зывали,
Говорили зараз во тьме.

Птица

Я не смею больше молиться,
Я забыл слова литаний,
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нее — огни.

Вот я слышу сдержанный клекот,
Словно звон истлевших цимбал,
Словно моря дальнего рокот,
Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу — когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожат речные,
Озаряемые луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимед,
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нежный свет.

Если ж это голубь Господень
Прилетел сказать: Ты готов! —
То зачем же он так несходен
С голубями наших садов?

Канцона («Словно ветер страны счастливой...»)

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных.
Как колосья созревшей нивы,
Клонятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне —
«Душу мне вырвали из тела».
Стонет грек над пучиной синей —
«Чайкою в сердце ты мне влетела».

Красота ли им не покорна!
Теплит гречанка в ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонные жжет в палатке.

Зов один от края до края,
Шире, все шире и чудесней,
Угадали ли вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?

Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мед двухтысячелетний,
Душными, черными волосами.

Канцона («Об Адонисе с лунной красотой...»)

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе,
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят Аттические выси.

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душевные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь.
И ты, о нежная, чье имя — пенье,
Чье тело — музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.

Но, мне, увы, неведомы слова —
Землетрясения, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

Персей. Скульптура Кановы

Его издавна любят музы,
Он юный, светлый, он герой,
Он поднял голову Медузы
Стальной, стремительной рукой.

И не увидит он, конечно,
Он, в чьей душе всегда гроза,
Как хороши, как человечны
Когда-то страшные глаза,

Черты измученного болью,
Теперь прекрасного лица...
— Мальчишескому своеволью
Нет ни преграды, ни конца.

Вон ждет нагая Андромеда,
Пред ней свивается дракон,
Туда, туда, за ним победа
Летит, крылатая, как он.

Солнце духа

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Средневековье

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,

Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

Падуанский собор

Да, этот храм и дивен, и печален,
Он — искушение, радость и гроза,
Горят в окошечках исповедален
Желаньем истомленные глаза.

Растет и падает напев органа
И вновь растет полнее и страшней,
Как будто кровь, бунтующая пьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных,
От белизны их обнаженных тел,
Бежать бы из под этих сводов темных,
Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала
Сесть на террасе и спросить вина,
Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор, —
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.

Отъезжающему

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
 Что уезжаешь ты и вскоре
 На Средиземном будешь море.

И Рим увидишь, и Сицилию,
Места любезные Virгилию,
 В благоухающей, лимонной
 Трущобе сложишь стих влюбленный.

Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
 Над Арно, Данте чтя обычай,
 Слагал сонеты Беатриче.

Что до природы мне, до древности,
Когда я полон жгучей ревности,
 Ведь ты во всем ее убранстве
 Увидел Музу Дальних Странствий.

Ведь для тебя в руках изменницы
В хрустальном кубке нектар пенится,
 И огнедышащей беседы
 Ты знаешь молнии и бреды.

А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами
 От вольной жизни заперт в нишу,
 Её не вижу и не слышу.

Снова море

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне, иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Уллиса,
Призывающего к игре?

Ах, к игре с трезубцем Нептуна,
С косами диких nereid
В час, когда буруны, как струны,
Звонко лопаются и дрожит
Пена в них или груди юной,
Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома
Повстречаться с иной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
Берегов изгибы, изломы,
И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно,
Не земле его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если лето благоприятно,

Если любит меня Господь.

Африканская ночь

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест.
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы тут;
В этой унылой стране Сидамо
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем, —
Многих уже одолели мы, —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черным борется бог.

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Смерть («Есть так много жизней достойных...»)

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верись в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Видение

Лежал истомленный на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге —
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон)
— «Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твое изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье». —

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий)
— «От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом неправы,
И Бог не слышал твоего отреченья,
Ты встанешь завтра, и встанешь для славы». —

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

«Я вежлив с жизнью современной...»

Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда,
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне.

Всегда ненужно и непрошено
В мой дом спокойствие входило:
Я клялся быть стрелою, брошенной
Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые,
Склоненные к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно-смеющийся,
Всегда недвижимые качели,
Где даме с грудью выдающейся
Пастух играет на свирели.

«Какая странная нега...»

Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таянью вешнего снега,
Во всем, что гибнет и мудро.

Золотоглазой ночью
Мы вместе читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Нам снились розы Леванта.

Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупю,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.

Цветы, что я рвал ребенком
В зеленом драконьем болоте,
Живые на стебле тонком,
О, где вы теперь цветете?

Ведь есть же мир лучезарней,
Что недоступен обидам
Краснощеких афинских ларней,
Хохотавших над Эврипидом.

«Я не прожил, я протомился...»

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

Счастье

1.

Больные верят в розы майские,
И нежны сказки нищеты.
Заснув в тюрьме, виденья райские
Наверняка увидишь ты.
Но нет тревожней и заброшенной —
Печали посреди шелков,
И я принцессе на горошине
Всю кровь мою отдать готов.

2.

— «Хочешь, горбун, поменяться
Своею судьбой с моей,
Хочешь шутить и смеяться,
Быть вольной птицей морей?» —
Он подозрительным взглядом
Смерил меня всего:
— «Уходи, не стой со мной рядом,
Не хочу от тебя ничего!» —

3.

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной,
Взлетевший в небо бесприютней,
Чем опустившийся на дно.
И Заклинающий проказу,
Сказавший деве — талифа!..
...Ему дороже нищий Лазарь

Великолепного волхва.

4.

Ведь я не грешник, о Боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?
Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

5.

В мой самый лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг примнилось искупленье,
Какого я искал везде.
Мне вдруг почудилось, что, нем,
Изранен, наг, лежу я в чаше,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

Восьмистишье

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать, —
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

Дождь

Сквозь дождем забрызганные стекла
Мир мне кажется рябым;
Я гляжу: ничто в нем не поблекло
И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей,
Словно пролит купорос,
Но зато рисуется в ней резче
Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней
И бормочут свой псалом,
Как монашенки в часы вечерни
Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных!
То — река весною, где
Вместо рыб стволы деревьев горных
В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц
Ржанье бешеных коней,
И душе, несчастнейшей из пленниц,
Так и легче и вольней.

Вечер («Как этот ветер грузен, не крылат...»)

Как этот ветер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат.

И хочется подтолкнуть слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточенней рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...
А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом,

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

Генуя

В Генуе, в палаццо дожей
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригантины.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведут между собою
Вековые разговоры,

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые...
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Опросит: —«Вы синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?»

Если будете в Брабанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом».

Китайская девушка

Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.

И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки,
Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.

У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост.

И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.

Мой жених все влюбленной;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.

Рай

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведаст о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
В немировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменованья нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лёд,
И адский огонь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Ислам

В ночном кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и сидящий эффенди,
Враг злейший христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: — «Перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить дэнди,
В тот час, когда, быть может, по легенде
В зеленый сумрак входит Дамаянти». —

Но он, ногою топнув, крикнул: — «Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе?» —

Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: — «Мыши съели
Три волоска из бороды Пророка». —

Болонья

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновенье выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносят мимо,
А любовь глядит и торжествует.
О, как пахнут волосы любимой,
Как дрожит она, когда целует.

Но вино, чем слаще, тем хмельнее,
Дама, чем красивей, тем лукавей,
Вот уже уходят ротозеи
В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.

Старый доктор сторблен в красной тоге,
Он законов ищет в беззаконьи,
Но и он порой волочит ноги
По веселым улицам Болоньи.

Сказка

На скале, у самого края,
Где река Елизабет, протекая,
Скалит камни, как зубы, был замок.

На его зубцы и бойницы
Прилетали тощие птицы,
Глухо каркали, предвещая.

А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона,
Шестиногого, с рыжей шерстью.

Сам хозяин был черен, как в дегте,
У него были длинные когти,
Гибкий хвост под плащом он прятал.

Жил он скромно, хотя не медведем,
И известно было соседям,
Что он просто-напросто дьявол.

Но соседи его были тоже
Подозрительной масти и кожи,
Ворон, оборотень и гиена.

Собирались они и до света
Были у реки Елизабета,
А потом в домино играли.

И так быстро летело время,
Что простое крапивное семя
Успевало взойти крапивой.

Это было еще до Адама,

В небесах жил не Бог, а Брама,
И на все он смотрел сквозь пальцы.

Жить да жить бы им без печали!
Но однажды в ночь переспали
Вместе оборотень и гиена.

И родился у них ребенок,
Не то птица, не то котенок,
Он радушно был взят в компанью.

Вот собрались они как обычно
И, повыв над рекой отлично,
Как всегда, за игру засели.

И играли, играли, играли,
Как играть приходилось едва ли
Им, до одури, до одышки.

Только выиграл все ребенок:
И бездонный пивной бочонок,
И поля, и уголья, и замок.

Закричал, раздувшись как груда:
«Уходите вы все отсюда,
Я ни с кем не стану делиться!»

Только добрую, старую маму
Посажу я в ту самую яму,
Где была берлога дракона». —

Вечером по берегу Елизабета
Ехала черная карета,
А в карете сидел старый дьявол.

Позади тащились другие,
Озабоченные, больные,

Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто ныл, кто сердился...

А тогда уж Адам родился,

Бог спаси Адама и Еву!

Неаполь

Как эмаль, сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе,
Словно гарпии, крылаты;
Но какой античной грязью
Полон город, и не вдруг
К золотому безобразью
Нас приучит буйный юг.

Пахнет рыбой и лимоном,
И духами парижанки,
Что под зонтиком зеленым
И несет креветок в банке;
А за кучею навоза
Два косматых старика
Режут хлеб... Сальватор Роза
Их провидел сквозь века.

Здесь не жарко, с моря веют
Белобрысы туманы,
Все хотят и все не смеют
Выйти в полночь на поляны,
Где седые, грозовые
Скалы высятся венцом,
Где засела малярия
С желтым бешеным лицом.

И, как птица с трубкой в клюве,
Поднимает острый гребень,
Сладко нежится Везувий,
Расплескавшись в сонном небе.
Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенит,

Но, как истый лацарони,
Все дымит он и храпит.

Старая дева

Жизнь печальна, жизнь пустынна,
И не сжалится никто;
Те же вазочки в гостиной,
Те же рамки и плато.

Томик пыльный, томик серый
Я беру, тоску кляня,
Но и в книгах кавалеры
Влюблены, да не в меня.

А меня совсем иною
Отражают зеркала:
Я наяда под луною
В зыби водного стекла.

В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого пажа.

Иль на празднике Версаля
В час, когда заснет земля,
Взоры юношей печала,
Я пленяю короля.

Иль влюблен в мои романсы
Весь парижский полусвет
Так, что мне слагает стансы
С львиной гривой поэт.

Выйду замуж, буду дамой,
Злой и верною женой,
Но мечте моей упрямой

Никогда не стать иной.

И зато за мной, усталой,
Смерть прискачет на коне,
Словно рыцарь, с розой алой
На чешуйчатой броне.

Почтовый чиновник

Ушла... Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижик в клетке
Заплакал надо мной.

Что пользы, глупый чижик,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.

Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш тихий угол
Беглянки не вернуть.

От Знаменья псаломщик
В цилиндре на боку,
Большой, костлявый, тощий,
Зайдет попить чайку.

На днях его подруга
Ушла в веселый дом,
И мы теперь друг друга
Наверное пойдем.

Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

А песню вырвет мука,
Так старая она:
— «Разлука ты, разлука,

Чужая сторона!»

Больной

В моём бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.

Но в океане первозданной мглы
Нет голосов, и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей,
Считать большие, бурые каменья.

Ода д'Аннуцио

К его выступлению в Генуе.

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были:
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали; и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный, Алитъери.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —

Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя...»
— Грозней громов; внимая им,
Толпа взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.

А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И всё поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

Костёр

Деревья

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни,
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их, —
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точка алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат — где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья!

Андрей Рублев

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

Нос — это дерева ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья дерева,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал.

Осень («Оранжево-красное небо...»)

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжереи,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.
Стук копыт участился,
Пыль все выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащий пронзительно ветер.

Детство

Я ребенком любил большие,
Медом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только, дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру, —
Сердце билось еще блаженней,
И я верил, что я умру

Не один, — с моими друзьями.
С мать-и-мачехой, с лопухом.
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Городок

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза все такие темные.

Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,
Предводителей жеребец —
Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!»

И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

Ледоход

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова Мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.

Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознание —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый Океан
Идет на их освобожденье.

Природа («Так вот и вся она, природа...»)

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает,
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот,

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков,
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь!

Я и Вы

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Змей

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну
Выходили походкою статной, —
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцирь под хищной луною,
Как серебряным звоном летел
Мерный клеткот над Русью лесною:

«Я красавиц таких, лебедей
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была
Во дворце моем пышном, в Лагоре:
Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское Море.

Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятых моих

На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушеской дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой».

Эти крики заслышав, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура.

Мужик

В чашах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубках мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светлы и мраки,
Посвист, разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой

Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

— «Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?»

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

Рабочий

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошрое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

Швеция

Страна живительной прохлады
Лесов и гор гудящих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде.

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забьт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

Норвежские горы

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кощунство иль псалом,
И вы, смотрясь в холодные озера,
Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,
Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.

И, царств земных непризнанный наследник,
Единый побежденный до конца,
Не здесь ли Бранд, суровый проповедник,
Сдвигал лавины именем Творца?

А вечный снег и синяя, как чаша
Сапфирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, как наша,
Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземные лица,
Чьи кудри — снег, чьи очи — дыры в ад,
С чьих щек, изрытых бурями, струится,
Как борода седая, водопад.

На Северном море

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным морем
Широкий крашенный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
— Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю? —

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки!

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срывать с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею

Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя перед Богом,
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас.

Стокгольм

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глубин не наших времен,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и нерадостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно,
Но только все колокол, колокол звал;
Как мощный орган, потрясенный безмерно,
Весь город молился, гудел, грохотал...

Стоял на горе я, как будто народу
О чем-то хотел проповедовать я,
И видел прозрачную тихую воду,
Окрестные рощи, леса и поля.

«О, Боже, — вскричал я в тревоге, — что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Творчество

Моим рожденные словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилег.

Проснулся, когда был вечер.
Вставал туман от болот,
Тревожный и теплый ветер
Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

Утешение

Кто лежит в могиле,
Слышит дивный звон,
Самых белых лилий
Чует запах он.

Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты к раю
По моей мольбе,
Это так, я знаю.
Я клянусь тебе.

Прапамять

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

Канцона («В скольких земных океанах я плыл...»)

В скольких земных океанах я плыл,
Древних, веселых и пенных,
Сколько в степях караваны водил
Дней и ночей несравненных...

Как мы смеялись в былые года
С вольною Музой моею...
Рифмы, как птицы, слетались тогда,
Сколько — и вспомнить не смею.

Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.

Ты мне осталась одна. Наяву
Видевший солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.

Да, ты в моей беспокойной судьбе —
Ерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.

Канцона («Храм Твой, Господи, в небесах...»)

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

Канцона («Как тихо стало в природе...»)

Как тихо стало в природе!
Вся — зренья она, вся — слух.
К последней страшной свободе
Склонился уже наш дух.

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Тогда я воскликну: «Где же
Ты, созданная из огня?
Ты видишь, взоры все те же,
Все та же песнь у меня.

Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Последнее счастье — ты!»

Самофракийская победа

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами —
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твое крылатое, слепое,
Неудержимое стремленье.

В твоём безумно-светлом взгляде
Смеется что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади,
Поспеть за нами не умея.

Роза

Цветов и песен благодатный хмель
Нам запрещен, как ветхие мечтанья.
Лишь девственные наименованья
Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,
Забытая нарочно в час прощанья
На томике старинного издания
Канцон, которые слагал Рюдель, —

Ее ведь смею я почтить сонетом:
Мне книга скажет, что любовь одна
В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальной смерти и пьяней вина,
И, бархатные лепестки целуя,
Быть может, преступленья не свершу я?

Телефон

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

За то, что я теперь спокойный,
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

Вдали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной
Серебряное колыханье, —
О самой белой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится,
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

Рассыпающая звезды

Не всегда чужда ты и горда
И меня не хочешь не всегда, —

Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь,
Мне нельзя ее поцеловать,

И глаза большие зажжены
Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг
Так благословен твой каждый шаг,

Словно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла,
Только отчего ты так светла,

И тому, кто мог с тобой побыть,
На земле уж нечего любить?

О тебе

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой, темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —
Словно герб отошедших времен.
Освящается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды,
Отвернутся от нашей земли,
У нее есть две лучших звезды:
Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе,
Серафим пропадет в вышине...
...О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!

Сон

Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжело скорбя.
Снилось мне — ты любишь другого,
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

Эзбекие

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит.
На холмах, словно вещие друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью

Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно — ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, слыша
В гуденьи ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

Фарфоровый павильон

Китай

Фарфоровый павильон

Среди искусственного озера
Поднялся павильон фарфоровый.
Тигриною спиною выгнутый,
Мост яшмовый к нему ведет.

И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаш, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино.

То разговаривают весело,
А то стихи свои записывают,
Заламывая шляпы желтые,
Засучивая рукава.

И ясно видно в чистом озере —
Мост вогнутый, как месяц яшмовый,
И несколько друзей за чашами,
Повернутых вниз головой.

Луна на море

Луна уже покинула утесы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи легкие проходят
Сквозь-лунный столб, что в море отражен,
Одни из них мечтательно находят,

Что это поезд богдыханских жен;

Другие верят — это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.

Отражение гор

Сердце радостно, сердце крылато.
В легкой, маленькой лодке моей
Я скитаюсь по воле зыбей
От восхода весь день до заката

И люблю отражения гор
На поверхности чистых озер.
Прежде тысячи были печалей,
Сердце билось, как загнанный зверь,

И хотело неведомых далей
И хотело еще... но теперь
Я люблю отражения гор
На поверхности чистых озер.

Природа («Спокойно маленькое озеро...»)

Спокойно маленькое озеро,
Как чаша, полная водой.
Бамбук совсем похож на хижины,
Деревья — словно море крыш.

А скалы острые, как пагоды,
Возносятся среди цветов.
Мне думать весело, что вечная

Природа учится у нас.

Дорога

Я видел пред собой дорогу
В тени раскидистых дубов,
Такую милую дорогу
Вдоль изгороди из цветов.

Смотрел я в тягостной тревоге,
Как плыл по ней вечерний дым.
И каждый камень на дороге
Казался близким и родным.

Но для чего идти мне ею?
Она меня не приведет
Туда, где я дышать не смею,
Где милая моя живет.

Когда она родилась, ноги
В железо заковали ей,
И стали чужды ей дороги
В тени. склонившихся ветвей.

Когда она родилась, сердце
В железо заковали ей,
И та, которую люблю я,
Не будет никогда моей.

Три жены мандарина

Законная жена

Есть еще вино в глубокой чашке,
И на блюде ласточкины гнезда.

От начала мира уважает
Мандарин законную супругу.

Наложница

Есть еще вино в глубокой чашке,
И на блюде гусь большой и жирный.
Если нет детей у мандарина,
Мандарин наложницу заводит.

Служанка

Есть еще вино в глубокой чашке,
И на блюде разное варенье.
Для чего вы обе мандарину,
Каждый вечер новую он хочет.

Мандарин

Больше нет вина в глубокой чашке,
И на блюде только красный перец.
Замолчите, глупые болтушки,
И не смейтесь над несчастным старцем.

Счастье

Из красного дерева лодка моя,
И флейта моя из яшмы.

Водю выводят пятно на шелку,
Вином — тревогу из сердца.

И если владеешь ты легкой ладьей,
Вином и женщиной милой,

Чего тебе надо еще? Ты во всем
Подобен гениям неба.

Соединение

Луна восходит на ночное небо
И, светлая, покоится влюбленно.

По озеру вечерний ветер бродит,
Целуя осчастливленную воду.

О, как божественно соединенье
Извечно созданного друг для друга!

Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

Странник

Странник, далеко от родины,
И без денег и без друзей,
Ты не слышишь сладкой музыки
Материнского языка.

Но природа так слепительна
Что не вовсе несчастен ты.
Пенье птиц, в ветвях гнездящихся,
Разве чуждый язык для тебя?

Лишь услыша флейту осени,
Переливчатый звон цикад,
Лишь увидя в небе облако,
Распластавшееся как дракон,

Ты поймешь всю бесконечную
Скорбь, доставшуюся тебе,
И умчишься мыслью к родине,
Заслоняя рукой глаза.

Поэт

Я слышал из сада, как женщина пела,
Но я, я смотрел на луну.

И я никогда о певице не думал,
Луну в облаках полюбив.

Не вовсе чужой я прекрасной богине:
Ответный я чувствую взгляд.

Ни ветви дерев, ни летучие мыши
Не скроют меня от него.

Во взоры поэтов, забывших про женщин,
Отрадно смотреться луне,

Как в полные блеска чешуи драконов,
Священных поэтов морей.

Дом

Тот дом, где я играл ребенком,
Пожрал беспощадный огонь.

Я сел на корабль золоченый,
Чтоб горе мое позабыть.

На дивно-украшенной флейте
Играл я высокой луне.

Но облаком легким прикрылась
Луна, опечалена мной.

Тогда я к горе обернулся,
Но песни не шли мне на ум.

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем доме.

И мне умереть захотелось,
И я наклонился к воде.

Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны. —

И если она пожелает,
И если позволит луна,

Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.

Индокитай

Аннам

Месяц стоит посредине
Дивно-огромного неба,
Ветер в бамбуковой чаще,
Благоухающий воздух,
Благословенна семья.

Старшие в роще за чаем,
Пьют и стихи повторяют,
Из дому слышно гуденье,
Там занимаются дети,
Новорожденный кричит.

Тот, кто живет этой жизнью,
Полное знает блаженство.
Что ему деньги и слава,
Если он верит, что детям
Должно его пережить?

Девушки

Нравятся девушкам рупии
С изображением птицы.
Они покидают родителей,
Чтобы идти за французами.

Детская песенка

Что это так красен рот у жабы,
Не жевала ль эта жаба бетель?

Пусть скорей приходит та, что хочет
Моего отца женой стать милой!
Мой отец ее приветно встретит,
Рисом угостит и не ударит,
Только мать моя глаза ей вырвет,
Вырвет внутренности из брюха.

Лаос

Девушка, твои так нежны щеки,
Грудь твоя — как холмик невысокий.

Полюби меня, и мы отныне
Никогда друг друга не покинем.

Ты взойдешь на легкую пирогу,
Я возьмусь отыскивать дорогу.

На слона ты сядешь, и повсюду
Я твоим карнаком верным буду.

Если сделаешься ты луною,
Стану тучкой, чтоб играть с тобою.

Если сделаешься ты лианой,
Стану птицею иль обезьяной.

Если будешь ты на горном пике
Перед пастью пропасти великой,

Пусть мне ноги закуют в железо,
Я на пик твой все-таки долезу.

Но напрасно все мое уменье,
Суждено мне горькое мученье,

Ты меня не любишь; и умру я,
Как бычек, травы лишенный свежей,

Без единственного поцелуя
В щеку, где румянец нежен, свежий.

Кха

Где вы, красивые девушки,
Вы, что ответить не можете,
Вы, что меня оставляете
Ослабевающим голосом
Звонкое эхо будить?

Или вы съедены тиграми,
Или вас держат любовники?
Да отвечайте же, девушки.
Я полюбил вас и встретиться
С вами спустился в леса.

С гор я увидел вас голыми
Около чистого озера
И прибежал, не подумавши,
Что все вы — дочери месяца,
Черной вороны я сын.

Мик. Африканская поэма

I

Сквозь голубую темноту
Неслышно от куста к кусту
Переползая словно змей,
Среди трясин, среди камней
Свирепых воинов отряд
Идет — по десятеро в ряд,
Мех леопарда на плечах,
Меч на боку, ружье в руках, —
То абиссинцы; вся страна
Их негусу покорена,
И только племя Гурабе
Своей противится судьбе,
Сто жалких деревянных пик —
И рассердился Менелик. —

Взошла луна, деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит.
За всем следит он в тишине,
Верхом на огненном слоне:
Чтоб Аурарис носорог
Напасть на спящего не мог,
Чтоб бегемота Гумаре
Не окружили на заре
И чтобы Азо крокодил
От озера не отходил.
То благосклонен, то суров,
За хвост он треплет рыжих львов.
Но, видно, и ему невмочь
Спасти деревню в эту ночь!
Как стая бешеных волков,

Враги пустились... Страшный рев
Раздался, и в ответ ему
Крик ужаса прорезал тьму.
Отважно племя Гурабе,
Давно приучено к борьбе,
Но бой ночной — как бег в мешке,
Копье не держится в руке,
Они захвачены врасплох,
И слаб их деревянный бог.

Но вот неожиданная заря
Взошла над хижиной царя.
Он сам, вспугнув ночную соню,
Зажег губительный огонь
И вышел, страшный и нагой,
Маша дубиной боевой.
Раздуты ноздри, взор горит,
И в грудь, широкую как щит,
Он ударяет кулаком...
Кто выйдет в бой с таким врагом?
Смутились абиссинцы — но
Вдруг выступил Ато-Гано,
Начальник их. Он был старик,
В собраньях вежлив, в битве дик,
На все опасные дела
Глядевший взорами орла.
Он крикнул: «Э, да ты не трус!
Все прочь, — я за него возьмусь».

Дубину поднял негр; старик
Увертливый к земле приник,
Пустил копье, успел скакнуть
Всей тяжестью ему на грудь,
И, оглушенный, сделал враг
Всего один неловкий шаг,
Упал — и грудь его рассек
С усмешкой старый человек.

Шептались воины потом,
Что под сверкающим ножом
Как будто огненный язык
Вдруг из груди его возник
И скрылся в небе словно пух.
То улетал могучий дух,
Чтоб стать бродячею звездой,
Огнем болотным в тьме сырой
Или поблескивать едва
В глазах пантеры или льва.

Но был разгневан Дух Лесов
Огнем и шумом голосов
И крови запахом, Он встал,
Подумал и загрохотал:
«Эй, носороги, ай, слоны,
И все, что злобны и сильны,
От пастбища и от пруда
Спешите, буйные, сюда,
Ого-го-го, ого-го-го!
Да не шадите никого».
И словно ожил темный лес
Ордой страшилищ и чудес;
Неслись из дальней стороны
Освирепелые слоны,
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат —
За ними. Я мечту таю,
Что я его еще убью
И к удивлению друзей,
Врагам на зависть, принесу
В зоологический музей
Его пустынную красу.

«Ну, ну, — сказал Ато-Гано, —

Здесь и пропасть немудрено,
Берите пленных — и домой!»
И войско бросилось гурьбой.
У трупа мертвого вождя
Гано споткнулся, уходя,
На мальчугана лет семи,
Забытого его людьми.
«Ты кто?» — старик его спросил,
Но тот за палец укусил
Гано. «Ну, верно, сын царя» —
Подумал воин, говоря:
«Тебя с собою я возьму,
Ты будешь жить в моем доме».
И лишь потом узнал старик,
Что пленный мальчик звался Мик.

II

В Аддис-Абебе праздник был.
Гано подарок получил,
И, возвратясь из царских зал,
Он Мику весело сказал:
«Сняв голову, по волосам
Не плачут. Вот теперь твой дом;
Служи и вспоминай, что сам
Авто-Георгис был рабом».
Прошло три года. Служит Мик,
Хоть он и слаб, и невелик.
То подметает задний двор,
То чинит прорванный шатер,
А поздно вечером к костру
Идет готовить инджиру
И, получая свой кусок,
Спешит в укромный уголок,
А то ведь спазят на беду

Его любимую еду.

Порою от насмешек слуг
Он убежал на ближний луг,
Где жил, привязан на аркан,
Большой косматый павиан.
В глухих горах Ато-Гано
Его поймал не так давно
И ради прихоти привез
В Аддис-Абебу, город роз.
Он никого не подпускал,
Зубами щелкал и рычал,
И слуги думали, что вот
Он ослабеет и умрет.
Но злейшая его беда
Собаки были: те всегда
Сбегались лаять перед ним,
И, дикой яростью томик,
Он поднимался на дыбы,
Рыл землю и кусал столбы.

Лишь Мик, вооружась кнутом,
Собачий прекращал содом.
Он приносил ему плоды
И в тыкве срезанной воды,
Покуда пленник не привык,
Что перед ним проходит Мик.

И наконец они сошлись:
Порой, глаза уставя вниз,
Обнявшись и рука в руке,
На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,
Где обезьяньи города,
Где не дерутся никогда,
Где каждый счастлив, каждый сыт,

Играет вволю, вволю спит.

И клялся старый павиан
Седую гривую своей,
Что есть цари у всех зверей,
И только нет у обезьян.
Царь львов — лев белый и слепой,
Венчан короной золотой,
Живет в пустыне Сомали,
Далеко на краю земли.
Слоновий царь — он видит сны
И, просыпаясь, говорит,
Как поступать должны слоны,
Какая гибель им грозит.
Царица зебр — волшебней сна,
Скача, поспорит с ветерком.
Давно помолвлена она
Со страусовым королем.
Но по пустыням говорят,
Есть зверь сильнее и выше всех,
Как кровь, рога его горят,
И лоснится кошачий мех.
Он мог бы первым быть царем,
Но он не думает о том,
И если кто его встречал,
Тот быстро чах и умирал.

Заслушиваясь друга, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмышлен.
Узнав о том, Ато-Рано
Его послал толочь пшено,
А этот труд — для женщин труд,
Мужчины все его бегут.
Выла довольна дворня вся,
Наказанного понося,

И даже девочки, смеясь,
В него бросали сор и грязь.

Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он,
И, от досады сам не свой,
Не подкрепившись инджирой,
Всю ночь у друга своего
Провел с нахмуренным лицом
И плакал на груди его
Мохнатой, пахнувшей козлом.
Когда же месяц за утес
Спустился, дивно просияв,
И ветер утренний донес
К ним благовонье диких трав,
И павиан, и человек
Вдвоем замыслили побег.

III

Давно французский консул звал
Любимца Негуса, Гано,
Почтить большой посольский зал,
Испробовать его вино,
И наконец собрался тот
С трудом, как будто шел в поход.
Был мул белей, чем полотно,
Был в красной мантии Гано,
Прощенный Мик бежал за ним
С ружьем бельгийским дорогим,
И крики звонкие неслись:
«Прочь все с дороги! сторонись!»

Гано у консула сидит,
Приветно смотрит, важно льстит,

И консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон,
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван,
И электрический звонок
Звонит, нетронутый никем.
Гано спокойно тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю гут!
Ой френджи, все они поймут».

А в это время Мик, в саду
Держащий мула за узду,
Не налюбуется никак
Ни на диковинных собак,
Ни на сидящих у дверей
Крылатых каменных зверей.
Как вдруг он видит, что идет
Какой-то мальчик из ворот,
И обруч, словно колесо,
Он катит для игры в серсо.
И сам он бел, и бел наряд,
Он весел, словно стрекоза,
И светлым пламенем горят
Большие смелые глаза.
Пред Миком белый мальчик стал,
Прищурился и засвистал:
«Ты кто?» — «Я абиссинский раб».
«Ты любишь драться?» — «Нет, я слаб». —
«Отец мой консул.» — «Мой вождем
Был». — «Где же он?» — «Убит врагом». —
«Меня зовут Луи». — «А я
Был прозван Миком». — «Мы друзья».

И Мик, развежась, рассказал
Про павиана своего,
Что с ним давно б он убежал

И не настигли бы его,
Когда б он только мог стянуть
Кремень, еды какой-нибудь,
Топор или просто крепкий нож —
Без них в пустыне пропадешь.
А там охотой можно жить,
Никто его не будет бить,
Иль стать царем у обезьян,
Как обещался павиан.
Луи промолвил: «Хорошо,
Дитя, что я тебя нашел!
Мне скоро минет десять лет,
И не был я еще царем.
Я захвачу мой пистолет,
И мы отправимся втроем.
Смотри: за этою горой
Дождитесь в третью ночь меня;
Не пропадете вы со мной
Ни без еды, ни без огня».
Он важно сдвинул брови; вдруг
Пронесся золотистый жук,
И мальчик бросился за ним,
А Мик остался недвижим.
Он был смущен и удивлен,
Он думал: «Это, верно, сон...»
В то время как лукавый мул
Жасмин и ризы с клумб тянул.

Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ой френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки!
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им любо... Но зато в бою,
Я ставлю голову свою,
Не победит никто из них

Нас, бедных, глупых и слепых.
Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам»,
А Мик в мечтаньях о Луи,
Шаги не рассчитав свои,
Чуть не сорвался с высоты
В переплетенные кусты.

Угрюмо слушал павиан
О мальчике из дальних стран,
Что хочет, свой покинув дом,
Стать обезьяньим королем.
Звериным сердцем чуял он,
Что в этом мире есть закон,
Которым каждому дано
Изведать что-нибудь одно:
Тем — жизнь среди городских забав,
Тем — запахи пустынных трав.
Но долго спорить он не стал,
Вздыхнул, под мышкой почесал
И пробурчал, хлебнув воды:
«Смотри, чтоб не было беды!»

IV

Луна склонялась, но чуть-чуть,
Когда они пустились в путь
Через канавы и бурьян, —
Луи и Мик, и павиан.
Луи смеялся и шутил,
Мешок с мукою Мик тащил,
А павиан среди камней
Давил тарантулов и змей.
Они бежали до утра,
А на день спрятались в кустах,

И хороша была нора
В благоухающих цветах.

Они боялись — их найдут.
Кругом сновал веселый люд:
Рабы, сановники, купцы,
С большими лютнями певцы,
Послы из дальней стороны
И в пестрых тряпках колдуны.
Поклонник дьявола порой
С опущенною головой
Спешил в нагорный Анкобер,
Где в самой темной из пещер
Живет священная змея,
Земного мать бытия.

Однажды утром, запоздав,
Они не спрятались средь трав,
И встретил маленький отряд
Огромный и рябой солдат.
Он Мика за руку схватил,
Ременным поясом скрутил.
«Мне улыбается судьба,
Поймал я беглого раба! —
Кричал. — И деньги, и еду
За это всюду я найду».
Заплакал Мик, а павиан
Рычал, запрятавшись в бурьян.
Но, страшно побледнев; Луи
Вдруг поднял кулаки свои
И прыгнул бешено вперед:
«Пусти, болван, пусти, урод!
Я — белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти иль будешь сам не рад!»
«Ну, ну, — ответил, струсив, плут, —

Идите с Богом, что уж тут».

И в вечер этого же дня,
Куда-то скрывшись, павиан
Вдруг возвратился к ним, стена,
Ужасным горем обуян.
Он бил себя в лицо и грудь,
От слез не мог передохнуть
И лишь катался по песку,
Стараясь заглушить тоску.
Увидя это, добрый Мик
Упал и тоже поднял крик
Такой, что маленький шакал
Его за милю услышал
И порешил, пускаясь в путь:
«Наверно умер кто-нибудь».
Луи, не зная их беды,
К ручью нагнулся поскорей
И, шляпой зачерпнув воды,
Плеснул на воющих друзей.
И павиан, прервав содом,
Утершись, тихо затынул:
«За этою горой есть дом,
И в нем живет мой сын в плену.
Я видел, как он грыз орех,
В сторонке сидя ото всех.
Его я шепотом позвал,
Меня узнал он, завизжал,
И разлучил нас злой старик,
С лопатой выскочив на крик.
Его немислимо украсть,
Там псы могучи и хитры,
И думать нечего напасть —
Там ружья, копья, топоры».
Луи воскликнул: «Ну, смотри!
Верну я сына твоего,
Но только выберешь в цари

У вас меня ты одного».
Он принял самый важный вид,
Пошел на двор и говорит
«Я покупаю обезьян.
У вас есть крошка-павиан —
Продайте!» — «Я не продаю», —
Старик в ответ. «А я даю
Вам десять талеров.» «Ой! ой!
Да столько стоит бык большой.
Бери», И вот Луи понес
Виновника столь горьких слез.
Над сыном радостный отец
Скакал, как мячик; наконец
Рванул его за хвост, любя.
«Что, очень мучили тебя?» —
«Я никаких не видел мук.
Хозяин мой — мой первый друг!
Я ем медовые блины,
Катаю обруч и пляшу,
Мне сшили красные штаны,
Я их по праздникам ношу».
И рявкнул старый павиан:
«Ну, если это не обман,
Тебе здесь нечего торчать!
Вернись к хозяину опять.
Стремись науки все пройти:
Трубить, считать до десяти...
Когда ж умнее станешь всех,
Тогда и убежать не грех».

V

Луны уж не было, и высь
Как низкий потолок. была.
Но звезды крупные зажглись —

И стала вдруг она светла,
Переливалась... А внизу
Стеклянный воздух ждал грозу.
И слышат путники вдали
Удары бубна, гул земли.
И видят путники: растет
Во мгле сомнительный восход.
Пятьсот огромных негров в ряд
Горящие стволы влачат,
Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют.
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамед-Али,
Купца из Иеменекой земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар,
В арабских сказках принца нет,
Калифа, чтобы ей сказать:
«Моя жемчужина, мой свет,
Позвольте мне вам жизнь отдать!»
В арабских сказках гурий нет,
Чтоб с этой девушкой сравнять.

Она увидела Луи
И руки подняла свои.
Прозрачен, тонок и высок,
Запел как флейта голосок:
«О, милый мальчик, как ты бел,
Как стан твой прям, как взор твой смел!
Пойдем со мной. В моих садах
Есть много желтых черепах,
И попугаев голубых,
И яблок, соком налитых.
Мы будем целый день-деньской

Играть, кормить послушных серн
И бегать взапуски с тобой
Вокруг фонтанов и цистерн.
Идем», Но, мрачный словно ночь,
Луи внимал ей, побледнев,
И не старался превозмочь
Свое презрение и гнев:
«Мне — слушать сказки, быть пажом,
Когда я буду королем,
Когда бесчисленный народ
Меня им властвовать зовет?
Но если б и решился я,
С тобою стало б скучно мне:
Ты не стреляешь из ружья,
Боишься ездить на коне».

Печальный, долгий, кроткий взор
Царевна подняла в упор
На гордого Луи — и вдруг,
Вдруг прыснула... И все вокруг
Захохотали. словно гром
Раздался в воздухе ночном:
Ведь хохотали все пятьсот
Огромных негров, восемьсот
Рабов, и тридцать поваров,
И девятнадцать конюхов.
Но подала царевна знак,
Все выстроились кое-как
И снова двинулись вперед,
Держась от смеха за живот.
Когда же скрылся караван,
Тоскуя, Мик заговорил:
«Не надо мне волшебных стран,
Когда б рабом ее я был.
Она, поклясться я готов, —
Дочь Духа доброго Лесов,
Живет в немыслимом саду,

В дворце, похожем на звезду.
И никогда, и никогда
Мне, Мику, не войти туда»,
Луи воскликнул: Ну, не трусь,
Войдешь, как я на ней женюсь,

VI

Еще три дня, и их глазам
Предстал, как первобытный храм,
Скалистый и крутой отвес,
Поросший редкою сосной,
Вершиной вставший до небес,
Упершийся в дремучий лес
Своею каменной пятой.
То был совсем особый мир:
Чернели сотни крутых дыр
Соединяясь меж собой
Одною узкою тропой;
И как балконы, здесь и там
Площадки с глиной по краям
Висели, и из всех бойниц
Торчали сотни, страшных лиц.
Я, и ложась навеки в гроб,
Осмелился бы утверждать,
Что это был ни дать ни взять
Американский небоскреб.
В восторге крикнул павиан,
Что это город обезьян.

По каменистому хребту
Они взошли на высоту.
Мик тихо хныкал, он устал,
Луи же голову ломал,
Как пред собой он соберет

На сходку ветреный народ.
Но павиан решил вопрос:
Обезьяnenка он принес
И начал хвост ему щипать,
А тот — визжать и верещать;
Таков обычай был, и вмиг
Все стадо собралось на крик.

И начал старый павиан:
«О племя вольных обезьян,
Из плена к вам вернулся я,
Со мной пришли мои друзья,
Освободители мои,
Чтоб тот, кого мы изберем,
Стал обезьяньим королем...
Давайте, изберем Луи».
Он, кончив, важно замолчал.
Луи привстал, и Мик привстал,
Кругом разлился страшный рев,
Гул многих сотен голосов:
«Мы своего хотим царем!» —
«Нет, лучше Мика изберем!»
«Луи!» — «Нет, Мика!» — «Нет, Луи!»
Все, зубы белые свои
Оскалив, злятся... Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи с ружьем, он — чародей...
К тому ж он белый и смешней».

Луи тотчас же повели
На холмик высохшей земли,
Надев на голову ему
Из трав сплетенную чалму
И в руки дав слоновый клык,
Знак отличительный владык.
И, мир преображая в сад
Алеющий и золотой,

Горел и искрился закат
За белокурой головой.
Как ангел мил, как демон горд,
Луи стоял один среди морд
Клыкастых и мохнатых рук,
К нему протянутых вокруг.
Для счастья полного его
Недоставало одного:
Чтобы сестра, отец и мать
Его могли здесь увидеть
Хоть силою волшебных чар,
И в «Вокруг Света» обо всем
Поведал мальчикам потом
Его любимый Буссенар.

VII

Луи суровым был царем.
Он не заботился о том,
Что есть, где пить, как лучше спать,
А все сбирался воевать;
Хотел идти, собрав отряд,
Отнять у злобной львицы львят
Иль крокодила из реки
Загнать в густые тростники,
Но и за что его народ
Не соглашался на поход,
И огорченный властелин
Бродил печален и один,
Спускался он на дно пещер,
Где сумрак, ядовит и сер,
И где увидеть вы могли б
В воде озер безглазых рыб.
Он поднимался на утес,
Собой венчавший весь откос,

И там следил, как облака
Ваяет Божия рука.
Но лишь тогда бывал он рад,
Когда смотрел на водопад,
Столбами пены ледяной
Дробящийся над крутизной,
К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела,
И мальчик знал, что не спроста
Там тишина и темнота,
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой приют.
Там раз в столетие трава,
Шурша, вскрывается как дверь.
С рогами серны, с мордой льва
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет,
И почему так стонет он
И замечает лапой вслед,
Хоть только ночь со всех сторон,
Да, только ночь, черна как смоль,
И страх, и буйная вода.
И в стогах раненого боль,
Не гаснувшая никогда...

Но все наскучило Луи —
Откос, шумящие струи,
Забавы резвых обезьян
И даже Мик и павиан.
Сдружился он теперь с одной
Гиеной старой и хромой,
Что кралась по ночам на скат,
во Чтоб воровать обезьянят.
Глазами хитрыми змеи
Она смотрела на Луи,
И заводила каждый раз
Лукавый, льстивый свой рассказ:

Он, верно, слышал, что внизу,
В большом тропическом лесу
Живут пантеры? Вот к кому
Спуститься надо бы ему!
Они могучи и смелы,
Бросаются быстрее стрелы,
И так красив их пестрый мех,
Что им простится всякий грех.

Напрасно друга Мик молил,
Глухим предчувствием томим,
Чтоб он навек остался с ним
И никуда не уходил.
Луи, решителен и быстр,
Сказал: «Ты только мой министр!
Тебе я власть передаю
И скипетр, и чалму мою,
И мой просторный царский дом,
А сам я буду королем
Не этих нищенских пещер,
А леопардов и пантер.»
Ушел. И огорчился стан
Всегда веселых обезьян.
Они влезали на карниз,
Внимательно смотрели вниз.
Оттуда доносился рев
Им незнакомых голосов,
И горько плакали они,
Минувшие припомнив дни
И грустно думая о том,
Что случилось с гневным их царем.

Едва под утро Мик уснул.
Во сне он слышал страшный гул,
Он видел мертвого отца,
И лился пот с его лица.
Проснулся... Старый павиан
Собрал храбрейших обезьян.
Они спускаться стали вниз,
Держась за ветви, за карниз;
Переплетя свои хвосты,
Над бездной строили мосты,
Пока пред ними дикий лес
Не встал, а город не исчез
И не мелькнули среди стволов
Клыки и хоботы слонов.

Долина им была видна,
Деревьями окружена,
И посреди большой утес,
Что мхом и травами оброс.
На нем один лежал Луи
И раны зажимал свои.
Вперив в пространство мутный взор,
Чуть поднимал он свой топор,
А восемь яростных пантер
Пред ним кружились; из пещер
Еще спешили... Отражал
Всю ночь их мальчик и устал.
Как град камней, в траву полян
Сорвалась стая обезьян,
И силою живой волны
Пантеры были сметены
И отступили... С плачем Мик
К груди товарища приник.
Луи в бреду ему шептал,
Что он царем и здесь бы стал,
Когда б не гири на ногах,
Не красный свет в его глазах

И не томящий, долгий звон...
И незаметно умер он.

Тогда, хромая, из кустов
Гиена выбежала; рев
Раздался, яростен и груб:
«Он мой! Скорей отдайте труп!»
Смутилась стая обезьян,
Но прыгнул старый павиан
С утеса на гиену вниз
И горло мерзкой перегрыз.

Где пальмы веером своим
Кивают облакам седым,
Где бархатный ковер лугов
Горит, весь алый от цветов,
И где журчит, звенит родник,
Зарыл Луи печальный Мик.
Там ласточки с огнем в глазах
Щебечут, милые, в ветвях.
Они явились издали,
Из франкской, может быть, земли,
И щебетали свой привет
Перед готическим окном,
Где увидал впервые свет
Луи в жилище родовом.

И над могилой друга Мик
Запел: «Луи, ты был велик,
Была сильна твоя рука,
Белее зубы молока!
Зачем, зачем, зачем в бою
Не принял помощь ты мою,
Зачем, зачем, когда ты пал,
Ты павиана не позвал?
Уж лучше б пуля иль копье
Дыханье вырвали твое!

Не помиришься ты с врагом...
Все это кажется мне сном...»
Завыл печальный павиан,
Завыла стая обезьян,
И вот на шум их голосов,
Горя как месяц в вышине,
Явился мощный Дух Лесов
Верхом на огненном слоне,
Остановился и взглянул,
И грозно крикнул Мику: «Ну?»
Когда ж узнал он обо всем,
Широким пальмовым листом —
Он вытер слезы на глазах...

«Я перед Миком в должниках:
В ту ночь, как племя Гурабе
Изнемогало в злой борьбе,
Болтая с месяцем как раз,
Я не пришел к нему, не спас.
О чем бы ни мечтал ты, Мик,
Проси: все даст тебе старик».
И поднял руки Мик свои
И медленно проговорил:
«Мне видеть хочется Луи
Таким, каким он в жизни был». —
«Он умер». — «Пусть и я умру». —
«Но он в аду». — «Пойду и в ад!
Я брошусь в каждую дыру,
Когда в ней мучится мой брат». —
«Ну, если так — не спорю я!
Вдоль по течению ручья
Иди три дня, потом семь дней
Через пустыню черных змей.
Там у чугунной двери в ад,
С кошачьей мордой, но рогат,
Есть зверь, и к брату твоему
Дорога ведома ему.

Но тем, кто раз туда попал,
Помочь не в силах даже я.
Смотри ж!» Но Мик уже бежал
Вдоль по течению ручья.

IX

В отвесной каменной стене,
Страшна, огромна и черна,
Виднелась дверь из чугуна
На неприступной вышине.
Усталый, исхудалый Мик
Пред нею головой поник
И стонет: «Больше нет пути,
Не знаю я, куда идти,
Хоть сам могучий Дух Лесов —
Хранитель мой и мой покров»,

Тут медленно открылась дверь,
И медленно явился зверь
С кошачьей мордой, а рогат.
И Мик потупил в страхе взгляд,
Но в дверь вступил. Они пошли
По коридору, где в пыли
Валялись тысячи костей
Рыб, птиц, животных и людей.
Как та страшна была тропа!
Там бормотали черепа,
Бычачьи двигались рога,
Ища незримого врага,
И гнулись пальцы мертвецов,
Стараясь что-нибудь поймать...
Но вот прошли широкий ров;
И легче сделалось дышать.

Там им открылся мир иной,
Равнина с лесом и горой,
Необозримая страна,
Жилище душ, которых нет.
Над ней струила слабый свет
Великолепная луна;
Не та, которую ты сам
Так часто видишь по ночам,
А мать ее, ясна, горда,
Доисторических времен,
Что умерла еще тогда,
Как мир наш не был сотворен.
Там тени пальм и сикомор
Росли по склонам черных гор,
Где тени мертвых пастухов
Пасли издохнувших коров,
Там тень охотника порой
Ждала, склоняясь над царей,
Где сонно грызли тень корней
Сообщества бобров-теней.
Но было тихо все вокруг:
Ни вздох, ни лепет струей, ни стук
Не нарушал молчанья. Зверь
Промолвил Мику: «Ну, теперь
Ищи!» А сам устало лег,
Уткнувшись мордою в песок.

За каждый куст, за каждый пень,
Хотя тот куст и пень — лишь тень,
В пещеру, в озеро, в родник,
Идя, заглядывает Мик.
За тенью дикого волчца
Он своего узнал отца,
Сидевшего, как в старину,
На грязной, бурой шкуре гну.
Мик, плача руки протянул,
Но тот вздохнул и не взглянул,

Как будто только ветерок
Слегка его коснулся щек.
Как мертвецы не видны нам,
Так мы не видны мертвецам.

Но нет нигде, нигде Луи.
Мик руки заломил свои,
Как вдруг он бросился бежать
Туда, где зверь улегся спать.
«Скорей вставай! — кричит ему, —
И отвечай мне, почему
Здесь только черные живут,
А белых я не видел тут?»
Зверь поднял страшные глаза:
«Зачем ты раньше не сказал?
Все белые — как колдуны,
Все при рожденьи крещены,
Чтоб после смерти их Христос
К себе на небеса вознес.
Наверх направь шаги свои
И жаворонка излови.
Он чист, ему неведом грех,
И он летает выше всех.
Вот три зерна (их странен вид,
Они росли в мозгу моем);
Когда их съест, заговорит
Он человеческим языком».

Как было радостно опять
Пустыню Мику увидеть,
Услышать ветер и родник,
И попугаев резкий крик!
Он сделал из волос силок
И жаворонка подстерег,
И выпустил его, одно
Сначала дав ему зерно.
Опять, влюбленный в Божий свет,

Свободный жаворонок ввысь
Помчался, и ему вослед
Надежды Мика понеслись.
Когда же птица с высоты
Упала камнем, чуть дыша, —
«Ну, что? Скажи, что видел ты?» —
Мик теребил его, спеша.
«Я видел красных райских птиц,
Они прекраснее зарниц,
В закатных тучах гнезда вьют
И звезды мелкие клюют.
Они клялись мне, что твой друг
Попал в седьмой небесный круг,
Перед которым звездный сад
Черней, чем самый черный ад».

Мик дал ему еще зерно,
Целуя и прося одно,
И взвился жаворонок вновь,
Хоть в нем и холодела кровь.
Он только через день упал
И больше часа не дышал,
Но наконец проговорил:
«Средь отдаленнейших светил,
За гранью Божьего огня
Я встретил ангела, что пел
Про человеческий удел,
Алмазным панцырем звеня:
Пусть ни о чем не плачет Мик:
Луи высоко, он в раю,
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою».

Его целуя горячо,
Мик попросил: «Крылатый друг,
Молю, вот съешь зерно еще
И полети в надзвездный круг».

И жаворонок третий раз
Поднялся и пропал из глаз.
Три дня ждал жаворонка Мик
И к ожиданию привык,
Когда свалился на песок
Холодный пуховой комок.
Такое видеть торжество
Там жаворонку довелось,
Что сердце слабое его
От радости разорвалось.

X

Дуглас, охотник на слонов,
Сердился: ужин не готов,
Любимый мул его издох,
И новый проводник был плох.
Он взял ружье и вышел в лес,
На пальму высохшую влез
И ждал. Он знал, что здесь пойдет
На водопой лесной народ,
А у него мечта одна —
Убить огромного слона;
Особенно когда клыки
И тяжелы, и велики.
Вот засветился Южный Крест,
И тишина легла окрест,
Как будто старый Дух Лесов
Замедлил бег ночных часов.
И вот, явились: дикобраз,
За ним уродливые гну,
Вслед козы — и решил Дуглас:
«Я после застрелю одну».
Но, рыжей гривую тряся,
Высоко голову неся,

Примчался с тяжким скоком лев,
И все бежали, оробев,
И даже буйвол отступил,
Сердито фыркнув, в мокрый ил.
Царь долго пил, потом зевнул,
И вдруг вскочил и заревел.
В лесу раздался смутный гул,
Как будто ветер прошумел;
И пересекся небосклон
Коричневою полосой, —
То, поднимая хобот, слон
Вожак вел стадо за собой.
Ему согнувшийся Дуглас
Навел винтовку между глаз;
Так не один гигант лесной
Сражен был пулей разрывной.
Он был готов пустить курок,
Когда почувствовал толчок
И промахнулся. Это Мик
К нему среди ветвей проник.
«А, негодяй! — вскричал Дуглас, —
Знай, ты раскаешься сейчас!»
И тот ответил: «Гета, ну!
Не надо делать зла слону:
Идет под старость каждый слон
Все на один и тот же склон,
Где травы, данные слонам,
Вкусней, и родники свежей,
И умирают мирно там
Среди прадедовских костей.
Коль ты согласен, я готов
Твоим слугою быть, а мне
Известно кладбище слонов,
В галасской скрытое стране». —

«Пусть Бог хранит тебя за то!» —
Вскричал Дуглас, забывши злость.

«Идем! И в Глазго и в Бордо
Слоновья требуется кость».
Вплоть до утра работал Мик,
Хвосты и гривы мулам стриг
И чистил новое свое
Шестизарядное ружье.

Прошло три месяца, и вот
В Аддис-Абебу Мик ведет
Из диких, неизвестных стран
С слоновой костью караван.
Дуглас мечтает: «Богачу
Я все на месте продаю
И миллионером укачу
К себе, в Шотландию мою!»

Сто тридцать ящиков вина,
Сто тридцать ярдов полотна
Подносит негусу Дуглас
И так кончает свой рассказ:
«Я караван мулиный свой
Оставил Мику. Он богат.
В Аддис-Абебе зашумят,
Что это нагадрас большой.
Его в верховный свой совет
Прими и совещайся с ним.
Он защитит тебя от бед
Умом и мужеством своим».
Орлиный светлый взгляд один
На Мика бросил властелин
И, улыбнувшись, сделал знак,
Обозначавший: будет так.
В Аддис-Абебе не найти
Глупца, который бы не знал,
Что Мик на царственном пути
Прекрасней солнца воссиял.
С ним, благосклонен и велик.

Советуется Менелик,
Он всех отважней на войне,
Всех уважаемей в стране.

В Аддис-Абебе нет теперь
Несчастливого иль пришлеца,
Пред кем бы не открылась дверь
Большого Микова дворца.
Там вечно для радушных встреч
Пиров до самого утра,
Готовится прохладный тэдж
И золотая инджира.
И во дворце его живет,
Встречая ласку и почет,
С ним помирившийся давно
Слепой старик, Ато-Гано.

Шатёр

Вступление

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шёпотом
В небесах говорят серафимы.

И твое раскрывая Евангелъе,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождах в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят полчища воинов хмурых;

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются улыбкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную,
Там где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку.

И последняя милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,

Где с Христом отдыхала Мария.

Красное море

Здравствуй, Красное Море, акулья уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На утесах твоих, вместо влажного мха,
Известняк, словно каменный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабыты приливом, растущим в ночи,
Издыхают чудовища моря в тоске:
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелук.

Если негр будет пойман, его уведут
На невольничий рынок Ходейды в цепях,
Но араб несчастливый находит приют
В грязно-рыжих твоих и горячих волнах.

Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит среди них пароход,
Под винтом снеговая клокочет вода,
А на палубе — красные розы и лед.

Ты бессильно над ним; пусть ревет ураган,
Пусть волна как хрустальная встанет гора,
Закурив папиросу, вздохнет капитан:
— «Слава Богу, свежо! Надоела жара!» —

Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных, серпами изогнутых кос,

Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты:
— Море, Красное Море, ты царственно днем,
Но ночами вдвойне ослепительно ты!

Только тучкой скользнут водяные пары,
Тени черных русалок мелькнут на волнах,
Да чужие созвездья, кресты, топоры,
Над тобой загорятся в небесных садах.

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинают твои колдовские струи,
Искры в них и лучи, словно хочешь создать,
Позавидовав небу, ты звезды свои.

И когда выплывает луна на зенит,
Ветр проносится, запахи леса тая,
От Суэца до Баб-эль-Мандеба звенит,
Как Эолова арфа, поверхность твоя.

На обрывистый берег выходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих шум,
Обожать отраженье ущербной луны,
Подступают к воде и боятся акул.

И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты исполнило некогда Божий закон,
Разорвало могучие сплавы зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон.

Египет

Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.

И каналы, каналы, каналы,
Что несутся вдоль глиняных стен,
Орошая Дамьетские скалы
Розоватыми брызгами пен.

И такие смешные верблюды,
С телом рыб и с головками змей,
Как огромные, древние чуда
Из глубин пышноцветных морей.

Вот каким ты увидишь Египет
В час божественный трижды, когда
Солнцем день человеческий выпит
И, колдуя, дымится вода.

К отдаленным платанам цветущим
Ты приходишь, как шел до тебя
Здесь мудрец, говоря с Присносущим,
Птиц и звезды навек любя.

То вода ли шумит безмятежно
Между мельничных тяжких колес,
Или Апис мычит белоснежный,
Окровавленный цепью из роз?

Это взор благосклонный Изиды
Иль мерцанье встающей луны?
Но опомнись! Растут пирамиды

Пред тобою, черны и страшны.

На седые от мха их уступы
Ночевать прилетают орлы,
А в глубинах покоятся трупы,
Незнакомые с тленьем, средь мглы.

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой плядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.

Но Египта властитель единый,
Уж кольшется Нильский разлив
Над чертогами Елефантины,
Над садами Мемфиса и Фив.

Там, взглянув на пустынную реку,
Ты воскликнешь: «Ведь это же сон!
Не прикован я к нашему веку,
Если вижу сквозь бездну времен.

Исполняя царевы веленья,
Не при мне ли нагие рабы
По пустыням таскали каменья,
Воздвигали вот эти столбы?

И столетья затем не при мне ли
Хороводы танцующих жриц
Крокодилу хваления пели,
Перед Ибисом падали ниц?

И, томясь по Антонии миллом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса».

Но довольно! Ужели ты хочешь
Вечно жить среди минувших отрад?
И не рад ты сегодняшней ночи
И сегодняшним травам не рад?

Не обломок старинного крипта,
Под твоей зазвеневший ногой,
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздник другой.

Точно дивная фата-моргана,
Виден город у ночи в плену,
Над мечетью султана Гассана
Минарет протыкает луну.

На прохладных открытых террасах
Чешут женщины золото кос,
Угощают подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.

Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними Коран,
Где персидские миниатюры —
Словно бабочки сказочных стран.

А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе,
Пред кальяном и огненным кофе,
Вечерами в прохладных кафе.

Здесь не даром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
— Кто испробовал воду из Нила,
Будет вечно стремиться в Каир. —

Пусть хозяева здесь — англичане,
Пьют вино и играют в футбол,

И Хедива в высоком Диване
Уж не властен святой произвол!

Пусть! Но истинный царь над страной
Не араб и не белый, а тот,
Кто с сохой или с бороною
Черных буйволов в поле ведет.

Хоть ютится он в доме из ила,
Умирает, как звери, в лесах,
Он любимец священного Нила
И его современник — феллах.

Для него ежегодно разливы
Этих рыжих всклооченных вод
Затопляют богатые нивы,
Где тройную он жатву берет.

И его ограждают пороги
Полосой острогрудых камней
От нежданной полнотной тревоги,
От коротких нубийских мечей.

А ведь знает и коршун бессонный:
Вся страна — это только река,
Окаймленная рамкой зеленой
И другой, золотой, из песка.

Если аист задумчивый близко
Поселится на поле твоём,
Напиши по-английски записку
И ему привяжи под крылом.

И весной на листе эвкалипта,
Если аист вернется назад,
Ты получишь привет из Египта

От веселых феллашских ребят.

Сахара

Все пустыни друг другу от века родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби, —
Это лишь затиханье сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное море, Персидский залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири.

Ни в дремучих лесах, ни в просторе морей,
Ты в одной лишь пустыне на свете
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце да ветер.

Солнце клонит лицо с голубой вышины,
И лицо это девственно юно,
И, как струи пролитого солнца, ровны
Золотые песчаные дюны.

Всюду башни, дворцы из порфировых скал,
Вкруг фонтаны и пальмы на страже,
Это солнце на глади воздушных зеркал
Пишет кистью лучистой миражи.

Живописец небесный осенней порой
У подножия скал и растений
На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстилат лиловые тени.

И, небесный певец, лишь подаст она знак,
Прозвучат гармоничные звоны,
Это лопнет налитый огнем известняк

И рассыплется пылью червленой.

Блещут скалы, темнеют над ними внизу
Древних рек каменистые ложа,
На покрытое волнами море в грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.

Но взглядишь: эта вечная слава песка —
Только горнего отсвет пожара,
С небесами, где легкие спят облака,
Бродят радуги, схожа Сахара.

Буйный ветер в пустыне второй властелин.
Вот он мчится порывами, точно
Средь высоких холмов и широких долин
Дорогой иноходец восточный.

И звенит и поет, поднимаясь, песок,
Он узнал своего господина,
Воздух меркнет, становится солнца зрачок,
Как гранатовая сердцевина.

И чудовищных пальм вековые стволы,
Вихри пыли взметнулись и пухнут,
Выгибаясь, качаясь, проходят среди мглы,
В Тайно веришь — вовеки не рухнут.

Так и будут бродить до скончанья веков,
Каждый час все грозней и грознее,
Головой пропадая среди облаков,
Эти страшные серые змеи.

Но мгновенье... отстанет и дрогнет одна
И осядет песчаная груда,
Это значит — в пути спотыкнулась она
О ревущего в страхе верблюда.

И когда на проясневшей глади равнин
Все полягут, как новые горы,
В Средиземное море уходит хамсин
Кровь дурманить и сеять раздоры.

И стоит караван, и его проводник
Всюду посохом шарит в тревоге,
Где-то около плещет знакомый родник,
Но к нему он не знает дороги.

А в оазисах слышится ржанье коня
И под пальмами веянье нарда,
Хоть редки острова в океане огня,
Точно пятна на шкуре гепарда.

Но здесь часто звучит оглушающий вой,
Блещут копья и веют бурнусы.
Туарегов, что западной правят страной,
На востоке не любят тиббусы.

И пока они бьются за пальмовый лес,
За верблюда иль взоры рабыни,
Их родную Тибести, Мурзук, Гадамес
Заметают пески из пустыни.

Потому что пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, сады засыпают, пруды
Отравляют белеющей солью.

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,

И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

Суэцкий канал

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,

Где идут корабли,
Не по морю, по лужам,
Посредине земли
Караваном верблюжьим.

Сколько птиц, сколько птиц
Здесь на каменных скатах,
Голубых небылиц,
Голенастых, зобатых!

Виден ящериц рой
Золотисто-зеленых,
Словно влаги морской
Стынут брызги на склонах.

Мы кидаем плоды
На ходу арапчатам,
Что сидят у воды,
Подражая пиратам.

Арапчата орут
Так задорно и звонко,
И шипит марабут
Нам проклятья вдогонку.

А когда на пески
Ночь, как коршун, посядет,
Задрожат огоньки

Впереди нас и сзади;

Те красней, чем коралл,
Эти зелены, сини...
Водяной карнавал
В африканской пустыне.

С отдаленных холмов,
Легким ветром гонимы,
Бедуинских костров
К нам доносятся дымы.

С обвалившихся стен
И изгибов канала
Слышен хохот гиен,
Завыванья шакала.

И в ответ пароход,
Звезды ночи печалю,
Спящей Африке шлет
Переливы рояля.

Судан

Ах, наверно, сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,
Крокодильей обтянуты кожей,
Слишком звонко зывают колдуньи
На утесах Нубийского Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели
И в мечтах оживленная пристань,
Голоса смуглолицых матросов,
В пенных клочьях веселое море,
А за морем ущелье Дарфура,
Галереи-леса Кордофана
И великие воды Борну.

Города, озаренные солнцем,
Словно склады в зеленых трущобах,
А из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу.
А на тронах из кости слоновой
Восседают, как древние бреды,
Короли и владыки Судана,
Рядом с каждым, прикованный цепью,
Лев прищурился, голову поднял
И с усов лижет кровь человечесью,
Рядом с каждым играет секирой
Толстогубый, с лоснящейся кожей,
Чёрный, словно душа властелина,
В ярко-красной рубашке палач.

Перед ними торговцы рабами
Свой товар горделиво проводят,
Стонут люди в тяжелых колодках
И белки их сверкают на солнце,

Проезжают вожди из пустыни,
В их тюрбанах жемчужные нити,
Перья длинные страуса вьются
Над затылком играющих коней,
И надменно проходят французы,
Гладко выбриты, в белой одежде,
В их карманах бумаги с печатью,
Их завидя, владыки Судана
Поднимаются с тронов своих.

А кругом на широких равнинах,
Где трава укрывает жирафа,
Садовод Всемогущего Бога
В серебрящейся мантии крыльев
Сотворил отражение рая:
Он раскинул тенистые рощи
Прихотливых мимоз и акаций,
Рассадил по холмам баобабы,
В галереях лесов, где прохладно
И светло, как в дорическом храме,
Он провел многоводные реки
И в могучем порыве восторга
Создал тихое озеро Чад.

А потом, улыбнувшись, как мальчик,
Что придумал забавную шутку,
Он собрал здесь совсем небывалых,
Удивительных птиц и животных.
Краски взяв у пустынных закатов,
Попугаям он перья раскрасил,
Дал слону он клыки, что белее
Облаков африканского неба,
Льва одел золотою одеждой
И пятнистой одел леопарда,
Сделал рог, как янтарь, носорогу,
Дал газели девичьи глаза.

И ушёл на далекие звёзды —
Может быть, их раскрашивать тоже.
Бродят звери, как Бог им назначил,
К водопою собираются вместе,
И не знают, что дивно-прекрасны,
Что таких, как они, не отыщешь,
И не знает об этом охотник,
Что в пылающий полдень таится
За кустом с ядовитой стрелой
И кричит над поверженным зверем,
Исполняя охотничью пляску,
И уносит владыкам Судана
Дорогую добычу свою.

Но роднят обитателей степи
Иногда луговые пожары.
День, когда затмевается солнце
От летящего по ветру пепла
И невиданным зверем багровым
На равнинах шевелится пламя,
Этот день — оглушительный праздник,
Что приветливый Дьявол устроил
Даме Смерти и Ужасу брату!
В этот день не узнать человека,
Средь толпы опаленных, ревущих,
Всюду бьющих клыками, рогами,
Сознающих одно лишь: огонь!

Вечер. Глаз различить не умеет
Ярких нитей на поясе белом;
Это знак, что должны мусульмане
Пред Аллахом свершить омовенье,
Тот водой, кто в лесу над рекою,
Тот песком, кто в безводной пустыне.
И от голых песчаных утесов
Беспокойного Красного Моря
До зеленых валов многопенных

Атлантического Океана
Люди молятся. Тихо в Судане,
И над ним, над огромным ребенком,
Верю, верю, склоняется Бог.

Абиссиния

I

Между берегом буйного Красного Моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна.

Север — это болота без дна и без края,
Змеи черные подступы к ним стерегут,
Их сестер-лихорадок зловещая стая,
Желтолицая, здесь обрела свой приют.

А над ними насупились мрачные горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоят в снеговом серебре.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун,
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокота струн.

Абиссинец поет, и рыдает багана,
Воскрешая минувшее, полное чар;
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей вносился Гондар.

Под платанами спорил о Боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом.

Но, поверив Шоанской изысканной лести,
Из старинной отчизны поэтов и роз
Мудрый слон Абиссинии, негус Негести,
В каменистую Шоа свой трон перенес.

В Шоа воины хитры, жестоки и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слушать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье, да оттачивать меч.

Харраритов, Галла, Сомали, Данакилей,
Людоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.

И, смотря на потоки у горных подножий,
На дубы и полдневных лучей торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

II

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задыхаешься, льется огонь с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

По обрывам и кручам дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села

И зеленый, народом пестреющий, луг.

Там колдун совершает привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камне в тени, разбирает судья.

Поднимись еще выше! Какая прохлада!
Точно поздней осенью пусты поля,
На рассвете ручьи замерзают, и стадо
Собирается кучей под кровлей жилья.

Павианы рычат среди кустов молочая,
Перепачкавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копья бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку.

Выше только утесы, нагие стремнины,
Где кочуют ветра, да ликуют орлы,
Человек не взбирался туда, и вершины
Под тропическим солнцем от снега белы.

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Видят солнце и пьют неоплядный простор,
Уходя в до сих пор неизвестные страны
За слоновою костью и золотом гор.

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
На ночлег зарываться в седеющий мох!

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чуют запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как знойное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

Галла

Восемь дней от Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы
— Этот миг никогда не забуду —
Там внизу, в отдаленной равнине, костры,
Точно красные звезды, повсюду.

И помчались один за другими они,
Точно тучи в сияющей сини,
Ночи трижды-святые и странные дни
На широкой галлаской равнине.

Все, к чему приближался навстречу я тут,
Было больше, чем видел я раньше:
Я смотрел, как огромных верблюдов пасут
У широких прудов великанши.

Как саженного роста галласы, скача
В леопардовых шкурах и львиных,
Убегающих страусов рубят сплеча
На горячих конях-исполинах.

И как поят парным молоком старики
Умиравших змей престарелых...
И, мыча, от меня убегали быки,
Никогда не выдавшие белых.

Временами я слышал у входа пещер
Звуки песен и бой барабанов,
И тогда мне казалось, что я Гулливер,

Позабытый в стране великанов.

И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр восседал на персидских коврах
В полутемной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

Всё расспрашивал он, много ль знают о нем
В отдаленной и дикой России...
Вплоть до моря он славен своим колдовством,
И дела его точно благие.

Если мула в лесу ты не можешь найти,
Или раб убежал беспокойный,
Всё получишь ты вдруг, обещав принести
Шейх-Гуссейну подарок пристойный.

Сомалийский полуостров

Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну.

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло, и наверное птицы поют
И цветы над прудами цветут,

Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы,

Не хватают мимозы колючей рукой
Проходящего в бездне ночной!

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне сомали,

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнес,

И насмешливый взор из-под спущенных век
Видал, сколько со мной человек.

Завтра бой, беспощадный, томительный бой
С завывающей черной толпой,

Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел,

И до боли я думал, что там, на луне,
Враг не мог бы подкрасться ко мне.

Ровно в полночь я мой разбудил караван,
За холмом грохотал океан,

Люди гибли в пучине, и мы на земле
Тоже гибели ждали во мгле.

Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшего льва,

И белели средь черных, священных камней
Вороха черепов и костей.

В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли,

Столько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев ее,

Чтоб о подвигах их говорил Огаден
Голосами голодных гиен.

И, когда перед утром склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,

Понял я, что она, точно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит,

И верблюдов велел положить, и ружью
Вверил вольную душу мою.

Либерия

Берег Верхней Гвинеи богат
Мёдом, золотом, костью слоновой,
За оградю каменных гряд
Все пришельцу нежданно и ново.

По болотам блуждают огни,
Черепаша грузнее утеса,
Клювоносы таятся в тени
Своего исполинского носа.

И когда в океан ввечеру
Погрузится небесное око,
Рыболовов из племени Кру
Паруса забредают далёко.

И про каждого слава идет,
Что отважнее нет пред бедою,
Что одною рукой он спасёт
И ограбит другою рукою.

В восемнадцатом веке сюда
Лишь за деревом черным, рабами
Из Америки плыли суда
Под распущенными парусами.

И сюда же на каменный скат
Пароходов толпа быстроходных
В девятнадцатом веке назад
Принесла не рабов, а свободных.

Видно, поняли нрав их земли
Вашингтонские старые девы,
Что такие плоды принесли

Благонравных брошюрок посева.

Адвокаты, доценты наук,
Пролетарии, пасторы, воры, —
Всё, что нужно в республике, — вдруг
Буйно хлынуло в тихие горы.

Расселились... Тропический лес,
Утонувший в таинственном мраке.
В сонм своих бесконечных чудес
Принял дамские шляпы и фраки.

— «Господин президент, ваш слуга!» —
Вы с поклоном промолвите быстро,
Но взгляните: черней сапога
Господин президент и министры.

— «Вы сегодня бледней, чем всегда!»
Позабывшись, вы скажете даме,
И что дама ответит тогда,
Догадайтесь, пожалуйста, сами.

То повиснув на тонкой лозе,
То запрятавшись в листьях узорных,
В темной чаще живут шимпанзе
По соседству от города чёрных.

По утрам, услышав с высоты
Протестантское пение в храме,
Как в большой барабан, в животы
Ударяют они кулаками.

А когда загорятся огни,
Внемля фразам вечерних приветствий,
Тоже парами бродят они,
Вместо тросточек выломав ветви.

Европеец один уверял,
Президентом за что-то обижен,
Что большой шимпанзе потерял
Путь назад среди окраинных хижин.

Он не струсил и, пёстрым платком
Скрыв стыдливо живот волосатый,
В президентский отправился дом,
Президент отлучился куда-то.

Там размахивал палкой своей,
Бил посуду, шатался, как пьяный,
И, неузнана целых пять дней,
Управляла страной обезьяна.

Мадагаскар

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке.

С каждым мигом все шире, шире
И светлей, и светлей река,
Я в совсем неведомом мире,
И ладья моя так легка.

Красный идол на белом камне
Мне поведал разгадку чар,
Красный идол на белом камне
Громко крикнул: — Мадагаскар! —

В раззолоченных паланкинах,
В дивно-вырезанных ладьях,
На широких воловьих спинах
И на звонко ржущих конях

Там, где пели и трепетали
Легких тысячи лебедей,
Друг за другом вслед выступали
Смуглолицых толпы людей.

И о том, как руки принцессы
Домогался старый жених
Сочиняли смешные пьесы
И сейчас же играли их.

А в роскошной форме гусарской
Благосклонно на них взирал
Королевы мадагаскарской

Самый преданный генерал.

Между них быки Томатавы,
Схожи с грудюю темных камней,
Пожирали жирные травы
Благовоньем полных полей.

И вздыхал я, зачем плыву я,
Не останусь я здесь зачем:
Неужель и здесь не спою я
Самых лучших моих поэм?

Только голос мой был не слышен,
И никто мне не мог помочь,
А на крыльях летучей мыши
Опускалась теплая ночь.

Небеса и лес потемнели,
Смолкли лебеди в забытьи...
...Я лежал на моей постели
И грустил о моей ладье.

Замбези

Точно медь в самородном железе,
Иглы пламени врезаны в ночь,
Напухают валы на Замбези
И уносятся с гиканьем прочь.

Сквозь неистовство молнии белой
Что-то видно над влажной скалой,
Там могучее черное тело
Налегло на топор боевой.

Раздается гортанное пенье.
Шар земной обтекающих муз
Непреложны повсюду веленья!..
Он поет, этот воин зулус.

«Я дремал в заповедном краале
И слышал рычание льва,
Сердце сжалось от сладкой печали,
Закружилась моя голова.

Меч метнулся мне в руку, сверкая,
Распахнулась таинственно дверь,
И лежал предо мной, издыхая,
Золотой и рыкающий зверь.

И запели мне духи тумана:
— Твой навек да прославится гнев!
Ты достойный потомок Дингана,
Разрушитель, убийца и лев! —

С той поры я всегда наготове,
По ночам мне не хочется спать,
Много, много мне надобно крови,

Чтобы жажду мою утолять.

За большими, как тучи, горами,
По болотам близ устья реки
Я арабам, торговцам рабами,
Выпускал ассагаем кишки.

И спускался я к бурам в равнины
Принести на просторы лесов
Восемь ран, украшений мужчины,
И одиннадцать вражьих голов.

Тридцать лет я по лесу блуждаю,
Не боюсь ни людей, ни огня,
Ни богов... но что знаю, то знаю:
Есть один, кто сильнее меня.

Это слон в неизведанных чащах,
Он, как я, одинок и велик
И вонзает во всех проходящих
Пожелтевший изломанный клык.

Я мечтаю о нем беспрестанно,
Я всегда его вижу во сне,
Потому что мне духи тумана
Рассказали об этом слоне.

С ним борьба для меня бесполезна,
Сердце знает, что буду убит,
Распахнется небесная бездна
И Динган, мой отец, закричит:

— Да, ты не был трусливой собакой,
Львом ты был между яростных львов,
Так садись между мною и Чакой
На скамье из людских черепов!» —

Дамара

Готентотская космогония

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила:
Над землею когда-то птица
Человека сильней царила.

По утрам выходила рано
К берегам крутым океана
И плотала целые скалы,
Острова целиком плотала.

А священными вечерами
Над высокими облаками,
Поднимая голову, пела,
Пела Богу про Божье дело.

А ногами чертила знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Всё, что будет, и всё, что было,
На песке ногами чертила.

И была она так прекрасна,
Так чертила, пела согласно,
Что решила с Богом сравниться
Неразумная эта птица.

Бог, который весь мир расчислил,
Угадал ее злые мысли
И обрек ее на несчастье,
Разорвал ее на две части.

И из верхней части, что пела,
Пела Богу про Божье дело,
Родились на свет готентоты
И поют, поют без заботы.

А из нижней, чертившей знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Появились на свет бушмены,
Украшают знаками стены.

А вот перья, что улетели
Далеко в океан, доселе
Всё плывут, как белые люди;
И когда их довольно будет,

Вновь срастутся былые части
И опять изведуют счастье.
В белых перьях большая птица
На своей земле поселится.

Экваториальный лес

Я поставил палатку на каменном склоне
Абиссинских, сбегающих к западу, гор
И беспечно смотрел, как пылают закаты
Над зеленою крышей далеких лесов.

Прилетали оттуда какие-то птицы
С изумрудными перьями в длинных хвостах,
По ночам выбегали веселые зебры,
Мне был слышен их храп и удары копыт.

И однажды закат был особенно красен,
И особенный запах летел от лесов,
И к палатке моей подошел европеец,
Исхудалый, небритый, и есть попросил.

Вплоть до ночи он ел неумело и жадно,
Клал сардинки на мяса сухого ломоть,
Как пилюли проглатывал кубики магги
И в абсент добавлять отказался воды.

Я спросил, почему он так мертвенно бледен,
Почему его руки сухие дрожат,
Как листья... — «Лихорадка великого леса», —
Он ответил и с ужасом плянул назад.

Я спросил про большую открытую рану,
Что сквозь тряпки чернела на впалой груди,
Что с ним было? — «Горилла великого леса», —
Он сказал и не смел оплянуться назад.

Был с ним карлик, мне по пояс, голый и черный,
Мне казалось, что он не умел говорить,
Точно пес он сидел за своим господином,

Положив на колени бульдожье лицо.

Но когда мой слуга подтолкнул его в шутку,
Он оскалил ужасные зубы свои
И потом целый день волновался и фыркал
И раскрашенным дротиком бил по земле.

Я постель предоставил усталому гостю,
Лег на шкурах пантер, но не мог задремать,
Жадно слушая длинную дикую повесть,
Лихорадочный бред пришлеца из лесов.

Он вздыхал: — «Как темно... этот лес бесконечен...
Не увидать нам солнца уже никогда...
Пьер, дневник у тебя? На груди под рубашкой?..
Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник!

Почему нас покинули черные люди?
Горе, компасы наши они унесли...
Что нам делать? Не видно ни зверя, ни птицы;
Только посвист и шорох вверху и внизу!

Пьер, заметил костры? Там наверное люди...
Неужели же мы, наконец, спасены?
Это карлики... сколько их, сколько собралось...
Пьер, стреляй! На костре — человечья нога!

В рукопашную! Помни, отравлены стрелы...
Бей того, кто на пне... он кричит, он их вождь...
Горе мне! На куски разлетелась винтовка...
Ничего не могу... повалили меня...

Нет, я жив, только связан... злодеи, злодеи,
Отпустите меня, я не в силах смотреть!..
Жарят Пьера... а мы с ним играли в Марселе,
На утесе у моря играли детьми.

Что ты хочешь, собака? Ты встал на колени?
Я плюю на тебя, омерзительный зверь!
Но ты лижешь мне руки? Ты рвешь мои путы?
Да, я понял, ты богом считаешь меня...

Ну, бежим! Не бери человеческого мяса,
Всемогущие боги его не едят...
Лес... о, лес бесконечный... я голоден, Акка,
Излови, если можешь, большую змею!» —

Он стонал и хрипел, он хватался за сердце
И на утро, почудилось мне, задремал;
Но когда я его разбудить, попытался,
Я увидел, что мухи ползли по глазам.

Я его закопал у подножия пальмы,
Крест поставил над грудой тяжелых камней,
И простые слова написал на дощечке:
— Христианин зарыт здесь, молитесь о нем.

Карлик, чистя свой дротик, смотрел равнодушно,
Но, когда я закончил печальный обряд,
Он вскочил и, не крикнув, помчался по склону,
Как олень, убегая в родные леса.

Через год я прочел во французских газетах,
Я прочел и печально поник головой:
— Из большой экспедиции к Верхнему Конго
До сих пор ни один не вернулся назад.

Дагомея

Царь сказал своему полководцу: «Могучий,
Ты высок, точно слон дагомейских лесов,
Но ты все-таки ниже торжественной кучи
Отсеченных тобой человеческих голов.

И, как доблесть твоя, о, испытанный воин,
Так и милость моя не имеет конца.
Видишь солнце над морем? Ступай! Ты достоин
Быть слугой моего золотого отца».

Барабаны забили, защелкали бубны,
Преклоненные люди завыли вокруг,
Амазонки запели протяжно, и трубный
Прокатился по морю от берега звук.

Полководец царю поклонился в молчаньи
И с утеса в бурливую воду прыгнул,
И тонул он в воде, а казалось, в сияньи
Золотого закатного солнца тонул.

Оглушали его барабаны и клики,
Ослепляли соленые брызги волны,
Он исчез. И блестело лицо у владыки,
Точно черное солнце подземной страны.

Нигер

Я на карте моей под ненужною сеткой
Сочиненных для скуки долгот и широт,
Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
Виноградной оброненной веткой ползет.

А вокруг города, точно горсть виноградин,
Это — Бусса, и Гомба, и царь Тимбукту,
Самый звук этих слов мне, как солнце, отраден,
Точно бой барабанов, он будит мечту.

Но не верю, не верю я, справлюсь по книге,
Ведь должна же граница и тупости быть!
Да, написано Нигер... О, царственный Нигер,
Вот как люди посмели тебя оскорбить!

Ты торжественным морем течешь по Судану,
Ты сражаешься с хищною стаей песков,
И когда приближаешься ты к океану,
С середины твоей не видать берегов.

Бегемотов твоих розоватые рыла
Точно сваи незримого чудо-моста,
И винты пароходов твои крокодилы
Разбивают могучим ударом хвоста.

Я тебе, о мой Нигер, готовлю другую,
Небывалую карту, отраду для глаз,
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зелёный и нежный атлас.

Снизу слева кровавые лягут рубины,
Это — край металлических странных богов.
Кто зарыл их в угрюмых ущельях Бенины

Меж слоновьих клыков и людских черепов?

Дальше справа, где рощи густые Сокото,
На атлас положу я большой изумруд,
Здесь богаты деревни, привольна охота,
Здесь свободные люди, как птицы поют.

Дальше бледный опал, прихотливо мерцая
Затаенным в нем красным и синим огнем,
Мне так сладко напомним равнины Сонгаи
И султана сонгайского глиняный дом.

И жемчужиной дивной, конечно, означен
Будет город сияющих крыш, Тимбукту,
Над которым и коршун кричит, озадачен,
Видя в сердце пустыни мимозы в цвету,

Видя девушек смуглых и гибких, как лозы,
Чье дыханье пьяней бальзамических смол,
И фонтаны в садах и кровавые розы,
Что венчают вождей поэтических школ.

Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

Огненный столп

Память («Только змеи сбрасывают кожи...»)

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... Любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды

И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это, или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо: но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... Но разве кто поможет, —
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Лес

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы,

Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил.

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого Стола,

И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,

Но в короне из литого серебра,
И вздыхала и стонала до утра,

И скончалась тихой смертью на заре
Перед тем как дал причастье ей кюрэ.

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа,

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневещей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя,

Или может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому, что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Душа и тело

I

Над городом плывет ночная тишь
И каждый шорох делается глуше,
А ты, душа, ты всё-таки молчишь,
Помилуй, Боже, мраморные души.

И отвечала мне душа моя,
Как будто арфы дальние пропели:
— Зачем открыла я для бытия
Глаза в презренном человеческом теле?

— Безумная, я бросила мой дом,
К иному устремлясь великолепью.
И шар земной мне сделался ядром,
К какому каторжник прикован цепью.

— Ах, я возненавидела любовь,
Болезнь, которой все у вас подвластны,
Которая туманит вновь и вновь
Мир мне чужой, но стройный и прекрасный.

— И если что еще меня роднит
С былым, мерцающим в планетном хоре,
То это горе, мой надежный щит,
Холодное презрительное горе. —

II

Закат из золотого стал как медь,
Покрылись облака зеленой ржою,
И телу я сказал тогда: — Ответь
На всё провозглашенное душою. —

И тело мне ответило мое,
Простое тело, но с горячей кровью:
— Не знаю я, что значит бытие,
Хотя и знаю, что зовут любовью.

— Люблю в соленой плескаться волне,
Прислушиваться к крикам ястребиным,
Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущему тмином.

И женщину люблю... Когда глаза
Ее потупленные я целую,
Я пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.

— Но я за всё, что взяло и хочу,
За все печали, радости и бредни,
Как подобает мужу, заплачу
Непоправимой гибелью последней.

III

Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом, — кто же, вопрошатель, ты? —
Душа предстала предо мной и тело.

На них я взоры медленно вознес
И милостиво дерзостным ответил:
— Скажите мне, ужель разумен пес

Который воег, если месяц светел?

— Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопреставленья?

— Меня, кто, словно древо Игдразиль,
Пророс главою семью семь вселенных,
И для очей которого, как пыль,
Поля земные и поля блаженных?

— Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозвание:
А вы, вы только слабый ответ сна,
Бегущего на дне его сознанья!

Канцона («Закричал громогласно...»)

Закричал громогласно
В сине-черную сонь
На дворе моем красный
И пернатый огонь.

Ветер милый и вольный,
Прилетевший с луны,
Хлещет дерзко и больно
По щекам тишины.

И, вступая на кручи,
Молодая заря
Кормит жадные тучи
Ячменем янтаря.

В этот час я родился,
В этот час и умру,
И зато мне не снился
Путь, ведущий к добру.

И уста мои рады
Целовать лишь одну,
Ту, с которой не надо
Улетать в вышину.

Канцона («И совсем не в мире мы, а где-то...»)

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира средь теней,
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.

Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустьи
Точно ветер из далеких стран.

Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё, — мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

Подражание персидскому

Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие — слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.

Я ведь безумным стал, красавица.

Ради щек твоих, ширазских роз,
Краску щек моих утратил я,
Ради золотых твоих волос
Золото мое рассыпал я.

Нагим и голым стал, красавица.

Для того, чтоб посмотреть хоть раз,
Бирюза — твой взор, или берилл,
Семь ночей не закрывал я глаз,
От дверей твоих не отходил.

С глазами полными крови стал, красавица.

Оттого что дома ты всегда,
Я не выхожу из кабака,
Оттого что честью ты горда,
Тянется к ножу моя рука.

Площадным негодяем стал, красавица.

Если солнце есть и вечен Бог,
То перешагнешь ты мой порог.

Персидская миниатюра

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскую миниатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

С копьем окровавленным шах,
Стремящийся тропой неверной
На киноварных высотах
За улетающею серной.

И ни во сне, ни на яву
Невиданные туберозы,
И сладким вечером в траву
Уже наклоненные лозы.

А на обратной стороне,
Как облака Тибета чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.

Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Взглянув, меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной,
Вино, любовниц и друзей

Я заменю поочередно.

И вот когда я утолю,
Без упоенья, без страданья,
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;

Так, век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Слонёнок

Моя любовь к тебе сейчас — слонёнок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахара или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он делается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

Заблудившийся трамвай

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы

Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.

И всё ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

Ольга

Эльга, Эльга! — звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми, свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

Ольга, Ольга! — вопили древляне
С волосами желтыми, как мед
Выцарапывая в раскаленной бане
Окровавленными ногтями ход.

И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь в византийскую медь.

Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самого старого вина.

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Вижу череп с брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И валькирией надо мною,

Ольга, Ольга, кружишь ты.

У цыган

Толстый, качался он, как в дурмане,
Зубы блестели из-под хищных усов,
На ярко-красном его доломане
Сплетались узлы золотых шнуров.

Струна... и гортанный вопль... и сразу
Сладостно так заныла кровь моя,
Так убедительно поверил я рассказу
Про иные, родные мне, края.

Вещие струны — это жилы бычьи,
Но горькой травой питались быки,
Гортанный голос — жалобы девичьи
Из-под зажимающей рот руки.

Пламя костра, пламя костра, колонны
Красных стволов и оглушительный гик,
Ржавые листья топчет гость влюбленный,
Кружащийся в толпе бенгальский тигр.

Капли крови текут с усов колючих,
Томно ему, он сыт, он опьянел,
Ах, здесь слишком много бубнов гремучих,
Слишком много сладких, пахучих тел.

Мне ли видеть его в дыму сигарном,
Где пробки хлопают, люди кричат,
На мокром столе чубуком янтарным
Злого сердца отстукивающим такт?

Мне, кто помнит его в струге алмазном,
На убегающей к Творцу реке,
Грозою ангелов и сладким соблазном,

С кровавой лилией в тонкой руке?

Девушка, что же ты? Ведь гость богатый,
Встань перед ним, как комета в ночи,
Сердце крылатое в груди косматой
Вырви, вырви сердце и растопчи.

Шире, всё шире, кругами, кругами
Ходи, ходи и рукой мани,
Так пар вечерний плавает лугами,
Когда за лесом огни и огни.

Вот струны-быки и слева и справа,
Рога их — смерть, и мычанье — беда,
У них на пастбище горькие травы,
Колючий волчец, полынь, лебеда.

Хочет встать, не может... кремень зубчатый,
Зубчатый кремень, как гортанный крик,
Под бархатной лапой, грозно подъятой,
В его крылатое сердце проник.

Рухнул грудью, путая аксельбанты,
Уже ни пить, ни смотреть нельзя,
Засуетились официанты,
Пьяного гостя унося.

Что ж, господа, половина шестого?
Счет, Асмодей, нам приготовь!
— Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.

Пьяный дервиш

Соловьи на кипарисах и над озером луна,
Камень черный, камень белый, много выпил я вина.
Мне сейчас бутылка пела громче сердца моего:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!

Виночерпия влюбил я не сегодня, не вчера,
Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.
И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!

Я бродяга и трущобник, непутевый человек,
Всё, чему я научился, всё забыл теперь навек,
Ради розовой усмешки и напева одного:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!

Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья,
О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?
И кричит из ямы череп тайну гроба своего:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!

Под луною всколыхнулись в дымном озере струи,
На высоких кипарисах замолчали соловьи,
Лишь один запел так громко, тот, не певший ничего:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!

Леопард

Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей.

Люди входят и уходят,
Позже всех уходит та,
Для которой в жилах бродит
Золотая темнота.

Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крякнул домовой,
И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной.

— По ущельям Добробрана
Сизый плавает туман,
Солнце, красное, как рана,
Озарило Добробран.

— Запах меда и вервены
Ветер гонит на восток,
И режут, режут гиены,
Зарывая нос в песок.

— Брат мой, брат мой, ревы слышишь,
Запах чуешь, видишь дым?
Для чего ж тогда ты дышишь
Этим воздухом сырým?

— Нет, ты должен, мой убийца,
Умереть в стране моей,
Чтоб я снова мог родиться

В леопардовой семье. —

Неужели до рассвета
Мне ловить лукавый зов?
Ах, не слушал я совета,
Не спалил ему усов!

Только поздно! Вражья сила
Одолела и близка:
Вот затылок мне сдавила,
Точно медная, рука...

Пальмы... с неба страшный пламень
Жжет песчаный водоем...
Данакиль припал за камень
С пламенеющим копьём.

Он не знает и не спросит,
Чем душа моя горда,
Только душу эту бросит,
Сам не ведая куда.

И не в силах я бороться,
Я спокоен, я встаю,
У жирафьего колодца
Я окончу жизнь мою.

Молитва мастеров

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал всё новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг,

Их радует, что мы в борении, покуда
Петр отрекается и предаёт Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем — нет!

Упреки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни непотребны.

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

Перстень

Уронила девушка перстень
В колодец, в колодец ночной,
Простирает легкие персты
К холодной воде ключевой.

— Возврати мой перстень, колодец,
В нем красный цейлонский рубин,
Что с ним будет делать народец
Тритонов и мокрых ундин? —

В глубине вода потемнела,
Послышался ропот и гам:
— Теплою живого тела
Твой перстень понравился нам. —

— Мой жених изнемог от муки
И будет он в водную гладь
Погружать горячие руки,
Горячие слезы ронять. —

Над водой показались рожи
Тритонов и мокрых ундин:
— С человеческой кровью схожий,
Понравился нам твой рубин. —

— Мой жених, он живет с молитвой,
С молитвой одной о любви,
 Попрошу, и стальной бритвой
Откроет он вены свои. —

— Перстень твой наверно целебный,
Что ты молишь его с тоской,
Выкупаешь такой волшебной

Ценой, любовью мужской. —

— Просто золото краше тела
И рубины красней, чем кровь,
И доньше я не умела
Понять, что такое любовь.

Дева-птица

Пастух веселый
Поутру рано
Выгнал коров в тенистые доли
Броселианы.

Паслись коровы,
И песню своих веселий
На тростниковой
Играл он свирели.

И вдруг за ветвями
Послышался голос, как будто не птичий,
Он видит птицу, как пламя,
С головкой милой, девичьей.

Прерывно пенье,
Так плачет во сне младенец,
В черных глазах томленье,
Как у восточных пленниц.

Пастух дивится
И смотрит зорко:
— Такая красивая птица,
А стонет так горько. —

Ее ответу
Он внемлет, смущенный:
— Мне подобных нету
На земле зеленой.

— Хоть мальчик-птица,
Исполненный дивных желаний,
И должен родиться

В Броселиане,

Но злая
Судьба нам не даст наслажденья,
Подумай, пастух, должна я
Умереть до его рожденья.

— И вот мне не любы
Ни солнце, ни месяц высокий,
Никому не нужны мои губы
И бледные щеки.

— Но всего мне жальче,
Хоть и всего дороже,
Что птица-мальчик
Будет печальным тоже.

— Он станет порхать по лугу,
Садиться на вязы эти
И звать подругу,
Которой уж нет на свете.

— Пастух, ты наверно грубый,
Ну, что ж, я терпеть умею,
Подойди, поцелуй мои губы
И хрупкую шею.

— Ты юн, захочешь жениться,
У тебя будут дети,
И память о Деве-птице
Долетит до иных столетий. —

Пастух вдыхает запах
Кожи, солнцем нагретой,
Слышит, на птичьих лапах
Звенят золотые браслеты.

Вот уже он в исступленьи,
Что делает, сам не знает,
Загорелые его колени
Красные перья попирают.

Только раз застонала птица,
Раз один застонала,
И в груди ее сердце биться
Вдруг перестало.

Она не воскреснет,
Глаза помутнели,
И грустные песни
Над нею играет пастух на свирели.

С вечерней прохладой
Встают седые туманы,
И гонит он к дому стадо
Из Броселианы.

Мои читатели

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копыеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

И когда женщина с прекрасным лицом,

Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелит взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

Звездный ужас

Это было золотою ночью,
Золотою ночью, но безлунной,
Он бежал, бежал через равнину,
На колени падал, поднимался,
Как подстреленный метался заяц,
И горячие струились слезы
По щекам, морщинами изрытым,
По козлиной, старческой бородке.
А за ним его бежали дети,
А за ним его бежали внуки,
И в шатре из небеленой ткани
Брошенная правнучка визжала.

— Возвратись, — ему кричали дети,
И ладони складывали внуки,
— Ничего худого не случилось,
Овцы не наелись молочая,
Дождь огня священного не залил,
Ни косматый лев, ни зенд жестокий
К нашему шатру не подходили. —

Черная пред ним чернела круча,
Старый кручи в темноте не видел,
Рухнул так, что затрещали кости,
Так, что чуть души себе не вышиб.
И тогда еще ползти пытался,
Но его уже схватили дети,
За полы придерживали внуки,
И такое он им молвил слово:

— Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами

На него взирает с неба черный,
И его высматривает тайны.
Этой ночью я заснул, как должно,
Обвернувшись шкурой, носом в землю,
Снилась мне хорошая корова
С выменем отвислым и раздутым,
Под нее подполз я, поживиться
Молоком парным, как уж, я думал,
Только вдруг она меня лягнула,
Я перевернулся и проснулся:
Был без шкуры я и носом к небу.
Хорошо еще, что мне вонючка
Правый глаз поганым соком выжгла,
А не то, гляди я в оба глаза,
Мертвым бы остался я на месте.
Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился. —

Дети взоры опустили в землю,
Внуки лица спрятали локтями,
Молчаливо ждали все, что скажет
Старший сын с седою бородою,
И такое тот промолвил слово:
— С той поры, что я живу, со мною
Ничего худого не бывало,
И мое выстукивает сердце,
Что и впредь худого мне не будет,
Я хочу обоими глазами
Посмотреть, кто это бродит в небе. —

Вымолвил и сразу лег на землю,
Не ничком на землю лег, спиною,
Все стояли, затаив дыханье,
Слушали и ждали очень долго.
Вот старик спросил, дрожа от страха:
— Что ты видишь? — но ответа не дал
Сын его с седою бородою.

И когда над ним склонились братья,
То увидели, что он не дышит,
Что лицо его, темнее меди,
Исковеркано руками смерти.

Ух, как женщины заголосили,
Как заплакали, завыли дети,
Старый бороденку дергал, хрипло
Страшные проклятья выкликая.
На ноги вскочили восемь братьев,
Крепких мужей, ухватили луки,
— Выстрелим, — они сказали — в небо,
И того, кто бродит там, подстрелим...
Что нам это за напасть такая? —
Но вдова умершего вскричала:
— Мне отмщения, а не вам отмщенья!
Я хочу лицо его увидеть,
Горло перервать ему зубами
И когтями выщарапать очи. —
Крикнула и брякнулась на землю,
Но глаза зажмуривши, и долго
Про себя шептала заклинанье,
Грудь рвала себе, кусала пальцы.
Наконец взглянула, усмехнулась
И закуковала как кукушка:

— Лин, зачем ты к озеру? Линойя,
Хороша печенка антилопы?
Дети, у кувшина нос отбился,
Вот я вас! Отец, вставай скорее,
Видишь, зенды с ветками омелы
Тростниковые корзины тащут,
Торговать они идут, не биться.
Сколько здесь огней, народу сколько!
Собралось все племя... славный праздник! —

Старый успокаиваться начал,

Трогать шишки на своих коленях,
Дети луки опустили, внуки
Осмелели, даже улыбнулись.
Но когда лежащая вскочила,
На ноги, то все позеленели,
Все вспотели даже от испуга.
Черная, но с белыми глазами,
Яростно она металась, воя:
— Горе! Горе! Страх, петля и яма!
Где я? что со мною? Красный лебедь
Гонится за мной... Дракон трёхглавый
Крадется... Уйдите, звери, звери!
Рак, не тронь! Скорей от козерога! —
И когда она всё с тем же воем,
С воем обезумевшей собаки,
По хребту горы помчалась к бездне,
Ей никто не побежал вдогонку.

Смутные к шатрам вернулись люди,
Сели вокруг на скалы и боялись.
Время шло к полуночи. Гиена
Ухнула и сразу замолчала.
И сказали люди: — Тот, кто в небе,
Бог иль зверь, он верно хочет жертвы.
Надо принести ему телицу
Непорочную, отроковицу,
На которую досель мужчина
Не смотрел ни разу с вождельем.
Умер Гар, сошла с ума Гарайя,
Дочери их только восемь весен,
Может быть она и пригодится. —

Побежали женщины и быстро
Притащили маленькую Гарри.
Старый поднял свой топор кремневый,
Думал — лучше продолбить ей темя,
Прежде чем она на небо взглянет,

Внучка ведь она ему, и жалко —
Но другие не дали, сказали:
— Что за жертва с теменем долбленным?
Положили девочку на камень,
Плоский черный камень, на котором
До сих пор пылал огонь священный,
Он погас во время суматохи.
Положили и склонили лица,
Ждали, вот она умрет, и можно
Будет всем пойти заснуть до солнца.

Только девочка не умирала,
Посмотрела вверх, потом направо,
Где стояли братья, после снова
Вверх и захотела прыгнуть с камня.
Старый не пустил, спросил: Что видишь? —
И она ответила с досадой:
— Ничего не вижу. Только небо
Вогнутое, черное, пустое,
И на небе огоньки повсюду,
Как цветы весною на болоте. —
Старый призадумался и молвил:
— Посмотри еще! — И снова Гарри
Долго, долго на небо смотрела.
— Нет, — сказала, — это не цветочки,
Это просто золотые пальцы
Нам показывают на равнину,
И на море и на горы зендов,
И показывают, что случилось,
Что случается и что случится. —

Люди слушали и удивлялись:
Так не то что дети, так мужчины
Говорить доньше не умели,
А у Гарри пламенели щеки,
Искрились глаза, алели губы,
Руки поднимались к небу, точно

Улететь она хотела в небо.
И она запела вдруг так звонко,
Словно ветер в тростниковой чаще,
Ветер с гор Ирана на Евфрате.

Мелле было восемнадцать весен,
Но она не ведала мужчины,
Вот она упала рядом с Гаррой,
Посмотрела и запела тоже.
А за Меллой Аха, и за Ахой
Урр, ее жених, и вот всё племя
Полегло и пело, пело, пело,
Словно жаворонки жарким полднем
Или смутным вечером лягушки.

Только старый отошел в сторонку,
Зажимая уши кулаками,
И слеза катилась за слезою
Из его единственного глаза.
Он свое оплакивал паденье
С кручи, шишки на своих коленях,
Гарра и вдову его, и время
Прежнее, когда смотрели люди
На равнину, где паслось их стадо,
На воду, где пробегал их парус,
На траву, где их играли дети,
А не в небо черное, где блещут
Недоступные чужие звезды.

**Стихотворения из первых изданий книг
«Романтические цветы» и «Жемчуга»**

Романтические цветы

Ахилл и Одиссей

Одиссей

Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.

Сладкими винами кубок твой полнится,
Тщетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных кудрей твоих длинные пряди.

Ты отдыхаешь под светлыми кущами,
Сердце безгневно и взор твой лилеен,
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле — телами убитых ахейн.

Каждое утро страдания новые...
Вот, я раскрыл пред тобою одежды,
Видишь, как кровь убегает багровая,
Это не кровь, это наши надежды.

Ахилл

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась и давит и мучит.

«Нас было пять... мы были капитаны...»

Нас было пять... мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекие загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарева, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманное ненастье,
Что можно видеть, но понять нельзя,
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные камни,
Как прежде черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

«Одинокое-незрячее солнце смотрело на страны...»

Одинокое-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всем,
Где гора в отдалении казалась взъерошенным псом,
Где клокочущей черною медью дышали вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Был испуг ожидания.

И в терновом венке, под которым сочилась кровь,
Вышла тонкая девушка, нежная в синем сияньи,
И серебряным плугом упорную взрезала новь,
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

Жемчуга

Одиночество

Я спал, и смыла пена белая
Меня с родного корабля,
И в черных водах, помертвелая,
Открылась мне моя земля.

Она полна конями быстрыми
И красным золотом пещер,
Но ночью вспыхивают искрами
Глаза блуждающих пантер.

Там травы славятся узорами
И реки словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами,
Цветами ужаса и зла.

На синевато-белом мраморе
Я высоко воздвиг маяк,
Чтоб пробегающие на море
Далеко видели мой стяг.

Я предлагал им перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но ни один стремленья паруса
Не захотел остановить.

Все чтили древнего оракула
И приговор его суда
О том, чтоб вечно сердце плакало
У всех заброшенных сюда.

И надо мною одиночество

Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.

В пустыне

Давно вода в мехах иссякла,
Но, как собака, не умру:
Я в память дивного Геракла
Сперва отдам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб!

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред смертью все, — Терсит и Гектор,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкий нектар
В полях лазоревой страны...

Адам

Адам, униженный Адам,
Твой бледен лик и взор твой бешен,
Скорбишь ли ты по тем плодам,
Что ты срывал, еще безгрешен?

Скорбишь ли ты о той поре,
Когда, еще ребёнок-дева,

В душистый полдень на горе
Перед тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкий труд
И дуновенье смерти грозной,
Ты знаешь бешенство минут,
Припоминая слово — «поздно».

И боль жестокую, и стыд,
Неутолимый и бесстрастный,
Который медленно томит,
Который мучит сладострастно.

Ты был в раю, но ты был царь,
И честь была тебе порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный втрое платит мукой.

За то, что не был ты как труп,
Горел, искал и был обманут,
В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут.

В суровой доле будь упрям,
Будь хмурым, бледным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным.

Театр

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога
Все мы — смешные актеры
В театре Господа Бога.

Бог восседает на троне,

Смотрит, смеясь, на подмости,
Звезды на пышном хитоне —
Позолоченные блески.

Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света.
Дева Мария довольна,
Смотрит, склоняясь, в либретто:

«Гамлет? Он должен быть бледным.
Каин? Тот должен быть грубым...»
Зрители внемлют победным
Солнечным, ангельским трубам.

Бог, наклонясь, наблюдает,
К пьесе он полон участия.
Жаль, если Каин рыдает,
Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сетью,
Всех, утомленных игрою,
Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе! Природа враждебна,
Все в ней пугает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли, —
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый и строгий:
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.

Колдунья

Она колдует тихой ночью
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
Но мысль упорна и горда,
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу... там дремлет город пестрый
И кто-то слушает и ждет,
Но меч, уверенный и острый,
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади, где серо
И сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
Земля всё та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени станут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Прохладу моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

Охота

Князь вынул бич и кинул клич —
Грозу охотничьих добыч,

И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,

Но не спастись ни в глубь, ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх

На неуклюжих россомах,

Грызет их медь седой медведь,
Но все же должен умереть.

И, легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал,

Не дремлет конь, его не тронь,
Огонь в глазах его, огонь.

И, волк равнин, подходит финн,
Туда, где дремлет властелин,

А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

Уходящей

Не медной музыкой фанфар,
Не грохотом рогов
Я мой приветствовал пожар
И сон твоих шагов. —

Сковала бледные уста
Святая Тишина,
И в небе знаменем Христа
Сияла нам луна.

И рокотали соловьи
О Розе Горних Стран,
Когда глаза мои, твои
Заворожил туман.

И вот теперь, когда с тобой
Я здесь последний раз,
Слезы ни флейта, ни гобой
Не вызовут из глаз.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мне все те ж твердит слова
Святая Тишина

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь.

Северный раджа

Валентину Кривичу

1

Она простерлась, неживая,
Когда замышлен был набег,
Ее сковали грусть без края
И синий лед, и белый снег.

Но и задумчивые ели
В цветах серебряной луны,
Всегда тревожные, хотели
Святой по-новому весны.

И над страной лесов и гатей
Сверкнула золотом заря, —
То шли бесчисленные рати

Непобедимого царя.

Он жил на сказочных озерах,
Дитя брильянтовых раджей,
И радость светлая во взорах,
И губы лотуса свежей.

Но, сына царского, на север
Его таинственно влечет:
Он хочет в поле видеть клевер,
В сосновых рощах желтый мед.

Гудит земля, оружие блещет,
Трубят военные слоны,
И сын полуночи трепещет
Пред сыном солнечной страны.

Се — царь! Придите и поймите
Его спасающую сеть,
В кипучий вихрь его событий
Спешите кануть и сгореть.

Легко сгореть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтоб встретить в пламени и дыме
Владыку севера, Раджу.

Он встал на крайнем берегу,
И было хмуро побережье,
Едва чернели на снегу
Следы глубокие, медвежьи.

Да в отдаленной полынье

Плескались рыжие тюлени,
Да небо в розовом огне
Бросало ровный свет без тени.

Он обернулся... там, во мгле
Дрожали зябнущие парсы
И, обессилев, на земле
Валялись царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, как гиганты,
И лился мягкий свет луны
На их уборы, их брильянты.

Но людям, павшим перед ним,
Царь кинул гордое решение:
«Мы в царстве снега создадим
Иную Индию... — Виденье.

На этот звонкий синий лед
Утесы мрамора не лягут
И лотус здесь не зацветет
Под вековую сенью пагод.

Но будет белая заря
Пылать слепительнее вдвое,
Чем у бирманского царя
Костры из мирры и алоэ.

Не бойтесь этой наготы
И песен холода и вьюги,
Вы обретете здесь цветы,
Каких не знали бы на юге...»

И древле мертвая страна
С ее нетронутою новью,
Как дева юная, пьяна
Своей великою любовью.

Из дивной Галлии воотще
К ней приходили кавалеры,
Красуясь в бархатном плаще,
Манили к тайнам чуждой веры.

И Византии строгой речь,
Ее задумчивые книги,
Не заковали этих плеч
В свои тяжелые вериги.

Здесь каждый миг была весна
И в каждом взоре жило солнце,
Когда смотрела тишина
Сквозь закоптелое оконце.

И каждый мыслил: «Я в бреду,
Я сплю, но радости всё те же,
Вот встану в розовом саду
Над белым мрамором побережий.

И та, которую люблю,
Придет застенчиво и томно,
Она близка... теперь я сплю
И хорошо, у грезы темной».

Живет закон священной лжи
В картине, статуе, поэме —
Мечта великого Раджи,
Благословляемая всеми.

**Стихотворения, не включенные в
прижизненные сборники**

«Я в лес бежал из городов...»

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.

Я грешник страшный, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей,
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» —
Свои стремленья задавил...

Я грешник страшный, я злодей...
Прости, Господь, прости меня.
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит и влечет борьба.
Меня ж прости!..

Альпийский стрелок

Из Шиллера

С самострелом и стрелами
Через горы и леса
Держит путь стрелок свободный,
Смело глядя в небеса.

Там, где, с высей низвергаясь,
Мутный плещется поток,
Где так жарко греет солнце,
Там царем один стрелок.

И своей стрелою меткой
Он разит издалика.
Лучше денег, лучше власти
Жизнь веселая стрелка.

<Не позднее 1903>

«Я вечернею порою над заснувшею рекою...»

Я вечернею порою над заснувшею рекою,
Полон дум необъяснимых, всеми кинутый, брожу.
Точно дух ночной, блуждаю, встречи радостной не знаю,
Одиночества дрожу.

Слышу прошлые мечтанья, и души моей страданья
С новой силой, с новой злобой у меня в груди встают
С ними я окончил дело, сердце знать их не хотело,
Но они его гнетут.

Нет, довольно мне страданий, больше сладких упований
Не хочу я, и в бесстрастье погрузиться я хочу.
Дайте прошлому забвенью, к настоящему презренью,
И я в небо улечу.

Но напрасны все усилья: тесно связанные крылья
Унести меня не могут с опостылевшей земли.
Как и все мои мечтанья, мои прежние страданья
Позабиться не могли.

<Не позднее 1903 >

Посвящение к сборнику «Горы и ущелья»

I

Люблю я чудный горный вид,
Остроконечные вершины,
Где каждый лишний шаг грозит
Несвоевременной кончиной.

II

Люблю над пропастью глухой
Простором дали любоваться
Или неверною тропой
Все выше, выше подниматься.

III

В горах мне люб и Божий свет,
Но люб и смерти миг единый!
Не заманить меня вам, нет,
В пустые, скучные долины.

<Не позднее 1903>

«У скалистого ущелья...»

У скалистого ущелья
Одинокий я стоял,
Предо мной поток нагорный
И клубился, и сверкал.

Из-за туч, кроваво-красна,
Светит полная луна,
И в волнах потока мутных
Отражается она.

И какие-то виденья
Все встают передо мной,
То над волнами потока,
То над пропастью глухой.

Ближе, ближе подлетают.
Наконец — о, страшный вид!
Пред смущенными очами
Вереница их стоит.

И как вглядываюсь ближе,
Боже, в них я узнаю
Свои прежние мечтанья,
Молодую жизнь свою.

И все прошлые желанья,
И избыток свежих сил,
Все, что с злобой беспощадной
В нас дух века загубил.

Все, что продал я, прельстившись
На богатство и почет,
Все теперь виденьем грозным

Предо мною предстает.

Полон грусти безотрадной,
Я рыдаю, и в горах
Эхо громко раздается,
Пропадая в небесах.

<Не позднее 1903>

Молодой францисканец

I

Младой францисканец безмолвно сидит,
Объятый бесовским волненьем.
Он книгу читает, он в книге чертит,
И ум его полон сомненьем.

И кажется тесная келья ему
Унылей, угрюмее гроба,
И скучно, и страшно ему одному,
В груди подымается злоба.

Он мало прожил, мало знает он свет,
Но чудные знает преданья
О страшных влияньях могучих планет,
О тайнах всего мирозданья.

Но все опостылело в жизни ему
Без горя и радостей света.
Так в небе, внезапно прорезавши тьму,
Мелькает золотая комета,

И, после себя не оставив следа,
В пространстве небес исчезает,
Так полная сил молодая душа
Бесплодно в стенах изнывает.

Младой францисканец безмолвно сидит,
Главу уронивши на руки,
Он книгу отбросил и в ней не чертит,
Исполнен отчаянной муки.

«Нет, полно, — вскричал он, — начну жить и я,
Без радостей жизнь да не вянет.
Пускай замолчит моей грусти змея
И сердце мне грызть перестанет.

Бегу из монашеских душных я стен,
Как вор, проберуся на волю,
И больше, о нет, не сменяю на плен
Свободную, новую долю».

II

Суров инквизитор великий сидит,
Теснятся кругом кардиналы,
И юный преступник пред ними стоит,
Свершивший проступок немалый.

Он бегство затеял из монастыря
И пойман был с явной уликой,
Но с сердцем свободным, отвагой горя,
Стоит он, бесстрашный, великий.

Вот он пред собранием ведет свою речь,
И судьи, смутясь, робеют,
И стража хватается гневно за меч,
И сам инквизитор бледнеет.

«Судить меня смеют, и кто же — рабы!
Прислужники римского папы
Надменно и дерзко решают судьбы
Того, кто попался им в лапы.

Ну что ж! Осудите меня на костер,
Хвалитесь мощью своею!
Но знайте, что мой не померкнется взор,

Что я не склоню свою шею!

И смерть моя новых борцов привлечет,
Сообщников дерзких, могучих;
Настанет и вашим несчастьям черед!
Над вами собираются тучи!

Я слышал: в далеких германских лесах,
Где все еще глухо и дико,
Поднялся один благородный монах,
Правдивою злобой великий.

Любовию к жизни в нем сердце горит!
Он юности ведает цену!
Блаженства небес он людям не сулит
Земному блаженству в замену!

А вы! Ваше время давно отошло!
Любви не вернете народа.
Да здравствует свет, разгоняющий зло!
Да здравствует наша свобода!

Прощайте! Бесстрашно на казнь я иду.
Над жизнью моею вы вольны,
Но речи от сердца сдержать не могу,
Пускай ею вы недовольны».

<Не позднее 1903>

«Вам, кавказские ущелья...»

Вам, кавказские ущелья,
Вам, причудливые мхи,
Посвящаю песнопенья,
Мои лучшие стихи.

Как и вы, душа угрюма,
Как и вы, душа мрачна,
Как и вы, не любит шума,
Ее манит тишина.

Буду помнить вас повсюду,
И хоть я в чужом краю,
Но о вас я не забуду
И теперь о вас пою.

<Не позднее 1903 >

«На сердце песни, на сердце слезы...»

На сердце песни, на сердце слезы,
Душа страданиями полна.
В уме мечтанья, пустые грезы
И мрак отчаянья без дна.

Когда же сердце устанет биться,
Грудь наболевшая замрет?
Когда ж покоем мне насладиться
В сырой могиле придет черед?

<Не позднее 1903>

«В шумном вихре юности цветущей...»

В шумном вихре юности цветущей
Жизнь свою безумно я сжигал,
День за днем, стремительно бегущий,
Отдохнуть, очнуться не давал.

Жить, как прежде, больше не могу я,
Я брожу как охладельный труп,
Я томлюсь по ласке поцелуя,
Поцелуя милых женских губ.

<Не позднее 1903>

«Злобный гений, царь сомнений...»

Злобный гений, царь сомнений,
Ты опять ко мне пришел,
И, желаньем утомленный, потревоженный и сонный,
Я покой в тебе обрел.

Вечно жить среди мучений, среди тягостных сомнений —
Это сильных идеал,
Ничего не созидая, ненавидя, презирая
И блистая, как кристалл.

Назади мне слышны стоны, но, свободный, обновленный,
Торжествующая пошлость, я давно тебя забыл.
И, познавши отрицанье, я живу, как царь созданья,
Средь отвергнутых могил.

<Не позднее 1903 >

«Много в жизни моей я трудов испытал...»

Много в жизни моей я трудов испытал,
Много вынес и тяжких мучений.
Но меня от отчаянья часто спасал
Благодатный, таинственный гений.

Я не раз в упоеньи великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.

Но отчаянья не было в сердце моем,
И надежда мне силы давала.
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.

А теперь я, наскучив тяжелой борьбой,
Безмятежно свой век доживаю,
Но меня тяготит мой позорный покой,
И по битве я часто вздыхаю.

Чудный гений надежды давно отлетел,
Отлетели и светлые грезы,
И остались трусости жалкой в удел
Малодушно-холодные слезы.

<Не позднее 1903>

«Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»

Я всю жизнь отдаю для великой борьбы,
Для борьбы против мрака, насилия и тьмы.
Но увы! окружают меня лишь рабы,
Недоступные светлым идеям умы.

Они или холодной насмешкой своей,
Или трусостью рабской смущают меня,
И живу я, во мраке не видя лучей
Благодатного, ясного, светлого дня.

Но меня не смутить, я пробьюсь вперед
От насилия и мрака к святому добру,
И, завидев светила свободы восход,
Я спокоен умру.

<Не позднее 1903 >

«Во мраке безрадостном ночи...»

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты,
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты.

За эти волшебные очи
Я с радостью, верь, отдаю
Мое наболевшее сердце,
Усталую душу мою.

За эти волшебные очи
Я смело в могилу сойду,
И первое, лучшее счастье
В могиле сырой я найду.

А очи, волшебные очи
Так грустно глядят на меня,
Исполнены тайной печали,
Исполнены силой огня.

Напрасно рождаются мечтанья,
Напрасно волнуется кровь:
Могу я внушить состраданье,
Внушить не могу я любовь.

Летит равнодушное время
И быстро уносится вдаль,
А в сердце холодное бремя,
И душу сжигает печаль.

<Не позднее 1903>

«Я песни слагаю во славу твою...»

М.М. М<аркс>

Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю,
Затем, что меня ты не любишь.
Я вечно страдаю и вечно грущу,
Но, друг мой прекрасный, тебя я прощу
За то, что меня ты погубишь.
Так раненный в сердце шипом соловей
О розе-убийце поет все нежней
И плачет в тоске безнадежной,
А роза, склонясь меж зеленой листвы,
Смеется над скорбью его, как и ты,
О друг мой, прекрасный и нежный.

<Не позднее 1903>

«Был праздник веселый и шумный...»

Был праздник веселый и шумный,
Они повстречались раз...
Она была в неге безумной
С манящим мерцанием глаз.

А он был безмолвный и бледный,
Усталый от призрачных снов.
И он не услышал победный
Могучий и радостный зов.

Друг друга они не узнали
И мимо спокойно прошли,
Но звезды в лазури рыдали,
И где-то напевы звучали
О бледном обмане земли.

<1904?>

Разговор («Я властительный и чудный...»)

Я властительный и чудный
Пел печальной бледной деве:
«Видишь воздух изумрудный
В обольстительном напеве?»

Посмотри, как быстро челны
Легкотканого обмана
Режут радостные волны
Мирового Океана.

Солнце жаркое в лазури
Так роскошно и надменно
Грезит негой, грезит бурей
Ослепительной вселенной.

И как голуби надежды,
Охранители святыни,
Духи в пурпурной одежде
Наполняют воздух синий.

И мы в ту войдем обитель,
Царство радостных видений,
Где я буду повелитель,
Вождь волшебных песнопений.

Озаренная напевом,
Ты полюбишь мира звенья,
Будешь радостною Евой
Для иного поколения».

Огонь

Я не знаю, что живо, что нет,
Я не ведаю грани ни в чем...
Жив играющий молнией гром —
Живы гроздя планет...

И красивую яркость огня
Я скорее живой назову,
Чем седую, больную траву,
Чем тебя и меня...

Он всегда устремляется ввысь,
Обращается в радостный дым,
И столетья над ним пронеслись,
Золотым и всегда молодым...

Огневые лобзают уста...
Хоть он жжет, но он всеми любим.
Он лучистый венок для Христа,
И не может он быть не живым...

<1905>

Лето

Лето было слишком знойно,
Солнце жгло с небесной кручи, —
Тяжело и беспокойно,
Словно львы, бродили тучи.
В это лето пробегало
В мыслях, в воздухе, в природе
Золотое покрывало
Из гротесок и пародий.
Точно кто-то, нам знакомый,
Уходил к пределам рая,
А за ним спешили гномы
И кружилась пыль седая.
И с тяжелою печалью
Наклонились к бессилью
Мы, обманутые далью
И захваченные пылью.

<1906>

«Он воздвигнул свой храм на горе...»

Он воздвигнул свой храм на горе,
Снеговой многобашенный храм,
Чтоб молиться он мог на заре
Переменным небесным огням.

И предстал перед ним его бог,
Бесконечно родной и чужой,
То печален, то нежен, то строг,
С каждым новым мгновеньем иной.

Ничего не просил, не желал,
Уходил и опять приходил,
Переменно горящий кристалл
Посреди неподвижных светил.

И безумец, роняя слезу,
Поклонялся небесным огням,
Но собрались люди внизу
Посмотреть на неведомый храм.

И они говорили, смеясь:
«Нет души у минутных огней,
Вот у нас есть властитель и князь
Из тяжелых и вечных камней».

А безумец не мог рассказать
Нежный сон своего божества,
И его снеговые слова,
И его голубую печать.

«Сегодня у берега нашего бросил...»

Сегодня у берега нашего бросил
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание саб ль.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,
Все, все, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли.
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде неожиданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром —
Царей не бывало издавна у нас, —
Дивились движеньям, красивым и быстрым,

И молниям черных, пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедным, в глухом переулке,
Сиреневый домик седого глупца.

Он враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира он горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

<1906>

«Мне надо мучиться и мучить...»

Мне надо мучиться и мучить,
Твердя безумное «люблю».
О миг, страшися мне наскучить,
Я царь твой, я тебя убью!

О миг, не будь бессильно плоским,
Но опали, сожги меня
И будь великим отголоском
Веками ждущего Огня.

<1906>

«Солнце бросило для нас...»

Солнце бросило для нас
И для нашего мученья
В яркий час, закатный час
Драгоценные каменья.

Да, мы дети бытия,
Да, мы солнце не обманем.
Огнезарная змея
Проползла по нашим граням.

Научивши нас любить,
Позабыть, что все мы пленны,
Нам она соткала нить,
Нас связавшую с вселенной.

Льется ль песня тишины,
Или бурно бьются струи,
Жизнь и смерть — ведь это сны,
Это только поцелуи.

<1906?>

Франция («О Франция, ты призрак сна...»)

О Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,
Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.

Твоя разряженная рать,
Твои мечи, твои знамена —
Они не в силах отражать
Тебе враждебные племена.

Когда примчалася война
С железной тучей иноземцев,
То ты была покорена
И ты была в плену у немцев.

И раньше... вспомни страшный год,
Когда слабел твой гордый идол.
Его испуганный народ
Врагу властительному выдал.

Заслыша тяжких ратей гром,
Ты трепетала, точно птица,
И вот на берегу плухом
Стоит великая гробница.

А твой веселый, звонкий рог,
Победный рог завоеваний,
Теперь он беден и убог,
Он только яд твоих мечтаний.

И ты стоишь, обнажена,
На золотом роскошном троне,
Но красота твоя, жена,

Тебе спасительнее брони.

Где пел Гюго, где жил Вольтер,
Страдал Бодлер, богов товарищ,
Там не посмеет изувер
Плясать при зареве пожарищ.

И если близок час войны
И ты осуждена к паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.

И нет, не нам, твоим жрецам,
Разбить в куски скрижаль закона
И бросить пламя в Notre-Dame,
Разрушить стены Пантеона.

Твоя война — для нас война.
Покинь же сумрачные станы,
Чтоб песней, звонкой, как струна,
Целить запекшиеся раны.

Что значит в битве алость губ?!
Ты только сказка, отойди же.
Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже.

<1907>

«Зачарованный викинг, я шел по земле...»

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете — надменный павлин,
В час ненастья — внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я легучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно,
В дикой буре его сохранилась печать,
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудьем покрыло земные пути,
Зажигало лиловьем морскую волну...
Я не смел подойти и не мог отойти
И не в силах был словом порвать тишину.

«Слушай веления мудрых...»

Слушай веления мудрых,
Мыслей пленительный танец.
Бойся у дев златокудых
Нежный заметить румянец.

От непостижного скройся —
Страшно остаться во мраке.
Ночью весеннюю бойся
Рвать заалевшие маки.

Девичьи взоры неверны,
Вспомни сказанья Востока:
Пояс на каждой пантерный,
Дума у каждой жестока.

Сердце пронзенное вспомни,
Пурпурный сок виноградин.
Вспомни, нет муки огромней,
Нету тоски безотрадной.

Вечером смолкни и слушай,
Грезам отдавшись беспечным.
Слышишь, вечерние души
Шепчут о нежном и вечном.

Ласковы быстрые миги,
Строго-высокие свечи,
Мудрые, старые книги
Знающих тихие речи.

«Царь, упившийся кипрским вином...»

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом:

«Почему вы не пьете, друзья,
Этой первую полночью брачной?
Этой полночью радостен я,
Я — доселе жестокий и мрачный.

Все вы знаете деву богов,
Что владела богатою Смирной
И сегодня вошла в мой альков,
Как наложница, робкой и мирной.

Ее лилии были нежны
И, как месяц, печальны напевы.
Я не видел прекрасней жены,
Я не знал обольстительней девы.

И когда мой открылся альков,
Я, властитель, смутился невольно.
От сверканья ее жемчугов
Было взорам и сладко и больно.

Не смотрел я на бледность лица,
Не того мое сердце хотело,
Я ласкал, я терзал без конца
Беззащитное юное тело.

Вы должны позавидовать мне,
О друзья дорогие, о братья.
Я слышал, сгорая в огне,

Как она мне шептала проклятья.

Кровь царицы, как пурпур, красна,
Задыхаюсь я в темном недуге.
И еще мне несите вина,
Нерадиво-ленивые слуги».

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

1907

«За часом час бежит и падает во тьму...»

За часом час бежит и падает во тьму,
Но властно мой флюид прикован к твоему.
Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явления волшебства — лишь игры вечных числ,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.
Я все их спросил, но нет ни одного
Сильнее тайны сил флюида твоего.

Да, знание — сладкий мед, но знание не спасет,
Когда закон зовет и время настает.
За часом час бежит, я падаю во тьму,
За то, что мой флюид покорен твоему.

«За стенами старого аббатства...»

За стенами старого аббатства —
Мне рассказывал его привратник —
Что ни ночь творятся святотатства:
Приезжает неизвестный всадник,

В черной мантии, большой и неуклюжий,
Он идет двором, сжимая губы,
Медленно ступая через лужи,
Пачкает в грязи свои раструбы.

Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суетятся духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи.

И всю ночь звучит зловещий хохот
В коридорах гулких и во храме,
Песни, танцы и тяжелый грохот
Сапогов, подкованных гвоздями.

Но наутро в диком шуме оргий
Слышны крики ужаса и злости.
То идет с мечом святой Георгий,
Что иссечен из слоновой кости.

Видя гневно сдвинутые брови,
Демоны спасаются в испуге,
И наутро видны капли крови
На его серебряной кольчуге.

«На камине свеча догорала, мигая...»

На камине свеча догорала, мигая,
Отвечая дрожаньем случайному звуку,
Он, согнувшись, сидел на полу, размышляя,
Долго ль можно терпеть нестерпимую муку.

Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
Об обрывках давно миновавших событий
И шептал: «О, убейте меня, о, повесьте,
Забросайте камнями, как пса, задавите!»

В набегающем ужасе странной разлуки
Ударял себя в грудь, исступленьем объятый,
Но не слушались жалко повисшие руки
И их мускулы дряблые, словно из ваты.

Он молился о смерти... навеки, навеки
Успокоит она, тишиной обнимая,
И забудет он горы, равнины и реки,
Где когда-то она проходила живая!

Но предателем сзади подкралось раздумье,
И он понял: конец роковой самовластью.
И во мраке ему улыбнулось безумье
Лошадиной оскаленной пастью.

«На горах розовеют снега...»

На горах розовеют снега,
Я грущу с каждым мигом сильней.
Для кого я собирал жемчуга
В зеленеющей бездне морей?!

Для тебя ли? Но ты умерла,
Стала девой таинственных стран,
Над тобою огнистая мгла,
Над тобою лучистый туман.

Ты теперь безмятежнее дня,
Белоснежней его облаков,
Ты теперь не захочешь меня,
Не захочешь моих жемчугов.

Но за гранями многих пространств,
Где сияешь ты белой звездой,
В красоте жемчужовых убранств,
Как жених, я явлюсь пред тобой.

Расскажу о безумной борьбе,
О цветах, обагрённых в крови,
Расскажу о тебе и себе
И о нашей жестокой любви.

И на миг, забывая покой,
Ты припомнишь закат и снега,
И невинной прозрачной слезой
Ты унизишь мои жемчуга.

«Неслышный, мелкий падал дождь...»

Неслышный, мелкий падал дождь,
Вдали чернели купы рощ,
Я шел один средь трав высоких,
Я шел и плакал тяжело
И проклинал творящих зло,
Преступных, гневных и жестоких.

И я увидел пришлеца:
С могильной бледностью лица
И с пересохшими губами,
В хитоне белом, дорогом,
Как бы упившийся вином,
Он шел неверными шагами.

И он кричал: «Смотрите все,
Как блещут искры на росе,
Как дышат томные растенья
И Солнце, золотистый плод,
В прозрачном воздухе плывет,
Как ангел с песней Воскресенья.

Как звезды, праздничны глаза,
Как травы, вьются волоса,
И нет в душе печалям места
За то, что я убил тебя,
Склоняясь, плача и любя,
Моя царица и невеста».

И все сильнее падал дождь,
И все чернели купы рощ,
И я промолвил строго-внятно:
«Убийца, вспомни Божий страх,
Смотри: на дорогих шелках

Как кровь алеющие пятна».

Но я отпрянул, удивлен,
Когда он свой раскрыл хитон
И показал на сердце рану.
Из ней дымящаяся кровь
То тихо капала, то вновь
Струею падала по стану.

И он исчез в холодной тьме,
А на задумчивом холме
Рыдала горестная дева,
И я задумался светло
И полюбил творящих зло
И пламя их святого гнева.

1907

«Как труп, бессилён небосклон...»

Как труп, бессилён небосклон,
Земля — как уличенный тать.
Преступно-тайных похорон
На ней зловещая печать.
Ум человеческий смущен,
В его глубинах — чёрный страх,
Как стая траурных ворон
На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
Где сказка — жизнь и тайна — смерть?
И неужели не пьяна
Их золотою песней твердь?
И неужели не видна
Судьба — их радостная мать,
Что пеной жгучего вина
Любила смертных опьянять.

Напрасно ловит робкий взгляд
На горизонте новых стран.
Там только ужас, только яд,
Змеею жалящий туман.
И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям наяд
Ладью, в которой плыл Христос.

Renvoi

Еще ослепительны зори,
И перья багряны у птиц,
И много есть в девичьем взоре
Еще не прочтенных страниц.

И лилии строги и пышны,
Прохладно дыханье морей,
И звонкими веснами слышны
Вечерние отклики фей.

Но греза моя недовольна,
В ней голос тоски задрожал,
И сердцу мучительно больно
От яда невидимых жал.

У лучших заветных сокровищ,
Что предки сокрыли для нас,
Стоят легионы чудовищ
С грозящей веселостью глаз.

Здесь всюду и всюду пределы
Всему, кроме смерти одной,
Но каждое мертвое тело
Должно быть омыто слезой.

Искатель нездешних Америк,
Я отдал себя кораблю,
Чтоб, глядя на брошенный берег,
Шепнуть золотое «люблю!».

«На льдах тоскующего полюса...»

На льдах тоскующего полюса,
Где небосклон туманом стерт,
Я без движенья и без голоса,
Окровавленный, распростерт.

Глаза нагнувшегося демона,
Его лукавые уста...
И манит смерть: всегда, везде она
Так непостижна и проста.

Из двух соблазнов — что я выберу,
Что слаще — сон иль горечь слез?
Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбарю,
Явился в облаке Христос.

Он превращает в звезды горести,
В напиток солнца — жгучий яд
И созидает в мертвом хворосте
Никейских лилий белый сад.

Колокол

Медный колокол на башне
Тяжким гулом загудел,
Чтоб огонь горел бесстрашной,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груде
Изуродованных тел.

Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово «смерть»,
И от ужаса и боли
В норы прятались лисицы,
А испуганные птицы
Лётом взрезывали твердь.

Дальше звал он, точно пенье,
К созидающей борьбе.
Люди мирного селенья,
Люди плуга брали молот,
Презирая зной и холод,
Храмы строили себе.

А потом он умер, сонный,
И мечтали пастушки:
«Это, верно, бог влюбленный,
Приближаясь к светлой цели,
Нежным рокотом свирели
Опечалил тростники».

«Моя душа осаждена...»

Моя душа осаждена
Безумно странными грехами,
Она — как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге прясть,
Склоняя взоры все суровой,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность буйной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придет ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

Больная земля

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я согретая невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное «довольно».

Светила смотрят все мрачней,
Но час тоски моей недолог,
И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество,
И снова буду я единой:
Необозримые равнины

И на равнинах никого.

1908

После смерти

Я уйду, убегу от тоски,
Я назад ни за что не взгляну,
Но, сжимая руками виски,
Я лицом упаду в тишину.

И пойду в голубые сады
Между ласковых серых равнин,
Чтобы рвать золотые плоды,
Потаенные сказки глубин,

Гибких трав вечеряющий шелк
И второе мое бытие...
Да, сюда не прокрадется волк,
Там вцепившийся в горло мое.

Я пойду и присяду, устав,
Под уютный задумчивый куст,
И не двинется призрачность трав,
Горизонт будет нежен и пуст.

Пронесутся века, не года,
Но и здесь я печаль сохраню.
Так я буду бояться всегда
Возвращения к распутному дню.

Поэту

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
Как тополь зеленеющей долины,
Как грудь земли, куда вонзился плуг,
Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги:
Твой стих не должен ни порхать, ни биться.
Хотя у музы легкие шаги,
Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
Соблазн уклонов легкий и свободный
Оставь, оставь накрашенным шутам,
Танцующим на площади народной.

И, выйдя на священные тропы,
Певучести пошли свои проклятья.
Пойми: она любовница толпы.
Как милостыни, ждет она объятья.

«Под рукой уверенной поэта...»

Под рукой уверенной поэта
Струны трепетали в легком звоне,
Струны золотые, как браслеты
Сумрачной царицы беззаконий.

Опьянили зовы сладострастья,
И спешили поздние зарницы,
Но не даром звякнули запястья
На руках бледнеющей царицы.

И не даром взоры заблестали:
Раб делил с ней счастье этой ночи,
Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.

1908

На пиру

Влюбленный принц Диего задремал,
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол,
И расстегнул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю,
А на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно
Ему с его невестой суждено.

Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество.
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы,
И томная невеста, чуть дрожа,
Целует похотливого пажа.

Анна Комнена

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит ускользящий бег кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
И странно красивый изогнутый нос,
Но взоры унылы, как холод могилы,
И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
Как серый орел пиренейских снегов.
Он отдал сраженья за крик наслажденья,
За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли —
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны,
Дрожа, рассекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
И взором ловить ускользящий взор,
А утром, спокойный, красивый и стройный,
Он голову склонит под меткий топор.

И снова в апреле заплачут свирели,
Среди облаков закричат журавли,
И в сад кипарисов от западных мысов
За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
Дразнящее тело свое обнажив,
Лишь будет печальней, дрожа в своей спальне:

В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки терзающей скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.

1908

Воспоминанье

Когда в полночной тишине
Мелькнет крылом и крикнет филин,
Ты вдруг прислонишься к стене,
Волненьем сумрачным осилен.

О чем напомним этот звук,
Загадка вещая для слуха?
Какую смену древних мук,
Какое жало в недрах духа?

Былое память воскресит
И снова с плачем похоронит
Восторг, который был открыт
И не был узнан, не был понят

Тот сон, что в жизни ты искал,
Внезапно делается ложным,
И мертвый черепа оскал
Тебе шепнет о невозможном.

Ты прислоняешься к стене,
А в сердце ужас и тревога.
Так страшно слышать в тишине
Шаги неведомого бога.

Но миг! И, чуя близкий плен,
С душой, отдавшейся дремоте,
Ты промелькнешь среди белых пен
В береговом водовороте.

«Тебе бродить по солнечным лугам...»

Тебе бродить по солнечным лугам,
Зеленых трав, смеясь, раздвинуть стены!
Так любят льнуть серебряные пены
К твоим ногам и маленьким ногам!

Весной в лесах звучит веселый гам,
Все чувствует дыханье перемены;
Больны луной, проносятся гиены,
И пляски змей странны по вечерам.

Как белая восторженная птица,
В груди огонь желанья распая,
Проходишь ты, и мысль твоя томится:
Ты ждешь любви, как влаги ждут поля;
Ты ждешь греха, как воли кобылица;
Ты страсти ждешь, как осени земля!

Судный день

В.И. Иванову

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный, и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то День подходит Судный.

Не смирну, не бдолах, не кость слоновью —
Я приношу зовущему пророку
Багряный сок из виноградин сердца.
И он во мне поймет единовеца,
Залитого, как он, во славу Року
Блаженно расточаемую кровью.

«Нежданно пал на наши рощи иней...»

Нежданно пал на наши рощи иней,
Он не сходил так много-много дней,
И полз туман, и делались тесней
От сорных трав просветы пальм и пиний.

Гортани жег пахучий яд глициний,
И стыла кровь, и взор глядел тусклей,
Когда у стен раздался храп коней,
Блеснула сталь, пронесся крик эриний.

Звериный плащ полу спустив с плеча,
Запасы стрел еще не расточа,
Как груды скал, задумчивы и буры,
Они пришли, губители богов,
Соперники летучих облаков,
Неистовые воины Ассуры.

«Она говорила: Любимый, любимый...»

Она говорила: «Любимый, любимый,
Ты болен мечтою, ты хочешь и ждешь,
Но память о прошлом, как ратник незримый,
Взнесла над тобой угрожающий нож.

О чем же ты гредишь с такою любовью,
Какую ты ищешь себе Госпожу?
Смотри, я прильну к твоему изголовью
И вечные сказки тебе расскажу.

Ты знаешь, что женское тело могуче,
В нем радости всех неизведанных стран,
Ты знаешь, что женское сердце певуче,
Умеет целить от тоски и от ран.

Ты знаешь, что, робко себя сберегая,
Невинное тело от ласки тая,
Тебя никогда не полюбит другая
Такой беспредельной любовью, как я».

Она говорила, но, полный печали,
Он думал о тонких руках, но иных;
Они никогда никого не ласкали,
И крестные язвы застыли на них.

«Нет тебя тревожней и капризней...»

Нет тебя тревожней и капризней,
Но тебе предался я давно
Оттого, что много, много жизней
Ты умеешь волей слить в одно.

И сегодня... Небо было серо,
День прошел в томительном бреду.
За окном, на мокром дерне сквера
Дети не играли в чехарду.

Ты смотрела старые гравюры,
Подпирая голову рукой,
И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.

«Посмотри, мой милый, видишь — птица,
Вот и всадник, конь его так быстр,
Но как странно хмурится и злится
Этот сановитый бургомистр!»

А потом читала мне про принца,
Был он нежен, набожен и чист,
И рукав мой кончиком мизинца
Трогала, поворачивая лист.

Но когда дневные смолкли звуки
И взошла над городом луна,
Ты внезапно заломила руки,
Стала так мучительно бледна.

Пред тобой смущенно и несмело
Я молчал, мечтая об одном:
Чтобы скрипка ласковая пела

И тебе о рае золотом.

<1910?>

«Аддис-Абеба, город роз...»

Аддис-Абеба, город роз.
На берегу ручьев прозрачных,
Небесный див тебя принес,
Алмазный, среди ущелий; мрачных.

Армидин сад... Там пилигрим
Хранит обет любви неясной.
Мы все склоняемся пред ним,
А розы душины, розы красны.

Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов,
В садах высоких сикомор,
Аллеях сумрачных платанов.

<1911>

Тоска по морю

Я молчу — во взорах видно горе,
Говорю — мои слова так злы,
Ах, когда ж я вновь увижу в море
Синие и пенные валы.

Белый парус, белых, белых чаек
Или ночью длинный лунный мост,
Позабыв о прошлом и не чая
Ничего в грядущем, кроме звезд!

Видно, я суровому Нерею
Смог когда-то очень угодить,
Что теперь — его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.

Я томлюсь, мне многого не надо,
Только — моря с четырех сторон.
Не была ль сestroю мне наяда,
Нежным братом лапчатый тритон?

Боже! Будь я самым сильным князем,
Но живи от моря вдалеке,
Я б, наверно, повалившись наземь,
Грыз ее и бил в глухой тоске!

«Все ясно для тихого взора...»

Все ясно для тихого взора:
И царский венец, и суму,
Суму нищеты и позора, —
Я все беспечально возьму.

Пойду я в шумящие рощи,
В забытый хозяином сад,
Чтоб ельник, корявый и тощий,
Внезапно обрадовал взгляд.

Там брошу лохмотья и лягу
И буду во сне королем,
А люди увидят бродягу
С бескровно-землистым лицом.

Я знаю, что я зачарован
Заклятьем сумы и венца,
И если б я был коронован,
Мне снилась бы степь без конца.

Рождество в Абиссинии

Месяц встал; ну что ж, охота?
Я сказал слуге: «Пора!
Нынче ночью у болота
Надо выследить бобра».

Но, осклабясь для ответа,
Чуть скрывая торжество,
Он воскликнул: «Что ты, гета ^[1],
Завтра будет Рождество.

И сегодня ночью звери:
Львы, слоны и мелкота —
Все придут к небесной двери,
Будут радовать Христа.

Ни один из них вначале
На других не нападет,
Не укусит, не ужалит,
Не лягнет и не боднет.

А когда, людьми не знаем,
В поле выйдет Светлый Бог,
Все с мычаньем, ревом, лаем
У его столпяся ног.

Будь ты зрячим, ты б увидел
Там и своего бобра,
Но когда б его обидел,
Мало было бы добра».

Я ответил: «Спать пора!»

<1911>

«Когда я был влюблен...»

Когда я был влюблен (а я влюблен
Всегда — в идею, женщину иль запах),
Мне захотелось воплотить мой сон,
Причудливей, чем Рим при грешных папах.

Я нанял комнату с одним окном,
Приют швеи, иссохшей над машинкой,
Где, верно, жил облезлый старый гном,
Питавшийся оброненной сардинкой.

Я стол к стене подвинул; на комод
Рядком поставил альманахи «Знатье»,
Открытки — так, чтоб даже готтентот
В священное б пришел негодованье.

Она вошла спокойно и светло,
Потом остановилась изумленно.
От ломовых в окне тряслось стекло,
Будильник тикал злобно-однотонно.

И я сказал: «Царица, вы одни
Сумели воплотить всю роскошь мира;
Как розовые птицы ваши дни,
Влюбленность ваша — музыка клавира.

Ах! Бог Любви, заоблачный поэт,
Вас наградил совсем особой меткой,
И нет таких, как вы...» Она в ответ
Задумчиво кивала мне эгреткой.

Я продолжал (и резко за стеной
Звучал мотив надтреснутой шарманки):
«Мне хочется увидеть вас иной,

С лицом забытой Богом гувернантки;

И чтоб вы мне шептали: „Я твоя“,
Или еще: „Приди в мои объятия“.
О, сладкий холод грубого белья,
И слезы, и поношенное платье.

А уходя, возьмите денег: мать
У вас больна иль вам нужны наряды...
Мне скучно все, мне хочется играть
И вами, и собою — без пощады...»

Она, прищурясь, поднялась в ответ;
В глазах светились злоба и страданье:
«Да, это очень тонко, вы поэт,
Но я к вам на минуту... до свиданья!»

Прелестницы, теперь я научен.
Попробуйте прийти, и вы найдете
Духи, цветы, старинный медальон,
Обри Бердслея в строгом переплете.

<1911>

«Вечерний медленный паук...»

Вечерний медленный паук
В траве сплетает паутину, —
Надежды знак. Но, милый друг,
Я взора на него не кину.

Всю обольстительность надежд,
Не жизнь, а только сон о жизни,
Я оставляю для невежд,
Для сонных евнухов и слизней.

Мое «сегодня» на мечту
Не променяю я и знаю,
Что муки ада предпочту
Лишь обещаемому раю, —

Чтоб в час, когда могильный мрак
Вольется в сомкнутые вежды,
Не засмеялся мне червяк,
Паучьи высосав надежды.

«Какою музыкой мой слух взволнован?...»

Какою музыкой мой слух взволнован?
Чьим странным обликом я зачарован?

Душа прохладная, теперь опять
Ты мне позволила желать и ждать.

Душа просторная, как утром даль,
Ты убаюкала мою печаль.

Ее, любившую дорогу в храм,
Сложу молитвенно к твоим ногам.

Все, все, что искрилось в моей судьбе,
Все, все пропетое — тебе, тебе!

<1911>

Неизвестность

Замирает дыханье и ярче становятся взоры
Перед сладко волнующим ликом твоим, Неизвестность,
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущенного видеть еще не открытую местность.

В каждой травке намек на возможность несбыточной
встречи,
Этот грот — обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: «Милый!»

У нее есть хранитель, волшебник ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью.
И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду, всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

В саду

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томила весна... Но она не пришла,
Не хотела, иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

— Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой;
...Но зачем этот день, как больное дитя,
Умирал, не отмеченный Божьей Рукой?

1911

Лило́вый цве́ток

Вечерние тихи, заклѣтъя,
Печаль голубой, темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть, только цветы.

Так радует серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И, может быть, к счастью, влюбленный
В кого-то чужого... не здесь.

Но душно мне... Я зачарован;
Ковер надо мной, словно сеть;
Хочу быть спокойным — взволнован,
Смотрю — а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово,
И ярче пылание щек:
То мучит, то нежит лиловый,
Томящий и странный цветок.

Освобожденье

Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным;
Руки не чувствуют холода цепи тяжелой,
Грустно расстаться ему с пауком прирученным,
С хилым тюремным цветком пичиолой.

Жалко тюремщика... (он иногда улыбался
Странно-печально)... и друга за тяжким затвором...
Или столба, на котором однажды качался
Тот, кого люди назвали убийцей и вором...

Жалко? Но только как призрак растаяли стены —
В темных глазах нетерпенье, восторг и коварство:
Солнце пьянит его, солнце вливается в вены,
В сердце... Изгнанник идет завоевывать царство.

1911

Акростих («Ангел лег у края небосклона...»)

Ангел лег у края небосклона,
Наклоняясь, удивлялся безднам.
Новый мир был темным и беззвездным.
Ад молчал. Не слышалось ни стона.

Алой крови робкое биенье,
Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье
Ангела святое отраженье.

Тесно в мире! Пусть живет, мечтая
О любви, о грусти и о тени,
В сумраке предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

<1911>

«Да! Мир хорош, как старец у порога...»

Да! Мир хорош, как старец у порога,
Что путника ведет во имя Бога
В заране предназначенный покой,
А вечером, простой и благодушный,
Приказывает дочери послушной
Войти к нему и стать его женой.

Но кто же я, отступник богомольный,
Обретший все и вечно недовольный,
Сдружившийся с луной и тишиной?
Мне это счастье — только указанье,
Что мне не лжет мое воспоминанье
И пил я воду родины иной.

<1911>

Вилла Боргезе

Из камня серого иссеченные вазы,
И купы царственные ясени, и бук,
И от фонтанов ввысь летящие алмазы,
И тихим вечером баюкаемый луг.

В аллеях сумрачных затерянные пары
Так по-осеннему тревожны и бледны,
Как будто полночью их мучают кошмары
Иль пеньем ангелов сжигают души сны.

Здесь принцы грезили о крови и железе,
А девы нежные о счастии вдвоем,
Здесь бледный кардинал пронзил себя ножом...
Но дальше, призраки! Над виллою Боргезе
Сквозь тучи золотом блеснула вышина, —
То учит забывать встающая луна.

<1913>

Флоренция

О сердце, ты неблагодарно!
Тебе — и розовый миндаль,
И горы, вставшие над Арно,
И запах трав, и в блеске даль.

Но, тайновидец дней минувших,
Твой взор мучительно следит
Ряды в бездонном потонувших
Тебе завещанных обид.

Тебе нужны слова иные,
Иная, страшная пора...
Вот грозно встала Синьория
И перед нею два костра.

Один — как шкура леопарда,
Разнообразен, вечно нов.
Там гибнет «Леда» Леонардо
Средь благовоний и шелков.

Другой, зловещий и тяжелый,
Как подобранный дракон,
Шипит: «Вотще Савонаролой
Мой дом державный потрясен».

Они ликуют, эти звери,
А между них, потупя взгляд,
Изгнанник бледный, Алигьери,
Стопой неспешной сходит в ад.

Тразименское озеро

Зеленое, все в пенистых буграх,
Как горсть воды, из океана взятой,
Но пригоршней гиганта чуть разжатой,
Оно томится в плоских берегах.

Не блещет плуг на мокрых бороздах,
И медлен буйвол, грузный и рогатый,
Здесь темной думой удручен вожатый,
Здесь зреет хлеб, но лавр уже зачах.

Лишь иногда, наскучивши покоем,
С кипеньем, гулом, гиканьем и воем
Оно своих не хочет берегов,
Как будто вновь под ратью Ганнибала
Вздохнули скалы, слышен визг шакала
И трубный голос бешеных слонов.

На палатине

Измучен огненной жарой,
Я лег за камнем на горе,
И солнце плыло надо мной,
И небо стало в серебре.

Цветы склонялись с высоты
На мрамор брошенной плиты,
Дышали нежно, и была
Плита горячая бела.

И ящер средь зеленых трав,
Как странный и большой цветок,
К лазури голову подняв,
Смотрел и двинуться не мог.

Ах, если б умер я в тот миг,
Нетвердо знаю, я б проник
К богам, в Элизиум святой,
И пил бы нектар золотой.

А рай оставил бы для тех,
Кто помнит ночь и верит в трех,
Кто тайно каждому стеблю
Не говорит свое «люблю».

«Скоро полночь, свеча догорела...»

Скоро полночь, свеча догорела.
О, заснуть бы, заснуть поскорей,
Но смиряйся, проклятое тело,
Перед волей железной моей.

Как? Ты вновь прибегаешь к обману,
Притворяешься тихим; но лишь
Я забудусь: «Работать не стану,
Не хочу, не могу», — говоришь...

«Подожди, вот засну, и наутро,
Чуть последняя канет звезда,
Буду снова могуче и мудро,
Как тогда, как в былые года...»

Полно. Греза, бесстыдная сводня,
Задурманит тебя до утра,
И ты скажешь, лениво зевая,
Кулаками глаза протирая:
«Я не буду работать сегодня,
Надо было работать вчера».

«Когда вступила в спальню Дездемона...»

Когда вступила в спальню Дездемона,
Там было тихо, тихо и темно,
Лишь месяц любопытный к ней в окно
Заглядывал с ночного небосклона.

И черный мавр со взорами дракона,
Весь вечер пивший красное вино,
К ней подошел, — он ждал ее давно, —
Он не услышит девичьего стона.

Напрасно с безысходною тоской
Она ловила тонкою рукой
Его стальные руки... было поздно.
И, задыхаясь, думала она:
«О, верно, в день, когда шумит война,
Такой же он загадочный и грозный!»

«Мое прекрасное убежище...»

Мое прекрасное убежище —
Мир звуков, линий и цветов,
Куда не входит ветер режущий
Из недостроенных миров.

Цветок сорву ли — буйным пением
Наполнил душу он, дразня,
Чаруя светлым откровением,
Что жизнь кипит и вне меня.

Но так же дорог мне искусственный
Взлелеянный мечтою цвет:
Он мозг дурманит жаждой чувственной
Того, чего на свете нет.

Иду в пространстве и во времени,
И вслед за мной мой сын идет
Среди трудящегося племени
Ветров, и пламеней, и вод.

И я приму — о да, не дрогну я! —
Как поцелуй иль как цветок,
С таким же удивленьем огненным
Последний гибельный толчок.

«Этот город воды, колоннад и мостов...»

Этот город воды, колоннад и мостов,
Верно, снился тому, кто, сжимая виски,
Упоительный опиум странных стихов,
Задыхаясь, вдыхал после ночи тоски.

В освещенных витринах горят зеркала,
Но по улицам крадется тихая темь,
А колонна крылатого льва подняла,
И гиганты на башне ударили семь.

На соборе прохожий еще различит
Византийских мозаик торжественный блеск
И услышит, как с темной лагуны звучит
Возвращаемый медленно волнами плеск.

<1913?>

**«Долго молили о танце мы вас, но молили
напрасно...»**

Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно,
Вы улыбнулись рассеянно и отказали бесстрастно.
Любит высокое небо и древние звезды поэт,
Часто он пишет баллады, но редко ходит в балет.

Грустно пошел я домой, чтоб смотреть в глаза тишине,
Ритмы движений небывших звенели и пели во мне.
Только так сладко знакомая вдруг расцвела тишина,
Словно приблизилась тайно иль стала солнцем луна;

Ангельской арфы струна порвалась, и мне слышится звук;
Вижу два белые стебля высоко закинутых рук,
Губы ночные, подобные бархатным красным цветам...
Значит, танцуете все-таки вы, отказавшая нам!

В синей тунике из неба ночного затянутый стан
Вдруг разрывает стремительно залитый светом туман,
Быстро змеистые молнии легкая чертит нога. —
Видит, наверно, такие виденья блаженный Дега,

Если за горькое счастье и сладкую муку свою
Принят он в сине-хрустальном высоком Господнем раю.
...Утром проснулся, и утро вставало в тот день лучезарно,
Был ли я счастлив? Но сердце томилось тоской благодарной.

«Пролетела стрела...»

Пролетела стрела
Голубого Эроса,
И любовь умерла,
И настала дремота.

В сердце легкая дрожь
Золотого похмелья,
Золотого, как рожь,
Как ее ожерелье.

Снова лес и поля
Мне открылись, как в детстве,
И запутался я
В этом милом наследстве.

Легкий шорох шагов,
И на белой тропинке
Грузных майских жуков
Изумрудные спинки.

Но в душе у меня
Затаилась тревога.
Вот прольется, звеня,
Зов военного рога.

Зорко смотрит Эрот,
Он не бросил колчана...
И пылающий рот
Багровеет, как рана.

Сестре милосердия

Нет, не думайте, дорогая,
О сплетенья мышц и костей,
О святой работе, о долге...
Это сказки для детей.

Под попреки санитаров
И томительный бой часов
Сам собой поправится воин,
Если дух его здоров.

И вы верьте в здоровье духа,
В молньеносный его полет,
Он от Вильмы до самой Вены
Неуклонно нас доведет.

О подругах в серьгах и кольцах,
Обольстительных вдвойне
От духов и притираний,
Вспоминаем мы на войне.

И мечтаем мы о подругах,
Что проходят сквозь нашу тьму
С пляской, музыкой и пеньем
Золотой дорогой муз.

Говорили об англичанке,
Песней славшей мужчин на бой
И поцеловавшей воина
Пред восторженной толпой.

Эта девушка с открытой сцены,
Нарумянена, одета в шелк,
Лучше всех сестер милосердия

Поняла свой юный долг.

И мечтаю я, чтоб сказали
О России, стране равнин:
— Вот страна прекраснейших женщин
И отважнейших мужчин.

<1914>

Ответ сестры милосердия

*...Омочу бибрян рукав в Каяле реце, утру князю
кровавые его раны на жестоцем теле.*

Плач Ярославны

Я не верю, не верю, милый,
В то, что вы обещали мне.
Это значит — вы не видали
До сих пор меня во сне.

И не знаете, что от боли
Потемнели мои глаза.
Не понять вам на бранном поле,
Как бывает горька слеза.

Нас рождали для муки крестной,
Как для светлого счастья вас,
Каждый день, что для вас воскресный, —
То день страдания для нас.

Солнечное утро битвы,
Зов трубы военной — вам,
Но покинутые могилы
Навещать годами нам.

Так позвольте теми руками,
Что любили вы целовать,
Перевязывать ваши раны,
Воспаленный лоб освежать.

То же делает и ветер,
То же делает и вода,
И не скажет им: «Не надо» —
Одинокий раненый тогда.

А когда с победой славной
Вы вернетесь из чуждых сторон,
То бегрян рукав Ярославны
Будет реять среди знамен.

<1914>

Новорожденному

С. Л<озжскому>

Вот голос, томительно звонок...
Зовет меня голос войны,
Но я рад, что еще ребенок
Глотнул воздушной волны.

Он будет ходить по дорогам
И будет читать стихи,
И он искупит пред Богом
Многие наши грехи.

Когда от народов-титанов
Сразившихся дрогнула твердь
И в грохоте барабанов
И в трубном рычаньи — смерть, —

Лишь он сохраняет семя
Грядущей мирной весны,
Ему обещает время
Осуществленные сны.

Он будет любимцем Бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен! Мы бились много
И страдали мы за него.

20 июля 1914

Любовь («Она не однажды всплывала...»)

I

Она не однажды всплывала
В грязи городского канала,
Где светят, длинны и тонки,
Фонарные огоньки.

Ее видали и в роще
Висящей на иве тощей,
На иве, еще Дездемоной
Оплаканной и прощенной.

В каком-нибудь старом доме
На липкой красной соломе
Ее находили люди
С насквозь простреленной грудью.

Но от этих ли превращений,
Из-за рук, на которых кровь
(Бедной жизни бедных смущений),
Мы разлюбим ее, Любовь?

II

Я помню, я помню, носились тучи
По небу, желтому, как новая медь,
И ты мне сказала: «Да, было бы лучше,
Было бы лучше мне умереть».

«Неправда, — смазал я, — и этот ветер,

И все, что было, рассеется сном,
Помолимся Богу, чтоб прожить этот вечер,
А завтра наутро мы все поймем».

И ты повторяла: «Боже, Боже!»
Шептала: «Скорее... одна лишь ночь...»
И вдруг задохнулась: «Нет, Он не может,
Нет, Он не может уже помочь!»

<1914>

«Священные плывут и тают ночи...»

Священные плывут и тают ночи,
Прносятся эпические дни,
И смерти я заглядываю в очи,
В зеленые болотные огни.

Она везде — и в зареве пожара,
И в темноте, неожиданна и близка,
То на коне венгерского гусара,
А то с ружьем тирольского стрелка.

Но прелесть ясная живет в сознание,
Что хрупки так оковы бытия,
Как будто женственно все мирозданье
И управляю им всецело я.

Когда промчится вихрь, заплещут воды,
Зальются птицы в чайный зари,
То слышится в гармонии природы
Мне музыка Ирины Энери.

Весь день томясь от непонятной жажды
И облаков следя крылатый рой,
Я думаю: «Карсавина однажды,
Как облако, плясала предо мной».

А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеком,
Звенит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти,
И все мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье

Моей души доказывают мне.

<1914>

«Когда, изнемогши от муки...»

Когда, изнемогши от муки,
Я больше ее не люблю,
Какие-то бледные руки
Ложатся на душу мою.

И чьи-то печальные очи
Зовут меня тихо назад,
Во мраке остывшей ночи
Нездешней мольбою горят.

И снова, рыдая от муки,
Проклявши свое бытие,
Целую я бледные руки
И тихие очи ее.

<1914>

Конквистадор

От дальних селений,
Сквозь лес и овраги,
На праздник мучений
Собрались бродяги.

Палач приготовил
Свой молот зловещий,
И запаха крови
Возжаждали клещи.

И пел конквистадор,
Привязан у пальмы:
«До области ада
Извели даль мы.

Вот странные воды,
Где смертный не плавал,
Где, Рыцарь Невзгоды,
Скитается Дьявол.

А дальше не будет
Ни моря, ни неба,
Там служат Иуде
Постыдные требы.

Но пелись баллады
В вечерних тавернах,
Что ждет Эльдорадо
Отважных и верных.

Под звуки органа
Твердили аббаты,
Что за морем страны

Так дивно богаты.

И в сонных глубинах
Мы видели город,
Где алых рубинов
Возносятся горы».

А пламя клубилось,
И ждал конквистадор,
Чтоб в смерти открылось
Ему Эльдorado.

<1915>

Всадник

Всадник ехал по дороге,
Было поздно, выли псы.
Волчье солнце — месяц строгий —
Лил сиянье на овсы.

И внезапно за деревней
Белый камень возле пня
Испугал усмешкой древней
Задремавшего коня.

Тот метнулся: темным бредом
Вдруг ворвался в душу сам
Древний ужас, тот, что ведом
В мире только лошадям.

Дальний гул землетрясений,
Пестрых тигров хищный вой
И победы привидений
Над живыми в час ночной.

Очи круглы и кровавы,
Ноздри пеною полны,
Конь, как буря, топчет травы,
Разрывает грудью льны.

Он то стелется по шири,
То слетает с диких круч
И не знает, где он — в мире
Или в небе между туч.

Утро. Камень у дороги
Робко спрягал свой оскал.
Волчье солнце — месяц строгий —

Освещать его устал.

На селе собаки выли,
Люди хмуро в церковь, шли.
Конь один пришел, весь в мыле,
Господина не нашли.

<1916>

Второй год

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных
И громких в летописи слав?

Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы лирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И все затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.

Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля:
Ты только хмурая привратница
У входа в Божий Поля.

«Перед ночью северной, короткой...»

Перед ночью северной, короткой
И за нею — зори, словно кровь...
Подошла неслышною походкой,
Посмотрела на меня любовь...

Отравила взглядом и дыханьем,
Слаще роз дыханьем, и ушла —
В белый май с его очарованьем,
В лунные, слепые зеркала...

У кого я попрошу совета,
Как до легкой осени дожить,
Чтобы это огненное лето
Не могло меня испепелить?

Как теперь молиться буду Богу,
Плача, замирая и горя,
Если я забыл мою дорогу
К каменным стенам монастыря...

Если взоры девушки любимой —
Слаще взоров жителей высот,
Краше горнего Иерусалима —
Летний сад и зелень сонных вод...

«Взгляните: вот гусары смерти!..»

Взгляните: вот гусары смерти!
Игрою ратных перемен
Они, отчаянные черти,
Побеждены и взяты в плен.

Зато бессмертные гусары —
Те не сдаются никогда;
Войны невзгоды и удары
Для них — как воздух и вода.

Ах, им опасен плен единый,
Опасен и безумно люб, —
Девичьей шеи лебединой,
И милых рук, и алых губ.

1917

Канцона («Бывает в жизни человека...»)

Бывает в жизни человека
Один неповторимый миг:
Кто б ни был он: старик, калека,
Как бы свой собственный двойник,
Нечеловечески прекрасен
Тогда стоит он; небеса
Над ним разверсты; воздух ясен;
Уж наплывают чудеса.
Таким тогда он будет снова,
Когда воскреснувшую плоть
Решит во славу Бога-Слова
К всебытию призвать Господь.
Волшебница, я не случайно
К следам ступней твоих приник:
Ведь я тебя увидел тайно
В невыразимый этот миг.
Ты розу белую срывала
И наклонялась к розе той,
А небо над тобой сияло,
Твоей залито красотой.

«Ты говорил слова пустые...»

Ты говорил слова пустые,
А девушка и расцвела.
Вот чешет косы золотые,
По-праздничному весела.

Теперь ко всем церковным требам
Молиться ходит о твоём,
Ты стал ей солнцем, стал ей небом,
Ты стал ей ласковым дождем.

Глаза темнеют, чуя грозы,
Неровен вздох ее и част.
Она пока приносит розы,
Но захоти — и жизнь отдаст.

<1917?>

В Бретани

Здравствуй, море! Ты из тех морей,
По которым плавали галеры,
В шелковых кафтанах кавалеры
Покоряли варварских царей,

Только странно, я люблю скорей
Те моря, суровые без меры,
Где акулы, спруты и химеры, —
Ужас чернокожих рыбаков.

Те моря... я слушаю их звоны,
Ясно вижу их покров червлёный
В душевной комнате, в тиши ночной,
В час, когда я — как стрела у лука,
А душа — один восторг и мука
Перед страшной женской красотой.

<1917>

Предзнаменование

Мы покидали Соутгемптон,
И море было голубым.
Когда же мы пристали к Гавру,
То черным сделалось оно.

Я верю в предзнаменования,
Как верю в утренние сны.
Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда.

<1917>

Сирень

Из букета целого сиреней
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого, что мне нельзя иначе,
Оттого что я ее люблю.

<1917>

Любовь («Много есть людей, что, полюбив...»)

Много есть людей, что, полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.

А другим — жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их мучат злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
И поют, и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым,

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней?

«Мы в аллеях светлых пролетали...»

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды, и мечты, и думы
Поверяла мне она свои,
Все, что может девушка придумать
О еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
С водами слились в одно кольцо.

И я думал: «Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь — в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе».

Позор

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже Присносущий!
Так жестоко осужден страдать.

Если б кликнул я мою собаку,
Посмотрел на моего коня,
Моему не повинуюсь знаку,
Звери бы умчались от меня.

Если б подошел я к пене моря,
Так давно знакомой и родной,
Море почернело бы от горя,
Быстро отступая предо мной.

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,
Все дела чужие, не мои,
Лишь томленье вовсе недостойной,
Вовсе платонической любви.

Пусть приходит смертное томленье,
Мне оно не помешает ждать,
Что в моем грядущем воплощенье
Сделаюсь я воином опять.

«Мой альбом, где страсть сквозит без меры...»

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто да фэ.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновый колоколов.

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристойным
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

И когда тогдашние Лигейи,
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее,

Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
«Я б американца не любила,
А любила бы поэта я».

<1917>

Портрет

Лишь темный бархат, на котором
Забьт сияющий алмаз,
Сумею я сравнить со взором
Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело
Тревожит смутной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

<1917>

Ночь

Пролетала золотая ночь
И на миг замедлила в пути,
Мне, как другу, захотев помочь,
Ваши письма думала найти —

Те, что Вы не написали мне...
А потом присела на кровать
И сказала: «Знаешь, в тишине
Хорошо бывает помечтать!

Та, другая, вероятно, зла,
Ей с тобой встречаться даже лень.
Полюби меня — ведь я светла,
Так светла, что не светлей и день.

Много расцветает черных роз
В потайных колодцах у меня,
Словно крылья пламенных стрекоз,
Пляшут искры синего огня.

Тот же пламень и в глазах твоих
В миг, когда ты думаешь о ней...
Для тебя сдержу я вороных
Неподатливых моих коней».

Ночь, молю, не мучь меня!
Мой рок Слишком и без этого тяжел.
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?

Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»

И она, мне не ответит «нет».

<1917>

«Об озерах, о павлинах белых...»

Об озерах, о павлинах белых,
О закатно-лунных вечерах
Вы мне говорили, о несмелых
И пророческих своих мечтах.

Словно нежная Шахерезада
Завела магический рассказ,
И казалось, ничего не надо,
Кроме этих озаренных глаз.

А потом в смятеньи <...> туманных
Мне, кто был на миг Ваш господин,
Дали два цветка благоуханных,
Из которых я унес один.

<1917>

«Однообразные мелькают...»

Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.

Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.

И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,

Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.

«Отвечай мне, картонажный мастер...»

Отвечай мне, картонажный мастер,
Что ты думал, делая альбом
Для стихов о самой нежной страсти
Толщиною в настоящий том.

Картонажный мастер, глупый, глупый,
Видишь, кончилась моя страда,
Губы милой были слишком скупы,
Сердце не дрожало никогда.

Страсть пропела песней лебединой,
Никогда ей не запеть опять,
Так же, как и женщине с мужчиной
Никогда друг друга не понять.

Но поет мне голос настоящий,
Голос жизни близкой для меня,
Звонкий, словно водопад кипящий,
Словно гул растущего огня:

«В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,
Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь ахейцы разорили Трои!»

Если ты теперь же не забудешь
Девушки с огромными глазами,
Девушки с искусными речами,
Девушки, которой ты не нужен,
То и жить ты, значит, недостоин».

Богатое сердце

Дремала душа, как слепая,
Так пыльные спят зеркала,
Но солнечным облаком рая
Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много
Созвездий слепящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для глаз говорящих твоих.

Не знал я, что в сердце так много
Созвучий звенящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для губ полудетских твоих.

И рад я, что сердце богато,
Ведь тело твое из огня,
Душа твоя дивно крылата,
Певучая ты для меня.

<1917>

Синяя звезда

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой,
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

И умер я... и видел пламя,
Не виданное никогда.
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Как вдруг из глубли осиянной
Возник обратно мир земной,
Ты птицей раненой нежданно
Затрепетала предо мной.

Ты повторяла: «Я страдаю».
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты — лишь синяя звезда.

<1917>

«В этот мой благословенный вечер...»

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведа их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом
О любви Гафиза и своей,
И над ним склонялись по карнизам
Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою теперь,
И лизал им ноги небывалый
Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам,
Чтоб послушать о морских делах,
И перед любезным Дон Жуаном
Фанни сладкий чувствовала страх.

А по стенам начинались танцы,
Двигались фигуры на холстах,
Обезумели камбоджианцы
На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы,
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые,
Приглашенные на торжество,
Словно апельсины восковые,

Те, что подают на Рождество.

«Тише, крики, смолкните, напевы!
Я вскричал — И будем все грустны,
Потому что с нами нету девы,
Для которой все мы рождены».

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном?

<1917>

«Еще не раз Вы вспомните меня...»

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир, волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его Вам было мало или много,
Должно быть, плохо я стихи писал
И Вас несправедно просил у Бога.

Но каждый раз Вы склонитесь без сил
И скажете: «Я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

<1917>

«Так долго сердце боролось...»

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос, навеки.

Но Вы мне его возвратили,
Он вновь мое достоянье,
Вновь в памяти белых лилий
И синих миров сверканье.

Мне ведомы все дороги
На этой земли привольной...
Но Ваши милые ноги
В крови, и Вам бегать больно.

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песнью своею
Доволен, — для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

Предложение

Я говорил: «Ты хочешь, хочешь?
Могу я быть тобой любим?»
Ты счастье странное пророчишь
Гортанным голосом своим.

А я плачу за счастье много,
Мой дом — и звезд и песен дом,
И будет странная тревога
Расти при имени твоём.

И скажут: «Что он? Только скрипка,
Покорно плачущая, он,
Ее единая улыбка
Рождает этот дивный звон».

И скажут: «То луна и море,
Двойко отраженный свет, —
И после: — О, какое горе,
Что женщины подобной нет!»

Но, не ответив мне ни слова,
Она задумчиво прошла,
Она не сделала мне злого,
И жизнь по-прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы,
Пою я полночи и дню,
Но вместо женщины любимой
Цветок засушенный храню.

Прощанье

Ты не могла иль не хотела
Мою почувствовать истому,
Свое дурманящее тело
И сердце отдала другому.

Зато, когда перед бедою
Я обессилю, стиснув зубы,
Ты не придешь смочить водою
Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилья,
Когда и ангелы заплещут,
Твои серебряные крылья
Передо мною не заблещут.

И в встречу радостной победе
Мое ликующее знамя
Ты не поднимешь в реве меди
Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

«Нежно-небывалая отрада...»

Нежно-небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу,
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно я принял бы не споря —
Тихий, тихий, золотой покой
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Чтобы грезить, как бы сладко нежил
Тот покой и вечный гул томил,
Если б только никогда я не жил,
Никогда не пел и не любил.

<1917>

Прощенье

Ты пожалела, ты простила
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.

Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, кто был сейчас свободный,
И жизнь, и даже часть имения.

Все, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Все, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту,

Все, пред твоей склоняясь властью,
Все дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.

Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я их петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.

Не накажи меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну.
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.

Я побегу в пустынном поле,
Через канавы и заборы,
Забыв себя, и ужас боли,

И все условия, договоры.

И не узнаешь никогда ты,
Чтоб не мутила взор тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

<1917>

Уста солнца

Неизгладимы, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взгляд девический.
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
Колеблемые лунным притяжением,
И сонмы звезд, что движутся, горя,
От века им назначенным движением.

О, если б ты была всегда со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить пятой
И солнце б целовал в уста горящие.

<1917>

Девочка

Временами, не справясь с тоскою
И не в силах смотреть и дышать,
Я, глаза закрывая рукою,
О тебе начинаю мечтать.

Не о девушке тонкой и томной,
Как тебя увидали бы все,
А о девочке тихой и скромной,
Наклоненной над книжкой Мюссе.

День, когда ты узнала впервые,
Что есть Индия — чудо чудес,
Что есть тигры и пальмы святые, —
Для меня этот день не исчез.

Иногда ты смотрела на море,
А над морем сходилась гроза.
И совсем настоящее горе
Застилало туманом глаза.

Почему по побережьям безмолвным
Не взноситься дворцам золотым?
Почему по светящимся волнам
Не приходит к тебе серафим?

И я знаю, что в детской постели
Не спалось вечерами тебе.
Сердце билось, и взоры блестели,
О большой ты мечтала судьбе.

Утонув с головой в одеяле,
Ты хотела стать солнца светлей,
Чтобы люди тебя называли

Счастьем, лучшей надеждой своей.

Этот мир не слукавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездой,
Хоть не всем — только мне одному.

Но теперь ты не та, ты забыла
Все, чем в детстве ты думала стать.
Где надежда? Весь мир — как могила.
Счастье где? Я не в силах дышать.

И, таинственный твой собеседник,
Вот я душу мою отдаю
За твой маленький детский передник,
За разбитую куклу твою.

<1917>

Новая встреча

На путях зеленых и земных
Горько счастлив темной я судьбою.
А стихи? Ведь ты мне шепчешь их,
Тайно наклоняясь надо мною.

Ты была безумием моим
Или дивной мудростью моею,
Так когда-то грозный серафим
Говорил тоскующему змею:

«Тьмы тысячелетий протекут,
И ты будешь биться в клетке тесной,
Прежде чем настанет Страшный суд,
Сын придет и Дух придет Небесный.

Это выше нас, и лишь когда
Протекут назначенные сроки,
Утренняя, грешная звезда,
Ты придешь к нам, брат печальноокий.

Нежный брат мой, вновь крылатый брат,
Бывший то властителем, то нищим,
За стенами рая новый сад,
Лучший сад с тобою мы отыщем.

Там, где плещет сладкая вода,
Вновь соединим мы наши руки,
Утренняя, милая звезда,
Мы не вспомним о былой разлуке».

Отрывок из пьесы

Так вот платаны, пальмы, темный грот,
Которые я так любил когда-то,
Да и теперь люблю... Но место дам
Рукам, вперед протянутым, как ветви,
И розовым девическим стопам,
Губам, рожденным для святых приветствий.
Я нужен был, чтоб ведала она,
Какое в ней благословенье миру,
И подвиг мой я совершил сполна
И тяжкую слагаю с плеч порфиру.
Я вольной смертью ныне искуплю
Мое слепительное дерзновенье,
С которым я посмел сказать «люблю»
Прекраснейшему из всего творенья.

<1917?>

Хокку

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца.
Зачем Колумб Америку открыл?!

<1917>

Пропавший день

Всю ночь говорил я с ночью,
Когда ж наконец я лег,
Уж хоры гремели птичьи,
Уж был золотым восток.

Проснулся, когда был вечер,
Вставал над рекой туман,
Дул теплый томящий ветер
Из юго-восточных стран.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко мне стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня.

Куда мне теперь из дома?
Я сяду перед окном
И буду грустить и думать
О радости, певшей днем.

<1917?>

Предупрежденье

С японского

Мне отраднее всего
Видеть взор твой светлый,
Мне приятнее всего
Говорить с тобою.

И, однако, мы должны
Кончить наши встречи,
Чтоб не ведали о них
Глупые соседи.

Не о доброй славе я
О своей забочусь,
А без доброй славы ты
Милой не захочешь.

<1917?>

Гончарова и Ларионов

Пантум

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье —
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии —
Не обновленная ль стихия?

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия —
Снопы лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды —
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньютюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньютюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых,
Восток и нежный и блестящий.

<1917>

Два Адама

Мне странно сочетание слов — «я сам»,
Есть внешний, есть и внутренний Адам.

Стихи слагая о любви нездешней,
За женщиной ухаживает внешний.

А внутренний, как враг, следит за ним,
Унылой злобою всегда томим.

И если внешний хитрыми речами,
Улыбкой нежной, нежными очами

Сумеет женщину приворожить,
То внутренний кричит: «Тому не быть!»

Не знаешь разве ты, как небо сине,
Как веселы широкие пустыни

И что другая, дивно полюбя,
На ангельских тропинках ждет тебя?»

Но если внешнего напрасны речи
И женщина с ним избегает встречи,

Не хочет ни стихов его, ни глаз —
В безумьи внутренний: «Ведь в первый раз

Мы повстречали ту, что нас обоих
В небесных приютила бы покоях.

Ах ты ворона!» Так среди равнин
Бредут, бранясь, Пьеро и Арлекин.

<1917?>

«Я, что мог быть лучшей из поэм...»

Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой белою,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.

Часто больно мне и трудно мне,
Только даже боль моя какая-то,
Не ездок на огненном коне,
А томленье и пустая маята.

Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: «Пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему,
И больнее было Богородице».

<1917?>

Ангел боли

Праведны пути твои, царица,
По которым ты ведешь меня,
Только сердце бьется, словно птица,
Страшно мне от синего огня.

С той поры, как я еще ребенком,
Стоя в церкви, сладко трепетал
Перед профилем девичьим, тонким,
Пел псалмы, молился и мечтал,

И до сей поры, когда во храме
Всемогущей памяти моей
Светят освященными свечами
Столько губ манящих и очей,

Не знавал я ни такого гнета,
Ни такого сладкого огня,
Словно обо мне ты знаешь что-то,
Что навек сокрыто от меня.

Ты пришла ко мне, как ангел боли,
В блеске необорной красоты,
Ты дала неволю слаще воли,
Смертной скорбью истомила... ты

Рассказала о своей печали,
Подарила белую сирень,
И за то стихи мои звучали,
Пели о тебе и ночь и день.

Пусть же сердце бьется, словно птица,
Пусть уж смерть ко мне нисходит...
Ах, Сохрани меня, моя царица,

В ослепительных таких цепях.

<1917 или 1917?>

Песенка

Ты одна благоухаешь,
Ты одна;
Ты проходишь и сияешь,
Как луна.

Вещь, которой ты коснулась,
Вдруг свята,
В ней таинственно проснулась
Красота.

Неужель не бросит каждый
Всех забот,
За тобой со сладкой жаждой
Не пойдет?

В небо, чистое, как горе,
Глаз твоих,
В пену сказочного моря
Рук твоих?

Много женщин есть на свете
И мужчин,
Но пришел к заветной мете
Я один.

<1917 или 1918?>

Купанье

Зеленая вода дрожит легко,
Трава зеленая по склонам,
И молодая девушка в трико
Купальном, ласковом, зеленом;

И в черном я. Так черен только грех,
Зачатый полночью бессонной,
А может быть, и зреющий орех
В соседней заросли зеленой.

Мы вместе плаваем в пруду. Дразня,
Она одна уходит в заводь,
Увы, она искуснее меня,
Я песни петь привык, не плавать!

И вот теперь, покинут и угрюм,
Барахтаясь в пруду зловонном,
Я так грушу, что черный мой костюм
Не поспевает за зеленым,

Что в тайном заговоре все вокруг,
Что солнце светит не звездам, а розам
И только в сказках счастлив черный жук,
К зеленым сватаясь стрекозам.

<1917 или 1918?>

Рыцарь счастья

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко,
Я каждого счастливым сделать волен.

Пусть он придет, я расскажу ему
Про девушку с зелеными глазами,
Про голубую утреннюю тьму,
Пронзенную лучами и стихами.

Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово.

А если все-таки он не поймет,
Мою прекрасную не примет веру
И будет жаловаться в свой черед
На мировую скорбь, на боль — к барьеру!

<1917 или 1918?>

Загробное мщенье

Баллада

Как-то трое изловили
На дороге одного
И жестоко колотили,
Беззащитного, его.

С переломанною грудью
И с разбитой головой,
Он сказал им: «Люди, люди,
Что вы сделали со мной?

Не страшны ни Бог, ни черти,
Но клянусь в мой смертный час
Притаясь за дверью смерти,
Сторожить я буду вас.

Что я сделаю, о Боже,
С тем, кто в эту дверь вошел!...»
И закинулся прохожий,
Захрипел и отошел.

Через год один разбойник
Умер, и дивился поп,
Почему это покойник
Все никак не входит в гроб.

Весь изогнут, весь скорючен,
На лице тоска и страх,
Оловянный взор измучен,
Капли пота на висках.

Два других бледнее стали
Стираного полотна.
Видно, много есть печали
В царстве неземного сна.

Протекло четыре года,
Умер наконец второй.
Ах, не видела природа
Дикой мерзости такой!

Мертвый глухо выл и хрипло,
Ползал по полу, дрожа,
На лицо его налипла
Мутной сукровицы ржа.

Уж и кости обнажались,
Смрад стоял — не подступить,
Все он выл, и не решались
Гроб его заколотить.

Третий, чувствуя тревогу
Нестерпимую, дрожит
И идет молиться Богу
В отдаленный тихий скит.

Он года хранит молчанье
И не ест по сорок Дней,
Исполняя обещанье,
Спит на ложе из камней.

Так он умер, нетревожим;
Но никто не смел сказать,
Что пред этим чистым ложем
Довелось ему видать.

Все бледнели и крестились,
Повторяли: «Горе нам!» —

И в испуге расходились
По трущобам и горам.

И вокруг скита пустого
Терн поднялся и волчцы...
Не творите дела злого —
Мстят жестоко мертвецы.

1918

Франция («Франция, на лик твой просветленный...»)

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь
И как в омут погружусь бездонный
В дикую мою, родную Русь.

Ты была ей дивною мечтою,
Солнцем столько несравненных лет,
Но назвать тебя своей сестрою,
Вижу, вижу, было ей не след.

Только небо в заревых багрянцах
Отразило пролитую кровь,
Как во всех твоих республиканцах
Пробудилось рыцарское вновь.

Вышли кто за что: один — чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробегал,
А другой — за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;

Тот — чтоб милой в память их разлуки
Принести «Почетный легион»,
Этот — так себе, почти от скуки,
И средь них отважнейшим был он!

Мы сбирались там, поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали — женщин обижали,
Пропивали ружья и кресты.

Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным прости!

Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая Божьего пути.

В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена.
В каждом дьявольская половина
Радуетя, что она сильна.

Вот ты кличешь: «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда.

<1918>

«Среди бесчисленных светил...»

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Когда внезапная тоска
Мне тайно в душу проберется,
Я вглядываюсь в облака,
Пока душа не улыбнется.

И если мне порою сон
О милой родине приснится,
Я непритворно удивлен,
Что сердце начинает биться.

Ведь это было так давно
И где-то там, за небесами,
Куда мне плыть — не все ль равно,
И под какими парусами?

Приглашение в путешествие

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.

Нежней цветы и звезды ярче
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой, словно ларчик
Для очарованных невест.

Мы дом построим выше ели,
Мы камнем выложим углы
И красным деревом панели,
А палисандровым полы.

И средь разбросанных тропинок
В огромном розовом саду
Мерцанье будет пестрых спинок
Жуков, похожих на звезду.

Уедем! Разве Вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Услышать страшные баллады,
Рассказы абиссинских роз:

О древних сказочных царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Что гнезда вьют средь облаков.

Найдем мы старого араба,
Читающего нараспев
Стих про Рустема и Зораба

Или про занзибарских дев.

Когда же нам наскучат сказки,
Двенадцать стройных негритят
Закружатся пред нами в пляске
И отдохнуть не захотят.

И будут приезжать к нам в гости,
Когда весной пойдут дожди,
В уборах из слоновой кости
Великолепные вожди.

В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я стану лес,
Смолою пахнущие кедры,
Платан, встающий до небес.

Я буду изменять движенье
Рек, льющихся по крутизне,
Указывая им служенье,
Угодное отныне мне.

А Вы, Вы будете с цветами,
И я Вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что кажется, поет свирель;

Иль птицу райскую, что краше
И огненных зарниц, и роз,
Порхать над темно-русой Вашей
Чудесной шапочкой волос.

Когда же Смерть, грустя немного,
Скользя по роковой меже,
Войдет и станет у порога,
Мы скажем Смерти: «Как, уже?»

И, не тоскуя, не мечтая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

1918

«Они спустились до реки...»

Они спустились до реки
Смотреть на зарево заката,
Но серебрились их виски
И сердце не было крылато.

Промчался длинный ряд годов,
Годов унынья и печали,
Когда ни алых вечеров,
Ни звезд они не замечали.

Вот все измены прощены
И позабыты все упреки.
О, только б слушать плеск волны,
Природы мудрые уроки!

Как этот ясный водоем,
Навек отринуть самовластье
И быть вдвоем, всегда вдвоем,
Уже не верующим в счастье.

А в роще, ладя самострел,
Ребенок, брат любимый мая,
На них насмешливо глядел,
Их светлых слез не понимая.

<1918?>

Два сна (Китайская поэма)

I

Весь двор усыпан был песком,
Цветами редкостными вышит
За ним сиял высокий дом
Своей эмалевою крышей.

А за стеной из тростника,
Работы тщательной и тонкой,
Шумела Желтая река
И пели лодочники звонко.

Лай-Це ступила на песок,
Обвороженная сияньем,
В лицо ей веял ветерок
Неведомым благоуханьем,

Как будто первый раз на свет
Она взглянула, веял ветер,
Хотя уж целых десять лет
Она жила на этом свете.

И благонравное дитя
Ступало тихо, как во храме,
Совсем неслышно шелестя
Кроваво-красными шелками.

Когда, как будто донесен
Из-под земли, раздался рокот,
Старинный бронзовый дракон
Ворчал на каменных воротах:

«Я пять столетий здесь стою,
А простою еще и десять,
Судьбу тревожную мою
Как следует мне надо взвесить.

Одни и те же на крыльце
Китаечки и китайчонки,
Я помню бабушку Лай-Це,
Когда она была девчонкой.

Одной приснится страшный сон,
Другая влюбится в поэта,
А я, семейный их дракон,
Я должен отвечать за это?»

Его огромные усы
Торчали, тучу разрезая,
Две тоненькие стрекозы
На них сидели, отдыхая.

Он смолк, заслыша тихий зов,
Лай-Це умильные моленья:
«Из персиковых лепестков
Пусть нынче мне дадут варенья!

Пусть в куче розовых камней
Я камень с дырочкой отрою,
И пусть придет ко мне Тен-Вей
Играть до вечера со мною!»

При посторонних не любил
Произносить дракон ни слова,
А в это время подходил
К ним мальчуган большеголовый.

С Лай-Це играл он, их дворцы

Стояли средь одной долины,
И были дружны их отцы,
Ученейшие мандарины.

Дракон немедленно забыт,
Лай-Це помчалась за Тен-Веем,
Туда, где озеро блестит,
Павлины ходят по аллеям,

А в павильонах из стекла,
Кругом обсаженных цветами,
Собачек жирных для стола
Откармливают пирожками.

«Скорей, скорей, — кричал Тен-Вей, —
За садом в подземельи хмуром
Посажен связанный злодей,
За дерзость прозванный Манчжуром.

Китай хотел он разорить,
Но оказался между пленных,
Я должен с ним поговорить
О приключениях военных».

Пред ними старый водоем,
А из него, как два алмаза,
Сияют сумрачным огнем
Два кровью налитые глаза.

В широкой рыжей бороде
Шнурками пряди перевиты,
По пояс погружен в воде,
Сидел разбойник знаменитый.

Он крикнул: «Горе, горе всем!
Не посадить меня им на кол,
А эту девочку я съем,

Чтобы отец ее поплакал!»

Тен-Вей, стоявший впереди,
Высоко поднял меч картонный:
«А если так, то выходи
Ко мне, грабитель потаенный!

Борись со мною грудь на грудь,
Увидишь, как тебя я кину!»
И хочет дверь он отомкнуть,
Задвижку хочет отодвинуть.

На отвратительном лице
Манчжура радость засияла,
Оцепенелая Лай-Це
Молчит — лишь миг, и все пропало.

И вдруг испуганный Тен-Вей
Схватился за уши руками...
Кто дернул их? Его ушей
Не драть так сильно даже маме.

А две большие полосы
Дрожали в зелени газона,
То тень отбросили усы
Назад летящего дракона.

А дома в этот миг за стол
Садятся оба мандарина
И между них старик, посол
Из отдаленного Тонкина.

Из ста семидесяти блюд
Обед закончен, и беседу
Изящную друзья ведут,
Как дополнение к обеду.

Слуга приводит к ним детей,
Лай-Це с поклоном исчезает
Но успокоенный Тен-Вей
Стихи старинные читает.

И гости по доске стола
Их такт отстукивают сами
Блестящими, как зеркала,
Полуаршинными ногтями.

Стихи, прочитанные Тен-Веем

Луна уже покинула утесы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи легкие проходят
Сквозь лунный столб, что в море отражен,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жен;

Другие верят — это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.

Тен-Вей окончил, и посол
Уж рот раскрыл, готов к вопросу,
Когда ударился о стол
Цветок, в его вплетенный косу.

С недоуменьем на лице
Он обернулся: приседая,
Смеется перед ним Лай-Це,

Легка, как серна молодая.

«Я не могу читать стихов,
Но вас порадовать хотела
И самый яркий из цветов
Вплела вам в косу, как умела».

Отец молчит, смущен и зол
На шалость дочки темнокудрой,
Но улыбается посол
Улыбкой ясною и мудрой.

«Здесь, в мире горестей и бед,
В наш век и войн и революций,
Милей забав ребячьих — нет,
Нет плубже — так учил Конфуций».

II

Не светит солнце, но и дождь
Не падает; так тихо-тихо,
Что слышно из окрестных роц,
Как учит маленьких ежика.

Лай-Це играет на песке,
Но ей недостает чего-то,
Она в тревоге и тоске
Поглядывает на ворота.

«Скажите, господин дракон,
Вы не знакомы с крокодилом?
Меня сегодня ночью он
Катал в краю чужом, но милом».

Дракон ворчит: «Шалунья ты,

Вот плутое тебе и снится.
Видала б ты во сне цветы,
Как благодетельная девица...»

Лай-Це, наморщив круглый лоб,
Идет домой, стоит среди зала
И кормит рыбу-телескоп
В аквариуме из кристалла.

Ее отец среди стола
Кольцом с печатью на мизинце
Скрепляет важные дела
Ему доверенных провинций.

«Скажите, господин отец,
Есть в Индию от нас дороги
И кто живет в ней, наконец, —
Простые смертные или боги?»

Он поднял узкие глаза,
Взглянул на дочь в недоуменье
И наставительно сказал,
Сдержанная старая нетерпенье:

«Там боги есть и мудрецы,
Глядящие во мрак столетий,
Есть и счастливые отцы,
Которым не мешают дети».

Вздыхнула бедная Лай-Це,
Идет, сама себя жалея,
А шум и хохот на крыльце
И хлопанье ладош Тен-Вея.

Чеканный щит из-за плеча
Его виднеется, сверкая,
И два за поясом меча,

Чтоб походил на самурая.

Кричит: «Лай-Це, поздравь меня,
Учиться больше я не стану,
Пусть оседлают мне коня,
И я поеду к богдыхану».

Лай-Це не страшно — вот опушка,
Квадраты рисовых полей,
Вот тростниковая избушка
С заснувшим аистом на ней.

И прислонился у порога
Чернобородый человек;
Он смотрит пристально и строго
В тревожный мрак лесных просек.

Пока он смотрит — тихи звери,
Им на людей нельзя напасть.
Лай-Це могучей верой верит
В его таинственную власть.

Чу! Голос нежный и негромкий,
То девочка поет в кустах;
Лай-Це глядит — у незнакомки
Такая ж ветка в волосах,

И тот же стан, и плечи те же,
Что у нее, что у Лай-Це,
И рот чуть-чуть большой, но свежий
На смугло-розовом лице.

Она скользит среди растений,
Лай-Це за ней, они бегут,
И вот их принимают тени
В свой зачарованный приют.

<1918>

Евангелическая церковь

Тот дом был красная, слепая,
Остроконечная стена.
И только наверху, сверкая,
Два узких виделись окна.

Я дверь толкнул. Мне ясно было:
Здесь не откажут пришлецу.
Так может мертвый лечь в могилу,
Так может сын войти к отцу.

Дрожал вверху под самым сводом
Неясный остов корабля,
Который плыл по бурным водам
С надежным кормчим у руля.

А снизу шум вносился многих,
То пела за скамьей скамья,
И был пред ними некто строгий,
Читавший Книгу Бытия.

И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обретена.

Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем.
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.

И только на заре слепящей,
Где небом кончилась земля,
Призывно реял уходящий

Флаг неземного корабля.

<1919>

Мой час

Еще не наступил рассвет,
Ни ночи нет, ни утра нет,
Ворона под моим окном
Спросонья шевелит крылом,
И в небе за звездой звезда
Истаивает навсегда.

Вот час, когда я все могу:
Проникнуть помыслом к врагу
Беспомощному и на грудь
Кошмаром гривистым вскакнуть.
Иль в спальню девушки войти,
Куда лишь ангел знал пути,
И в сонной памяти ее,
Лучом прорезав забытье,
Запечатлеть свои черты,
Как символ высшей красоты.

Но тихо в мире, тихо так,
Что внятен осторожный шаг
Ночного зверя и полет
Совы — кочевницы высот.
А где-то пляшет океан,
Над ним белесый встал туман,

Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка.
Передрассветный ветерок
Струится, весел и жесток,
Так странно весел, точно я,
Жесток — совсем судьба моя.

Чужая жизнь — на что она?

Свою я выпью ли до дна?
Пойму ль всей волею моей
Единый из земных стеблей?
Вы, спящие вокруг меня,
Вы, не встречающие дня,
За то, что пощадил я вас
И одиноко сжег свой час,
Оставьте завтрашнюю тьму
Мне также встретить одному.

<1919>

Естество

Я не печалюсь, что с природы
Покров, ее скрывавший, снят,
Что древний лес, седые воды
Не кроют фавнов и наяд.

Не человеческою речью
Гудят пустынные ветра
И не усталость человеческую
Нам возвещают вечера.

Нет, в этих медленных, инертных
Преображеньях естества —
Залог бессмертия для смертных,
Первоначальные слова.

Поэт, лишь ты единый в силе
Постичь ужасный тот язык,
Которым сфинксы говорили
В кругу драконовых владык.

Стань ныне вещью, Богом бывши,
И слово вещи возгласи,
Чтоб шар земной, тебя родивший,
Вдруг дрогнул на своей оси.

Если встретишь меня, не узнаешь!
Назовут — едва ли припомнишь!
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки.

Но клянусь — ты будешь моею,
Даже если ты любишь другого,
Даже если долгие годы
Не удастся тебя мне встретить!

Я клянусь тебе белым храмом,
Что мы вместе видели на рассвете,
В этом храме венчал нас незримо
Серафим с пылающим взором.

Я клянусь тебе теми снами,
Что я вижу теперь каждой ночью,
И моей великой тоскою
О тебе в великой пустыне, —

В той пустыне, где горы вставали,
Как твои молодые груди,
И закаты в небе пылали,
Как твои кровавые губы.

Сентиментальное путешествие

I

Серебром холодной зари
Озаряется небосвод,
Меж Стамбулом и Скутари
Пробирается пароход.
Как дельфины, пляшут ладьи,
И так радостно солонь
Молодые губы твои
От соленой свежей волны.
Вот, как рыжая грива льва,
Поднялись три большие скалы —
Это Принцесы острова
Выступают из синей мглы.
В море просветы янтаря
И кровавых кораллов лес,
Иль то розовая заря
Утонула, сойдя с небес?
Нет, то просто красных медуз
Проплывает огромный рой,
Как сказал нам один француз —
Он ухаживал за тобой.
Посмотри, он идет опять
И целует руку твою...
Но могу ли я ревновать —
Я, который слишком люблю?..
Ведь всю ночь, пока ты спала,
Ни на миг не мог я заснуть,
Все смотрел, как дивно бела
С царским кубком схожая грудь.
И плывем мы древним путем
Перелетных веселых птиц,

Наяву, не во сне плывем
К золотой стране небылиц.

II

Сеткой пуганой мачт и рей
И домов, сбежавших с вершин,
Поднялся пред нами Пирей,
Корабельщик старый Афин.
Паровоз упрямый, пыхти!
Дребезжи и скрипи, вагон!
Нам дано наконец прийти
Под давно родной небосклон.
Покрывает июльский дождь
Жемчугами твою вуаль,
Тонкий абрис масличных роц
Нам бросает навстречу даль.
Мы в Афинах. Бежим скорей
По тропинкам и по скалам:
За оградой тополей
Встал высокий мраморный храм,
Храм Палладе. До этих пор
Ты была не совсем моя.
Брось в расселину луидор —
И могучей станешь, как я.
Ты поймешь, что страшного нет
И печального тоже нет,
И в душе твой вспыхнет свет
Самых вольных Божьих комет.
Но мы станем одно вдвоем
В этот тихий вечерний час,
И богиня с длинным копьём
Повенчает для славы нас.

Чайки манят нас в Порт-Саид,
Ветер зной из пустыни донес.
Остается направо Крит,
А налево милый Родос.
Вот широкий Лессепсов мол,
Ослепительные дома.
Гул, как будто от роя пчел,
И на пристани кутерьма.
Дело важное здесь нам есть —
Без него был бы день наш пуст —
На террасе отеля сесть
И спросить печеных лангуст.
Ничего нет в мире вкусней
Розоватого их хвоста,
Если соком рейнских полей
Пряность легкая полита.
Теплый вечер. Смолкает гам,
И дома в прозрачной тени.
По утихнувшим площадям
Мы с тобой проходим одни.
Я рассказываю тебе,
Овладев рукою твоей,
О чудесной, как сон, судьбе,
О твоей судьбе и моей.
Вспоминаю, что в прошлом был
Месяц черный, как черный ад,
Мы расстались, и я манил
Лишь стихами тебя назад.
Только вспомнишь — и нет вокруг
Тонких пальм, и фонтан не бьет;
Чтобы ехать дальше на юг,
Нас не ждет большой пароход.
Петербургская злая ночь;
Я один, и перо в руке,

И никто не может помочь
Безысходной моей тоске.
Со стихами грустят листы,
Может быть, ты их не прочтешь...
Ах, зачем поверила ты
В человечью скучную ложь?
Я люблю, бессмертно люблю
Все, что пело в твоих словах,
И скорблю, смертельно скорблю
О твоих губах-лепестках.
Яд любви и позор мечты!
Обессилен, не знаю я —
Что же сон? Жестокая ты
Или нежная и моя?

1920

Индюк

На утре памяти неверной
Я вспоминаю пестрый луг,
Где царствовал высокомерный,
Мной обожаемый индюк.

Была в нем злоба и свобода,
Был клюв его как пламя ал,
И за мои четыре года
Меня он остро презирал.

Ни шоколад, ни карамели,
Ни ананасная вода
Меня утешить не умели
В сознании моего стыда.

И вновь пришла беда большая,
И стыд, и горе детских лет:
Ты, обожаемая, злая,
Мне гордо отвечаешь: «Нет!»

Но все проходит в жизни зыбкой —
Пройдет любовь, пройдет тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка.

«Нет, ничего не изменилось...»

Нет, ничего не изменилось
В природе бедной и простой,
Все только дивно озарилось
Невыразимой красотой.

Такой и явится, наверно,
Людская немощная плоть,
Когда ее из тьмы безмерной
В час судный воззовет Господь.

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный,
С тобою, лишь с тобой одной,
Рыжеволосой, белоснежной,
Я стал на миг самим собой.

Ты улыбнулась, дорогая,
И ты не поняла сама,
Как ты сияешь и какая
Вокруг тебя сгустилась мгла.

«Поэт ленив, хоть лебединый...»

Поэт ленив, хоть лебединый
В его душе не меркнет день,
Алмазы, яхонты, рубины
Стихов ему рассыпать лень.

Его закон — неутомимо,
Как скряга, в памяти собирать
Улыбки женщины любимой,
Зеленый взор и неба гладь.

Дремать Танкредом у Армиды,
Ахиллом возле кораблей,
Лелея детские обиды
На неосмысленных людей.

Так будьте же благословенны,
Слова жестокие любви,
Рождающие огонь мгновенный
В текущей нектаром крови!

Он встал. Пегас вознесся быстрый,
По ветру грива, и летит,
И сыплются стихи, как искры
Из-под сверкающих копыт.

«Ветла чернела. На вершине...»

Ветла чернела. На вершине
Грачи топорщились слегка.
В долине неба темно-синей
Паслись, как овцы, облака.

И ты с покорностью во взоре
Сказала: «Влюблена я в Вас».
Кругом трава была как море,
Послеполуденный был час.

Я целовал пыланья лета —
Тень трав на розовых щеках,
Благоуханный праздник света
На бронзовых твоих кудрях.

И ты казалась мне желанной,
Как небывалая страна.
Какой-то край обетованный
Восторгов, песен и вина.

«С тобой мы связаны одною цепью...»

С тобой мы связаны одною цепью,
Но я доволен и пою.
Я небывалому великолепью
Живую душу отдаю.
А ты поглядываешь исподлобья
На солнце, на меня, на всех,
Для девичьего твоего незлобья
Вселенная — пустой орех.
И все-то споришь ты, и взоры строги,
И неудачней с каждым днем
Замысловатые твои предлоги,
Чтобы не быть со мной вдвоем.

1920

«После стольких лет...»

После стольких лет
Я пришел назад.
Но изгнанник я,
И за мной следят.

Я ждала тебя
Столько долгих лет!
Для любви моей
Расстоянья нет.

— В стороне чужой
Жизнь прошла моя.
Как <украли?> жизнь,
Не заметил я.

— Жизнь моя была
Сладостною мне.
Я ждала тебя,
Видела во сне.

Смерть в доме моем
И в доме твоём.
— Ничего, что смерть,
Если мы вдвоем.

<1921>

«На далекой звезде Венере...»

На далекой звезде Венере
Сердце пламенной и золотистой.
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере
Нет слов обидных или властных.
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —
Это радостное обещанье.
«Уо», «ао» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нет смерти терпкой и душной.
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних куцах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

«Я сам над собой насмеялся...»

Я сам над собой насмеялся
И сам я себя обманул,
Когда мог подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде,
Как в пеплуме древних богинь,
Ты держишь хрустальную сферу
В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы,
Архангелы, люди, цветы —
Они в хрустале отразились
Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя,
Что сам я не только ночная
Бессонная песнь о тебе.

Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет.
Там длинные пламени реют,
Как два золотые крыла.

Алжир и Тунис

От Европы старинной
Оторвавшись, Алжир,
Как изгнанник невинный,
В знойной Африке сир.

И к Италии дальней
Дивно выгнутый мыс
Простирает печальный
Брат Алжира, Тунис.

Здесь по-прежнему стойки
Под напором ветров
Башни римской постройки,
Колоннады дворцов.

У крутых побережий
На зеленом лугу
Липы, ясени те же,
Что на том берегу.

И Атласа громада
Тяжела и черна,
Словно Сьерра-Невада
Ей от века родна.

Этих каменных скатов
Мы боялись, когда
Варварийских пиратов
Здесь гнездились суда.

И кровавились воды,
И молил Сервантес
Вожденной свободы

У горячих небес.

Но Алжирского бея
Дни давно пронеслись.
За Алжиром, слабея,
Покорился Тунис.

И, бывшие союзы
Вспомнив с этой страной,
Захватили французы
Край наследственный свой.

Ныне эти долины,
Игр и песен приют,
С крутизны Константины
Христиан не столкнут.

Нож кривой янычара
Их не срубит голов,
И под пулей Жерара
Пал последний из львов.

И в стране, превращенной
В фантастический сад,
До сих пор запрещенный,
Вновь зацвел виноград.

Средь полей кукурузы
Поднялись города,
Где смакуют французы
Смесь абсента и льда.

И глядят бедуины,
Уважая гостей,
На большие витрины
Чужеземных сластей.

Но на север и ныне
Юг оскалил клыки.
Все ползут из пустыни
Рыжей стаей пески.

Вместо хижин — могилы,
Вместо озера — рвы...
И отходят кабилы,
Огрызаясь, как львы.

Только белый бороться
Рад со всяким врагом:
Вырывает колодцы,
Садит пальмы кругом.

Он выходит навстречу
Этой тучи сухой,
Словно рыцарь на сечу
С исполинской змеей.

И, как нежные девы
Золотой старины,
В тихом поле посева
Им одним спасены.

<1918–1921>

Поэма начала. Книга первая. Дракон

Песнь первая

1

Из-за свежих волн океана
Красный бык приподнял рога,
И бежали лани тумана
Под скалистые берега.
Под скалистыми берегами
В многошумной сырой тени
Серебристыми жемчугами
Оседали на мох они.
Красный бык изменяет лица:
Вот широко крылья простер
И парит, огромная птица,
Пожирающая простор.
Вот к дверям голубой кумирни,
Ключ держа от тайн и чудес,
Он восходит, стрелок и лирник,
По открытой тропе небес.
Ветры, дуйте, чтоб волны пели,
Чтоб в ветрах гудели стволы,
Войте, ветры, в трубы ущелий,
Возглашая ему хвалы!

2

Освежив горячее тело
Благовонной ночью тьмой,
Вновь берется земля за дело,
Непонятное ей самой.
Наливает зеленым соком
Детски нежные стебли трав

И багряным, дивно высоким
Благородное сердце льва.
И, всегда желая иного,
На голодный жаркий песок
Проливает снова и снова
И зеленый и красный сок.
С сотворенья мира стократы,
Умирая, менялся прах:
Этот камень рычал когда-то,
Этот плющ парил в облаках.
Убивая и воскрешая,
Набухать вселенской душой —
В этом воля земли святая,
Непонятная ей самой.

3

Океан косматый и сонный,
Отыскав надежный упор,
Тупо терся губой зеленой
О подножие Лунных гор.
И над ним стеною отвесной
Разбежалась и замерла,
Упираясь в купол небесный,
Аметистовая скала.
До глубин ночами и днями
Аметист светился и цвел
Многоцветными огоньками,
Точно роем веселых пчел.
Потому что свивал там кольца,
Вековой досыпая сон,
Старше вод и светлее солнца,
Золоточешуйный дракон.
И подобной чаши священной
Для вина первозданных сил
Не носило тело вселенной

И Творец в мечтах не носил.

4

Пробудился дракон и поднял
Янтари грозových зрачков.
Первый раз он взглянул сегодня
После сна десяти веков.
И ему не казалось светлым
Солнце, юное для людей.
Был как будто засыпан пеплом
Жар пылавших в море огней.
Но иная радость глубоко
В сердце зрела, как сладкий плод.
Он почуял веянье рока,
Милой смерти неслышный лет.
Говор моря и ветер южный
Заводили песню одну:
«Ты простишься с землей ненужной
И уйдешь домой, в тишину.
О твое усталое тело
Притупила жизнь острие.
Губы смерти нежны, и бело
Молодое лицо ее».

5

А с востока, из мглы белесой,
Где в лесу змеилась тропа,
Превышая вершину леса
Ярко-красной повязкой лба,
Пальм стройней и крепче платанов,
Неуклонней разлива рек,
В одеяньях серебротканых
Шел неведомый человек.
Шел один, спокойно и строго

Опуская глаза, как тот,
Кто давно знакомой дорогой
Много дней и ночей идет.
И казалось, земля бежала
Под его стопы, как вода,
Смоляною доской лежала
На груди его борода.
Точно высечен из гранита,
Лик был светел, но взгляд тяжел...
Жрец Лемурии, Морадита,
К золотому дракону шел.

6

Было страшно, точно без брони
Встретить меч, разящий в упор,
Увидать нежданно драконий
И холодный и скользкий взор.
Помнил жрец, что десять столетий
Каждый бывший здесь человек
Видел лишь багровые сети
Крокодилых сомкнутых век.
Но молчал он и черной пикой
(У мудрейших водилось так)
На песке пред своим владыкой
Начертал таинственный знак:
Точно жезл, во прахе лежавший, —
Символ смертного естества,
И отвесный, обозначавший
Нисхождение божества,
И короткий, меж них сокрытый,
Точно связь этих двух миров...
Не хотел открыть Морадита
Зверю тайны чудесной слов.

7

И дракон прочел, наклоня
Взоры к смертному в первый раз:
«Есть, владыка, нить золотая,
Что связует тебя и нас.
Много лет я провел во мраке,
Постигая смысл бытия,
Видишь, знаю святые знаки,
Что хранит твоя чешуя.
Отблеск их от солнца до меди
Изучил я ночью и днем,
Я следил, как во сне ты бредил,
Переменным горя огнем.
И я знаю, что заповедней
Этих сфер, и крестов, и чаш,
Пробудившись в свой день последний,
Нам ты знанье свое отдашь.
Зарожденье, преображенье
И ужасный конец миров
Ты за ревностное служенье
От своих не скроешь жрецов».

8

Засверкали в ответ чешуи
На взнесенной мостом спине,
Как сверкают речные струи
При склоняющейся луне.
И, кусая губы сердито,
подавляя потоки слов,
стал читать на них Морадита
Сочетанье черт и крестов:
«Разве в мире сильных не стало,
Что тебе я знанье отдам?
Я вручу его розе алой,

Водопадам и облакам;
Я вручу его кряжам горным,
Стражам косного бытия,
Семизвездию в небе черном,
Изогнувшемуся, как я,
Или ветру, сыну Удачи,
Что свою прославляет мать,
Но не твари с кровью горячей,
Не умеющею сверкать!»

9

Только сухо хрустнула пика,
Переломленная жрецом,
Только взоры сверкнули дико
Над гранитным его лицом
И уставились непреклонно
В муть уже потухавших глаз
Умирающего дракона —
Повелителя древних рас.
Человечья теснила сила
Нестерпимую ей судьбу,
Синей кровью большая жила
Налилась на открытом лбу,
Приоткрылись губы, и вольно
Прокатился по берегам
Голос яркий, густой и полный,
Как полуденный запах пальм.
Первый раз уста человека
Говорить осмелились днем,
Раздалось в первый раз от века
Запрещенное слово: «ОМ!»

10

Солнце вспыхнуло красным жаром
И надтреснуло. Метеор
Оторвался и легким паром
От него рванулся в простор.
После многих тысячелетий
Где-нибудь за Млечным Путем
Он расскажет встречной комете
О таинственном слове «ОМ».
Океан взревел и, взметенный,
Отступил горой серебра.
Так отходит зверь, обожженный
Головной людского костра.
Ветви лапчатые платанов,
Распластавшись, легли на песок,
Никакой напор ураганов
Так согнуть их досель не мог.
И звенело болью мгновенной,
Тонким воздухом и огнем
Сотрясая тело вселенной,
Заповедное слово «ОМ».

11

Содрогнулся дракон и снова
Устремил на пришельца взор,
Смерть боролась в нем силу слова,
Незнакомую до сих пор.
Смерть, надежный его союзник,
Наплывала издалека.
Как меха исполинской кузни,
Раздувались его бока.
Когти лап в предсмертном томленьи
Бороздили поверхность скал,
Но без голоса, без движенья
Нес он муку свою и ждал.
Белый холод последней боли

Плавал по сердцу, и вот-вот
От сжигающей сердце воли
Человеческой он уйдет.
Понял жрец, что страшна потеря
И что смерти не обмануть,
Поднял правую лапу зверя
И себе положил на грудь.

12

Капли крови из свежей раны
Потекли, красны и теплы,
Как ключи на заре багряной
Из глубин мировой скалы.
Дивной перевязью священной
Заалели ее струи
На мерцании драгоценной
Золотеющей чешуи.
Точно солнце в рассветном небе,
Наливался жизнью дракон,
Крылья рвались по ветру, гребень
Петушиный встал, обагрён.
И когда без слов, без движенья
Взором жрец его вновь спросил
О рожденье, преображенье
И конце первозданных сил,
Переливы чешуи далече
Озарили уступы круч,
Точно голос нечеловечий,
Превращенный из звука в луч.

Песнь вторая

Мир когда-то был легок, пресен,
Бездыханен и недвижим
И своих трагических песен
Не водило время над ним.
А уже в этой тьме суровой
Трепетала первая мысль,
И от мысли родилось слово —
Предводитель священных числ.
В слове скрытое материнство
Отыскало свои пути: —
Уничтожиться как единство
И как множество расцвести.
Ибо в мире блаженно-новом,
Как сверканье и как тепло,
Было между числом и словом
И не слово и не число.
Светозарное, плотью стало,
Звуком, запахом и лучом,
И живая жизнь захлестала
Золотым и буйным ключом.

2

Скалясь красными пропастями,
Раскаленны, страшны, пестры,
За клокочущими мирами
Проносились с гулом миры.
Налетали, сшибались, выли
И стремительно мчались вниз,
И столбы золотистой пыли
Над ловцом и жертвой вились.
В озаренной светами бездне,
Затаив первозданный гнев,
Плыл на каждой звезде наездник —
Лебедь, Дева, Телец и Лев.
А на этой навстречу звездам,

Огрызаясь на звездный звон,
Золотобагряным наростом
Поднимался дивный дракон.
Лапы мир оплели, как нити,
И когда он вздыхал, дремля,
По расшатанной им орбите.
Вверх и вниз металась земля.

3

Мчалось время; прочней, телесней
Застывало оно везде.
Дева стала лучом и песней
На далекой своей звезде.
Лебедь стал сияющей льдиной,
А дракон — земною корой,
Разметавшеюся равниной,
Притаившеюся горой.
Умягчилось сердце природы,
Огонь в глубинах земли исчез,
Побежали звонкие воды,
Отражая огни небес.
Но из самых темных затонов,
Из гниющих в воде корней,
Появилось племя драконов,
Крокодилов и черных змей.
Выползали слепые груды
И давили с хрустом других,
Кровяные рвались сосуды
От мычанья и рева их.

**Альбомные стихи, надписи на книгах,
экспромты, отрывки**

Искатели жемчуга

От зари
Мы, как сны;
Мы цари
Глубины.

Нежен, смел
Наш размах,
Наших тел
Блеск в водах.

Мир красив...
Поспешим,
Вот отлив,
Мы за ним.

Жемчугов
И медуз
Уж готов
Полный груз.

Поплывет
Наш челнок
Все вперед
На восток.

Нежных жен
Там сады,
Ласков звон
Злой воды.

Посетим
Берега,
Отдадим

Жемчуга.

Сон глубин,
Радость струй
За один
Поцелуй.

1906

Наталье Владимировне Анненской

В этом альбоме писать надо длинные, длинные строки, как нити,
Много в них можно дурного сказать, может быть, и хорошего много;
Что хорошо или дурно в этом мире роскошных и ярких событий!
Будьте правдивы и верьте в дьяволов, если Вы верите в Бога.
Если ж Вы верите в дьяволов, тех, что веселое, нежное губят,
Знайте, что духи живут на земле, духи робкие, бледные, словно намеки,
Вы их зовите к себе, и они к Вам придут, вас любят,
Сказки расскажут о счастье, правдивые, как эти длинные, длинные строки.

1906

Ва<лентину> Кривичу

Вот книга странная,
Арена, где гиены и жирафы
Крадутся от страницы до страницы,
Раскидистые пальмы и платаны
Изгибами уходят за поля.
Вот книга странная
И скучная, быть может.
Что ж! Ласково всегда встречались
У Вас иные и еще слабее.

<1908?>

«Микель-Анджело, великий скульптор...»

Многоуважаемой Вере Евгеньевне Арене

Микель-Анджело, великий скульптор,
Чистые линии лба изваял.
Светлый, ласкающий, пламенный взор
Сам Рафаэль в минуты восторга писал.

Даже улыбку, что нету нежнее,
Перл между перлов и чудо чудес,
Создал веселый властитель Кипрей —
Феб златокудрий, возникший небес.

<1908?>

«Вы пленены игрой цветов и линий...»

Вы пленены игрой цветов и линий,
У Вас в душе и радость, и тоска,
Когда весной торжественной и синей
Так четко в небе стыннут облака.

И рады Вы, когда ударом кисти
Вам удастся их сплести в одно,
Еще светлей, нежней и золотистой
Перенести на Ваше полотно.

И грустно Вам, что мир неисчерпаем,
Что до конца нельзя его пройти,
Что из того, что было прежде раем,
Теперь идут все новые пути.

Но рок творцов не требует участия,
Им незнакома горечь слова — «жаль»,
И если все слепительнее счастье,
Пусть будет все томительней печаль.

Акростих Кате Кардовской

Когда Вы будете большою,
А я — негодным стариком,
Тогда, согбенный над клюкою,
Я вновь увижу Ваш альбом,
Который рифмами всех вкусов,
Автографами всех имен —
Ремизов, Бальмонт, Блок и Брюсов —
Давно уж будет освящен.
О, счастлив буду я напомнить
Вам время давнее, когда
Стихами я помог наполнить
Кар дон нетронутый тогда,
А Вы, Вы скажете мне бойко:
«Я в прошлом помню только Бойку!»

<1909>

Акростих («Мощь и нега...»)

Мощь и нега —
Изначально!
Холод снега,
Ад тоски,
И красива, и могуча,
Лира Ваша так печальна,
Уводящая в пески.
Каждый путник
Утомленный
Знает лютни
Многих стран,
И серебряная туча
На груди его влюбленно
Усмиряет горечь ран.

<1909–1910?>

«Гляжу на Ваше платье синее...»

Гляжу на Ваше платье синее,
Как небо в дальней Абиссинии,
И украшаю Ваш альбом
Повествованием о том.

1910

Акростих («О, самой нежной из кузин...»)

О, самой нежной из кузин
Легко и надоест стихами,
И мне все снится магазин
На Невском, только со слонами.
Альбом, принадлежащий ей,
Любовною рукой моей,
Быть может, не к добру наполнен,
Он ни к чему... ведь в смене дней
Меня ей только слон напомнит.

1911

Акrostих («Можно увидеть на этой картинке...»)

Можно увидеть на этой картинке
Ангела, солнце и озеро Чад,
Шумного негра в одной пелеринке
И шарабанчик, где сестры сидят,
Нежные, стройные, словно былинки.
А надо всем поднимается сердце,
Лютой любовью вдвойне пронзено,
Боли и песен открытая дверца:
О, для чего даже здесь не дано
Мне позабыть о мечте иноверца.

1911

Мыльные пузыри

Какая скучная забота —
Пусканье мыльных пузырей!
Ну так и кажется, что кто-то
Нам карты сдал без козырей.

В них лучезарное горенье,
А в нас тяжелая тоска...
Нам без надежды, без волнения
Проигрывать наверняка.

О нет! Из всех возможных счастья
Мы выбираем лишь одно,
Лишь то, что синим углем страсти
Нас опалить осуждено.

1911

Встреча

Молюсь звезде моих побед,
Алмазу древнего востока,
Широкой степи, где мой бред —
Езда всегда навстречу рока.

Как неожидан блеск ручья
У зеленеющих платанов!
Звенит душа, звенит струя —
Мир снова царство великанов.

И все же темная тоска
Нежданно в поле мне явилась,
От встречи той прошли века,
И ничего не изменилось.

Кривой клюкой взметая пыль,
Ах, верно направляясь к раю,
Ребенок мне шепнул: «Не ты ль?» —
А я ему в ответ: «Не знаю.

Верь!» — и его коснулся губ
Атласных... Боже! Здесь, на небе ль?
Едва ли был я слишком груб,
Ведь он был прям, как нежный стебель.

Он руку оттолкнул мою
И отвечал: «Не узнаю!»

В четыре руки

Звуки вьются, звуки тают...
То по гладкой белой кости
Руки девичьи порхают,
Словно сказочные гости.

И одни из них так быстры,
Рассыпая звуки-искры,
А другие величавы,
Вызывая грезы славы.

За спиною так лениво
В вазе нежится сирень,
И не грустно, что дождливый
Проплывет неслышно день.

1911

Прогулка

В очень, очень стареньком дырявом шарабане
(На котором после будет вышит гобелен)
Ехали две девушки, сокровища мечтаний,
Сердце, им ненужное, захватывая в плен.

Несмотря на рытвины, я ехал с ними рядом,
И домой вернулись мы уже на склоне дня,
Но они, веселые, ласкали нежным взглядом
Не меня, неловкого, а моего коня.

1911

На кровати, превращенной в тахту

Вот троица странная наша: —
Я, жертва своих же затей,
На лебедь похожая Маша
И Оля, лисица степей.

Как странно двуспальной кровати,
Что к ней, лишь зажгутся огни,
Идут не для сна иль объятий,
А так, для одной болтовни,

И только о розовых счастьях:
«Ах, профиль у Маши так строг...
А Оля... в перстнях и запястьях
Она — экзотический бог...»

Как будто затейные пряжи
Прядем мы... сегодня, вчера...
Пока, разгоняя миражи,
Не крикнут: «Чай подан, пора!»

Куранты любви

Вы сегодня впервые пропели
Золотые «Куранты любви».
Вы крестились в «любовной купели»,
Вы стремились «на зов свирели»,
Не скрывая волненья в крови.

Я учил Вас, как автор поет их,
Но, уча, был так странно несмел.
О, поэзия — не в ритмах, не в нотах,
Только в Вас. Вы царица в гротах,
Где Амура звенит самострел.

1911

Медиумические явления

Приехал Коля. Тотчас слухи,
Во всех вселившие испуг:
По дому ночью ходят духи
И слышен непонятный стук.

Лишь днем не чувствуешь их дури.
Когда ж погаснет в окнах свет,
Они лежат на лиги-куре
Или сражаются в крокет.

Испуг ползет, глаза туманя.
Мы все за чаем — что за вид!
Молчит и вздрагивает Аня,
Сергей взволнован и сердит.

Но всех милей и грациозней
Все ж Оля в робости своей,
Встречая дьявольские козни
Улыбкой, утра розовой.

В вашей спальне

Вы сегодня не вышли из спальни,
И до вечера был я один.
Сердце билось печальней, и дальний
Падал дождь на узоры куртин.

Ни стрельбы из японского лука,
Ни гаданья по книгам стихов,
Ни блокнотов! Тяжелая скука
Захватила и смяла без слов.

Только вечером двери открылись,
Там сошлись развлекавшие Вас:
Вышивали, читали, сердились,
Говорили и пели зараз.

Я хотел тишины и печали,
Я мечтал Вас согреть тишиной,
Но в душе моей чаши азалий
Вдруг закрылись, и сами собой

Вы взглянули... и стула бесстрастной
Встретил я Ваш приветливый взгляд,
Помня мудрое правило басни,
Что чужой не созрел виноград.

О признаниях

Никому мечты не поверяйте,
Ах, ее не скажешь, не сгубя!
Что Вы знаете, то знайте
Для себя.

Даже если он Вас спросит,
Тот, кем Ваша мысль согрета,
Скажет, жизнь его зависит
От ответа,

Промолчите! Пусть отравит
Он мечтанье навсегда,
Он зато Вас не оставит
Никогда.

Память («Как я скажу, что тебя буду помнить всегда...»)

Как я скажу, что тебя буду помнить всегда?
Ах, я и в память боюсь, как во многое, верить!
Буйной толпой побегут и умчатся года,
Столько печали я встречу, что радость ли мерить?

Я позабуду. Но вечно и вечно, гадая,
Буду склоняться над омутом прежнего я,
Чтобы припомнить, о чем позабыл... и седая
Первая прядка волос, помни, будет твоя.

1911

Страница из Олиного дневника

Он в четверг мне сделал предложенье,
В пятницу ответила я «да».
«Навсегда?» — спросил он. «Навсегда».
И, конечно, отказала в воскресенье.

Но мои глаза вдруг стали больше,
Тоньше руки и румяней щеки,
Как у девушек веселой, старой Польши,
Любящих обманы и намеки.

1911

Борьба

Борьба одна: и там, где по холмам
Под рев звериный плещут водопады,
И здесь, где взор девичий, — но, как там,
Обезоруженному нет пощады.

Что из того, что волею тоски
Ты поборол нагих степей удушье.
Все ломит стрелы, тупит все клинки,
Как солнце золотое, равнодушье.

Оно — морской утес: кто сердцем тих,
Прильнет и выйдет, радостный, на сушу,
Но тот, кто знает сладость бурь своих,
Погиб... и Бог его забудет душу.

1911

Райский сад

Я не светел, я болен любовью,
Я сжимаю руками виски
И внимаю, как шепчутся с кровью
Шелестящие крылья Тоски.

Но тебе оскорбительны муки.
Ты одною улыбкой, без слов,
Отвести приказала мне руки
От моих воспаленных висков.

Те же кресла и комната та же...
Что же было? Ведь я уж не тот:
В золотисто-лиловом мираже
Дивный сад предо мною встает.

Ах, такой раскрывался едва ли
И на ранней заре бытия,
И о нем никогда не мечтали
Даже Индии солнца — князя.

Бьет поток. На лужайках прибрежных
Бродят нимфы забытых времен;
В выем раковин, длинных и нежных,
Звонко трубит мальчишка-тритон.

Я простерт на песке без дыханья,
И меня не боятся цветы,
Но в душе — ослепительность знанья,
Что ко мне наклоняешься ты...

И с такою же точно улыбкой,
Как сейчас, улыбнулась ты мне.
...Странно! Сад этот знойный и зыбкий

Только в детстве я видел во сне.

1911

Ключ в лесу

Есть темный лес в стране моей;
В него входил я не однажды,
Измучен яростью лучей,
Искать спасения от жажды.

Там ключ бежит из недр скалы
С глубокой льдистою водою,
Но Горный Дух из влажной мглы
Глядит, как ворон пред бедою.

Он говорит: «Ты позабыл
Закон: отсюда не уходят!»
И каждый раз я уходил
Блуждать в лугах, как звери бродят.

И все же помнил путь назад
Из вольной степи в лес дремучий...
О, если бы я был крылат,
Как тот орел, что пьет из тучи!

Опять прогулка

Собиратели кувшинок,
Мы отправились опять
Поблуждать среди тропинок,
Над рекою помечтать.

Оля правила. Ленивый,
Был нежданно резв Силач,
На Голубке торопливой
Поспевал я только вскачь.

И со мной, хоть осторожно,
Оля ласкова была,
С шарабана это можно,
Но не так легко с седла.

1911

Ева или Лилит

Ты не знаешь сказанья о деве Лилит,
С кем был счастлив в раю перевозданном Адам,
Но ты все ж из немногих, чье сердце болит
По душе окрыленной и вольным садам.

Ты об Еве слыхала, конечно, не раз,
О прамати Еве, хранящей очаг,
Но с какой-то тревогой... И этот рассказ
Для тебя был смешное безумье и мрак.

У Лилит — недоступных созвездий венец,
В ее странах алмазные солнца цветут;
А у Евы — и дети, и стадо овец,
В огороде картофель, и в доме уют.

Ты еще не узнала себя самое.
Ева ты иль Лилит? О, когда он придет,
Тот, кто робкое, жадное сердце твое
Без дорог унесет в зачарованный грот?

Он умеет блуждать под уступами гор
И умеет спускаться на дно пропастей,
Не цветок его сердце, оно — метеор,
И в душе его звездно от дум и страстей.

Если надо, он царство тебе покорит,
Если надо, пойдет с воровскою сумой,
Но всегда и повсюду — от Евы Лилит
Он тебя сохранит от тебя же самой.

Слова на музыку Давыдова

Я — танцовщица с древнего Нила,
Мне — плясать на песке раскаленном,
О, зачем я тебя полюбила,
А тебя не видала влюбленным.

Вечер близок, свивается парус,
В пряном запахе мирры и нарда
Я вплела в мои косы стеклярус
И склонилась на мех леопарда.

Но, как волны безмолвного Нила,
Все ты бродишь холодным и сонным...
О, зачем я тебя полюбила,
А тебя не видала влюбленным.

Остров Любви

Вы, что поплывете
К Острову Любви,
Я для вас в заботе,
Вам стихи мои.

— От Европы ль умной,
Джентльмена снов;
Африки ль безумной,
Страстной, но без слов;

Иль от двух Америк,
Знавших в жизни толк;
Азии ль, где берег —
Золото и шелк;

Азии, иль дате
От лесов густых
Девственных Австралии,
Диких и простых;

— Все вы в лад ударьте
Веслами струи,
Следуя по карте
К Острову Любви.

Вот и челн ваш гений
К берегу прибил,
Где соображений
Встретите вы ил.

Вы едва на сушу —
Книга встретит вас
И расскажет душу

В триста первый раз.

Чтоб пройти Болота
Скучной болтовни,
Вам нужна работа,
Нужны дни и дни.

Скромности пустыня. —
Место палачу! —
Все твердит богиня,
Как лягушка в тине:
«Нет» и «не хочу».

Но Стыдливость чашей
Успокоит вас,
Вам звучит все слаще:
«Милый, не сейчас!»

Озеро Томлений —
Счастье и богам:
Все открыты тени
Взорам и губам.

Но на Остров Неги,
Тот, что впереди,
Дерзкие набеги
Не производи!

Берегись истерик,
Серной кислоты,
Если у Америк
Не скитался ты.

Если ж знаешь цену
Ты любви своей —
Эросу в замену

Выйдет Гименей.

1911

«Пальмы, три слона и два жирафа...»

Пальмы, три слона и два жирафа,
Страус, носорог и леопард: —
Дальняя, загадочная Каффа,
Я опять, опять твой гость и бард!

Пусть же та, что в голубой одежде,
Строгая, уходит на закат!
Пусть не оборотится назад!
Светлый рай, ты будешь ждать, как прежде.

1911

11 июля 1911 г.

Ты, лукавый ангел Оли,
Стань серьезней, стань умней!
Пусть Амур девичьей воли,
Кроткий, скромный и неслышный,
Отойдет. А Гименей
Выйдет, радостный и пышный,
С ним дары: цветущий хмель
Да колечко золотое,
Выезд, дом и все такое,
И в грядущем колыбель.

1911

Четыре лошади

Не четыре! О нет, не четыре!
Две и две, и «мгновенье любви», —
Так всегда совершается в мире,
В этом мире веселой любви.

Но не всем вечеровая чара
И любовью рождаемый стих!
Пусть скакала передняя пара,
Говорила она о других,

О чужом... и, словами играя,
Так ненужно была весела...
Тихо ехала пара вторая,
Но, наверно, счастливей была.

Было поздно; ночные дриады
Танцевали среди дымных равнин,
И терялись смущенные взгляды
В темноте неизвестных лощин.

Проезжали какие-то реки.
Впереди говорились слова,
Сзади клялись быть верным навеки,
Поцелуй доносился едва.

Только поздно, у самого дома
(Словно кто-то воскликнул: «Не жди!»),
Захватила передних истома,
Что весь вечер цвела позади.

Захотело сказаться без смеха
Слово жизни святой и большой,
Но сказалось, как слабое эхо,

Повторенное чуткой душой.

И в чаду не страстей, а угара
Повторить его было невмочь. —
Видно, выпила задняя пара
Все мечтанья любви в эту ночь.

1911

«Огромный мир открыт и манит...»

Огромный мир открыт и манит,
Бьет конь копытом, я готов,
Я знаю, сердце не устанет
Следить за бегом облаков.
Но вслед бежит воспоминанье,
И странно выстраданный стих,
И недопетое признание
Последних радостей моих.
Рвись, конь, но помни, что печали
От века гнать не уставали
Свободных... гонят и досель,
Тогда поможет нам едва ли
И звонкая моя свирель.

«Я до сих пор не позабыл...»

Я до сих пор не позабыл
Цветов в задумчивом раю,
Песнь ангелов и блеск их крыл,
Ее, избранницу мою.

Стоит ее хрустальный гроб
В стране, откуда я ушел,
Но так же нежен гордый лоб,
Уста — цветы, что манят пчел.

Я их слезами окроплю
(Щадить не буду я свое),
И станет розой темный плющ,
Обвив, воскресшую, ее.

«Хиромант, большой бездельник...»

Хиромант, большой бездельник,
Поздно вечером в Сочельник
Мне предсказывал: «Заметь:
Будут долгие недели
Виться белые метели,
Льды прозрачные синеть.

Но ты снегу улыбнешься,
Ты на льду не поскользнешься,
Принесут тебе письмо
С надушенного подкладкой,
И на нем сияет сладкий,
Милый штампель — „Сан-Ремо!“»

Открытие летнего сезона

Зимнее стало как сон,
Вот отступает все дале.
Летний же начат сезон
Олиным salto-mortale.

Время и гроз и дождей,
Только мы назло погоде
Все не бросаем вожжей,
Не выпускаем поводий.

Мчится степенный Силач
Рядом с Колиброю рьяной,
Да и Красавчик, хоть вскачь,
Всюду поспеет за Дианой.

Знают они — говорить
Много их всадникам надо,
Надо и молча ловить
Беглые молнии взгляда.

Только... разлилась река,
Брод — словно омут содомский.
Тщетно терзает бока,
Шпорит коня Неведомский.

«Нет!.. Ни за что!.. не хочу!..» —
Думает Диана и бьется.
Значит, идти Силачу —
Он как-нибудь обернется.

Точно! Он вышел и ждет
В невозмутимом покое.
Следом другие, и вот

Реку проехали трое.

Только Красавчик на куст
Прыгнул с трепещущей Олей.
Топот, паденье и хруст
Гулко разносятся в поле.

Дивные очи смежив,
Словно у тети Алины,
Оля летит... а обрыв —
Сажени две с половиной.

Вот уж она и на дне,
Тушей придавлена конской,
Но оказался вполне
На высоте Неведомский.

Прыгнул, коня удержал,
Речка кипела, как Терек,
И — тут и я подбежал
Олю выводят на берег.

Оля смертельно бледна,
Словно из сказки царевна,
И, улыбаясь, одна
Вера нас ждет Алексеевна.

Так бесконечно мила,
Будто к больному ребенку,
Все предлагала с седла
Переодеть амазонку.

Как нас встречали потом
Дома, какими словами,
Грустно писать — да о том
Все догадаются сами.

Утром же ясен и чист
Был горизонт; все остыли;
Даже потерянный хлыст
В речке мальчишки отрыли.

День был семье посвящен,
Шуткам и чаю с вареньем... —
Так открывался сезон
Первым веселым паденьем.

1912

Обед в Бежецке

Д.В.К.К.

Милостивые Государыни и Милостивые
Государи!
Я объявляю первый тост
За представительницу дам!
На отсечение руку дам,
Что выбор прост.
То...

ХНАТЦ.

Хорошо он говорит!

СОСЕД (*Соседке*).

Позвольте положить?

СОСЕДКА.

Спасибо.

Д.В.К.К.

То... только голос мой дрожит...

КТО-ТО ПРОЖОРЛИВЫЙ —

А говорили, будет рыба.

Д.В.К.К.

Она пленительнее всех,
Так важен взгляд, так звонок смех...

ОДНА ИЗ ДАМ (*прихорашиваясь*).

Не я ли?

ДРУГАЯ ДАМА (*мило первой*).

Едва ли.

Д.В.К.К.

Она прекрасна! Перед ней
И роза кажется проста,
Она поет, как соловей
В тени лаврового куста.
Она глядит, и суждено
Сердцам дрожать, дрожать и ждать,
Она, как сладкое вино,
Дарует людям благодать.

ОДНА ИЗ ДАМ.

Да кто ж она? Не мучьте доле!

Д.В.К.К.

Мой первый тост: здоровье Оли!
Ура!

ВСЕ.

Ура! Ура! Ура!

ОДНА ИЗ ДАМ (*с досадой*).

Однако, к ней судьба добра.

СОСЕД (*наклоняясь к ней*).

А вы другого ждали?

ДАМА (*холодно*).

Как вы сказали?

ХНАТЦ (*в необузданном восторге*).

Гип-гип ура! Почтить красу
Я пьяных вишен привезу,
Над роком одержав победу,
В Слепнево сам приеду.

Д.В.К.К.

Милостивые Государыни и Милостивые Государи!
Почтив как должно дам прекрасных,
Я предлагаю тост за гласных,
Чтоб от Слепнева до Дубровки
И из Борискова в Слепнево
Дороги всюду были ловки,
Как мною сказанное слово.
Чтоб было хорошо на свете
И пешему, и верховому,

И всем сидящим в тундулете!
Эй, Карл, вина!

(Карл наполняет бокалы. Все пьют.)
1912

Надпись на книге

Георгию Иванову

Милый мальчик, томный, томный,
Помни — Хлои больше нет.
Хлоя сделалась нескромной,
Ею славится балет.

Пляшет нимфой, пляшет Айшей
И грассирует «За у est».
Будь смелей и подражай же
Кавалеру де Грие.

Пей вино, простись с тоскою,
И заманчиво-легко
Ты добудешь — прежде Хлою,
А теперь Манон Леско.

<1912>

«Фидлер, мой первый учитель...»

Фидлер, мой первый учитель
Угроза моих юных дней,
Дивно мне! Вы ли хотите
Лестных от жертвы речей?
Если теперь я поэт, что мне в том,
Разве он мне не знаком,
Ужас пред вашим судом?!

1912

«На Дуксе ли, на Бенце ль я...»

На Дуксе ли, на Бенце ль я, —
Верхом на какаду,
На вечер в доме Вен<т>целя
Всегда я попаду.

1912

«Мы с тобой повсюду рыскали...»

О.А. Кузьминой-Караваевой

Мы с тобой повсюду рыскали,
Скукой медленной озлоблены
То проворны, то неловки,
Мы бывали и в Б<о>рискове,
Мы бывали и в Подобине,
Мы бывали и в Дубровке.
Вот как мы сдержали слово
Ехать на лето в Слепнево.

<1912>

Крест («Корней Иванович Чуковский, вот...»)

Корней Иванович Чуковский, вот,
Попал я к босоногим дикаря м,
Корблю собой их я и повар с ам —
Увы, наверно выйдет стих у род.
Корней, меня срамите Вы. Иона
Вернейнашел приют, среди рыбьялона!
А я, увы, к Чуковскому попав,
Добыча я Чуковского забав.
Ведь кит, усложнивши пищеваренье,
Желудок к твоему не приравнял,
И, верней, им совсем не управлял,
Но ты велик: какое несваренье
Тебя сомнет?! Иона будет труп,
Но, кажется, попал тебе, Чуковский й,
Назуб, на твой огромный, страшный зуб,
Я — не Иона — я же не таковский.

«Какое счастье в Ваш альбом...»

Какое счастье в Ваш альбом
Вписать случайные стихи.
Но ах! Узнать о ком, о чем, —
Мешают мне мои грехи.

<1913>

«На вечере Верхарена...»

На вечере Верхарена
Со мной произошла перемена,
И, забыв мой ужас детский (перед Вами),
Я решил учиться по-немецки.

1913

Акростих восьмерка

Федор Федорович, я Вам
Фейных сказок не создам:
Фею ресторанный гам
Испугает — слово дам.
Да и лучше рюмок звон,
Лучше Браун, что внесен,
Есть он, все иное вон,
Разве не декан мой он?!

1914

«Мне на ваших картинах ярких...»

Ольге Людвиговне Кардовском

Мне на ваших картинах ярких
Так таинственно слышна
Царскосельских старинных парков
Убаюкивающая тишина.

Разве можно желать чужого,
Разве можно жить не своим...
Но и краски ведь то же слово,
И узоры линий — ритм.

1914

Надпись на переводе «Эмалей и Камей»

М. Лозинскому

Как путник, препоясав чресла,
Идет к неведомой стране,
Так ты, усевшись глубже в кресло,
Поправишь на носу пенсне.

И, не пленясь блеском ложным,
Хоть благосклонный, как всегда,
Движеньем верно-осторожным
Вдруг всунешь в книгу нож... тогда

Стихи великого Тео
Тебя достойны одного.

1914

Мадригал полковой даме

И как в раю магометанском
Сонм гурий в розах и шелку,
Так вы лейб-гвардии в уланском
Ее Величества полку.

1914

Надпись на «Колчане»

М.Л. Лозинскому

От «Романтических цветов»
И до «Колчана» я все тот же,
Как Рим от хижин и шатров
До белых портиков и лоджий.

Но верь, избличитель мой
В измене вечному, что грянет
Заветный час, и Рим иной,
Рим звонов и лучей настанет.

1915

«Ты, жаворонок в горней высоте...»

Марш Лёвберг

Ты, жаворонок в горней высоте,
Служи отныне, стих мой легкокрылый,
Ее неяркой, но издавна милой
Такой средневековой красоте.

Ее глазам — сверкающим зарницам,
И рту, где воля превзошла мечту,
Ее большим глазам, двум странным птицам,
И словно нарисованному рту.

Я больше ничего о ней не знаю,
Ни писем не писал, ни слал цветов,
Я с ней не проходил навстречу маю
Средь бешеных от радости лугов.

И этот самый первый наш подарок,
О жаворонок, стих мой, может быть,
Покажется неловким и случайным
Ей, ведающей таинства стихов.

Надпись на книге «Колчан»

У нас пока единый храм,
Мы братья в православной вере,
Хоть я лишь подошел к дверям,
Вы ж, уходя, стучитесь в двери.

1916

Командиру 5-го Александрийского полка

В вечерний час на небосклоне
Порой промчится метеор.
Мелькнув на миг на темном фоне,
Он зачаровывает взор.

Таким же точно метеором,
Прекрасным огненным лучом,
Пред нашим изумленным взором
И вы явились пред полком.

И, озаряя всех приветно,
Бросая всюду ровный свет,
Вы оставляете заметный
И — верьте — незабвенный след.

1916

«Что я прочел? Вам скучно, Лери...»

Что я прочел? Вам скучно, Лери,
И под столом лежит Сократ,
Томитесь Вы по древней вере?
— Какой отличный маскарад!
Вот я в моей каморке тесной
Над Вашим радуюсь письмом.
Как шапка Фауста прелестна
Над милым девичьим лицом!
Я был у Вас, совсем влюбленный,
Ушел, сжимаясь от тоски.
Ужасней шашки занесенной
Жест отстраняющей руки.
Но сохранил воспоминанье
О дивных и тревожных днях,
Мое пугливое мечтанье
О Ваших сладостных глазах.
Ужель опять я их увижу,
Замру от боли и любви
И к ним, сияющим, приближу
Татарские глаза мои?!
И вновь начнутся наши встречи,
Блужданья ночью наугад,
И наши озорные речи,
И Острова, и Летний Сад?!
Но ах, могу ль я быть не хмурым,
Могу ль сомненья подавить?
Ведь меланхолия амуром
Хорошим вряд ли может быть.
И, верно, день застал, серея,
Сократа снова на столе,
Зато «Эмали и камеи»
С «Колчаном» в самой пыльной мгле.
Так Вы, похожая на кошку,

Ночному молвили: «Прощай!»
И мчит Вас в Психоневроложку,
Гудя и прыгая, трамвай.

1916

«Вы дали мне альбом открытый...»

Вы дали мне альбом открытый,
В нем пели струны длинных строк,
Его унес я, и сердитый
В пути защелкнулся замок.
Печальный символ! Я томился,
Я перед ним читал стихи,
Молил, но он не отворился,
Он был безжалостней стихий.
И мне приходится привыкнуть
К сознанью, полному тоски,
Что должен я в него проникнуть,
Как в сердце ваше, — воровски.

<1917>

«За службу верную мою...»

За службу верную мою
Пред родиной и комиссаром
Судьба грозит мне, не таю,
Совсем неслыханным ударом.

Должна комиссия решить,
Что ждет меня — восторг иль горе:
В какой мне подобает быть
Из трех фатальных категорий.

Коль в первой — значит, суждено:
Я кров приветный сей покину
И перееду в Сатр Соитоз
Или в мятежную Куртину.

А во второй — я к вам приду —
Пустите в ход свое влиянье:
Я в авиации найду
Меня достойное призванье.

Мне будет сладко в вышине,
Там воздух чище и морозней,
Оттуда не увидать мне
Контрреволюционных козней.

Но если б рок меня хранил
И оказался бы я в третьей,
То я останусь, где я был,
А вы стихи порвите эти.

«Вдали от бранного огня...»

Вдали от бранного огня
Вы видите, как я тоскую.
Мне надобно судьбу иную —
Пустите в Персию меня!
Наш комиссариат закрылся,
Я таю, сохну день от дня,
Взгляните, как я истомился,
Пустите в Персию меня!
На все мои вопросы: «Хуя!»
Вы отвечаете, дразня!
Но я Вас, право, поцелую,
Коль пустят в Персию меня.

1918

В день рожденья Мика

Первая книга Гиперборея
Вышла на свет, за себя не краснея,
Если и будет краснеть вторая,
То как Аврора молодая,
Красными буквами пламенея,
Видом прелестным сердца пленяя.

1918

«Уже подумал о побеге я...»

Уже подумал о побеге я,
Когда читалась нам Норвегия,
А ныне горшие страдания:
Рассматривается Испания.
Но, к счастью, предстоит нам далее
Моя любимая Италия.

<1918>

Михаилу Леонидовичу Лозинскому

Над сим Гильгамешем трудились
Три мастера, равных друг другу:
Был первым Син-Лики-Унинни,
Вторым был Владимир Шилейко,
Михаил Леонидыч Лозинский
Был третьим. А я, недостойный,
Один на обложку попал.

1919

«Если плохо мужикам...»

Если плохо мужикам,
Хорошо зато медведям,
Хорошо и их соседям —
И кабанам, и волкам.

Забираются в овчарни,
Топчут тощие овсы —
Ведь давно подошли псы,
На войну угнали парней.

И в воде озер, морей
Даже рыба издерзела.
Рыло высунула смело,
Ловит мух и комарей.

Будет! Всадники — конь о конь!
Пешие — плечо с плечом!
Посмотрите: в Волге окунь,
А в Оке зубастый сом.

Скучно с жиру им чудесить,
Сети ждут они давно.
Бросьте в борозду зерно —
Принесет оно сам-десять.

Потрудись, честной народ,
У тебя ли силы мало?
И наешься до отвала,
Не смотря соседу в рот.

«Не Царское Село — к несчастью...»

Не Царское Село — к несчастью,
А Детское Село — ей-ей!
Что ж лучше: жить царей под властью
Иль быть забавой злых детей?

1919

«Левин, Левин, ты суров...»

Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров,
Ты ж высчитываешь триста
Обесцененных рублей
С каталей
Виртуозней даже Листа.
В пятисотенный альбом
Я влеком
И пишу строфой Ронсара,
Но у бледных губ моих
Стынет стих
Серебристой струйкой пара.
Ах, надежда все жива
На дрова
От финляндцев иль от чукчей,
А при градусах пяти,
Уж прости,
Сочинять нельзя мне лучше.

**«Чуковский, ты не прав, обрушась на
поленья...»**

Чуковский, ты не прав, обрушась на поленья.
Обломки божества — дрова.
Когда-то деревьям, близки им вдохновенья,
Тепла и пламени слова.

Береза стройная презренней ли, чем роза?
Где дерево — там сад.
Где б мы ни взяли их, хотя б из Совнархоза,
Они манят.

Рощ друидических теперь дрова потомки,
И, разумеется, в их блеске видел Блок
Волнующую поступь Незнакомки,
От Музы наш паек.

А я? И я вослед Колумба, Лаперуза
К огню и дереву влеком,
Мне Суза с пальмами, в огне небес Нефуза
Не обольстительней даров Петросоюза,
И рай огня дает нам Райлеском.

P.S. К тому ж в конторе Домотопа
Всегда я встречу эфиопа.

«О дева Роза, я в оковах...»

«О дева Роза, я в оковах»,
Я двадцать тысяч задолжал,
О сладость леденцов медовых,
Продуктов, что творит Шапшал.
Но мне ничуть не страшно это,
Твой взор, как прежде, не суров,
И я курю и ем конфеты
«И не стыжусь моих оков».

1920 или 1921

«У ворот Иерусалима...»

У ворот Иерусалима
Ангел душу ждет мою,
Я же здесь, и, Серафима
Павловна, я Вас пою.

Мне пред ангелом не стыдно,
Долго нам еще терпеть,
Целовать нам долго, видно,
Нас бичующую плеть.

Ведь и ты, о сильный ангел,
Сам виновен, потому
Что бежал разбитый Врангель
И большевики в Крыму.

7 декабря 1920

Леопарди

О праздниках, о звоне струн, о нарте,
О неумолчной радости земли
Ты ничего не ведал, Леопарди!

И дни твои к концу тебя влекли,
Как бы под траурными парусами
Плывущие к Аиду корабли.

Ты женщину с холодными глазами,
Влюбленную лишь в самое себя,
И родину любил под небесами.

Мечтал о них, как в смертный час скорбя.
Их смешивал в мечтах... но не любили
Ни родина, ни женщина тебя.

<1918–1921>

Николаю Александровичу Энгельгардту

Чтобы загладить старую обиду,
Слепого Байрона змеиный яд,
Друид британский русскому друиду
Сегодня вверил свой заветный клад.
Да будет имя Уордсфорда штандартом,
Внесенным Николаем Энгельгардтом.

<1918–1921>

«Низкорослый, большелобый...»

Низкорослый, большелобый,
Эстетический пробор,
Но в глазах ни тени злобы,
Хоть он критик с неких пор.
Он в газетах пишет... — ой ли?
И под силу ли ему
В этом авгиевом стойле
Успокоить кутерьму?
И такие ль Геркулесы
С ярким пламенем в глазах,
Попадая в лапы прессы,
Забывали стыд и страх?
А он мог бы быть свободным,
Как форель в ее реке,
Быть художником голодным
На холодном чердаке.

«Желтое поле...»

Желтое поле,
Солнечный полдень,
Старая липа.
Маленький мальчик
Тихо читает
Хорошую книгу.

Минут годы,
Маленький мальчик
Станет взрослым
И позабудет
Июльский полдень,
Желтое поле.
Лишь умирая,
Уже холодный,
Вдруг припомнит
Былое счастье,
Яркое солнце,
Старую липу,
Хорошую книгу,
А будет поздно.

«Три лестницы, ведущие на небо...»

Три лестницы, ведущие на небо,
Я видел. И восходят по одной
Из них взалкавшие вина и хлеба.

Она висит над страшной глубиной,
Из мрамора, но точно кружевная,
Озарена пылающей луной.

Вокруг нее каскады, ниспадая,
Кипят, доколь их может видеть взгляд,
И пестрых птиц над ними кружит стая.

И так сверкает этот водопад,
Как будто царь неизмеримо щедрый
Алмазов белых сыпет бездне клад.

А наверху, где пинии и кедры,
Там розы алым соком налиты
Так, что черны их бархатные недра.

По ней идут спокойные четы
С приятной важностью, неторопливо
В сознании необорной правоты.

И все — Господня вызревшая нива,
Все гости, приглашенные на пир
Хозяином, что ждет нетерпеливо.

И каждый гость калиф или эмир,
Великий визирь иль купец почтенный,
Хотя бы в мире беден был и сир.

Зеленые чалмы хаджей священны,

Бурнусы белы, словно лилий цвет,
И туфли, шелком шитые, священны.

Сильнее пахнут розы, ярче свет.
Вот в зале, где семьсот миллионов гурий
И юношей, их встретит Магомет.
И все они омоются в лазури.

Я одного из них остановил,
Как знать, кого — Гаруна ль аль-Рашида,
Тимур то был, Гафиз иль Боабдил,

Но я такого царственного вида
Досель не зрел. Меня с участием он
Спросил: «Какое горе иль обида

Тебя волнует, чем ты потрясен,
Что губы у тебя дрожат и руки?
Тебе ответить — для меня закон».

И я сказал: «Эффенди, не от скуки
Рождается назойливость моя,
Сомненье лишь мои рождает муки.

Ответь мне, почему не вижу я
В обитель нег идущих женщин юных,
Жемчужины земного бытия?

От них и песнь рождается на струнах,
И делается слаще сок гранат,
И мы о них мечтаем, как о лунах.

Ответь мне, где отрада из отрад —
Ах, даже плакать нам о ней отрада —
Чьи речи и <...> и пьянят,

Чей рот — цветок заоблачного сада,

Где та, кого я так давно желал,
Где лучшая из жен — Шехеразада?»

Вокруг поток крутился и сверкал,
И лестница все выше убегала,
А я, на белый мрамор пав, рыдал.

Мой собеседник, удивлен немало,
Сказал: «Ты, друг, безумием томим:
Как женщина, она землю стала».

И я ушел, не попрощавшись с ним.

Отрывки 1920–1921 гг

1

Я часто думаю о старости своей,
О мудрости и о покое.

2

А я уже стою в саду иной земли,
Среди кровавых роз и влажных лилий,
И повествует мне гекзаметром Вергилий
О высшей радости земли.

3

Колокольные звоны,
И зеленые клены,
И летучие мыши,
И Шекспир, и Овидий —
Для того, кто их слышит,
Для того, кто их видит.
Оттого все на свете
И грустит о поэте.

4

Я рад, что он уходит, чад угарный,
Мне двадцать лет тому назад сознанье
Застлавший, как туман кровавый очи
Схватившемуся в ярости за нож;
Что тело женщины меня не дразнит,
Что слава женщины меня не ранит,
Что я в ветвях не вижу рук воздетых,
Не слышу вздохов в шорохе травы.

Высокий дом Себе Господь построил
На рубеже Своих святых владений
С владеньями владыки Люцифера...

5

Трагикомедией — названьем «человек» —
Был девятнадцатый смешной и страшный век,
Век, страшный потому, что в полном цвете силы
Смотрел он на небо, как смотрят в глубь могилы,
И потому смешной, что думал он найти
В недостижимое доступные пути;
Век героических надежд и свершений...

6

Барабаны, гремите, а трубы ревите, — а знамена везде
внесены.

Со времен Македонца такой не бывало грозовой и чудесной
войны.

<...>

Кровь лиловая немцев, голубая — французов, и славянская
красная кровь.

«Я не знаю этой жизни ах, она сложнее...»

Я не знаю этой жизни — ах, она сложнее
Утром синих, на закате голубых теней.

Комментарии

[текст отсутствует]

notes

Примечания

1

Гета — по-абисински господин